

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 7 (73). № 4

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

ISSN 2413–1644

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;

Апатова Н. В. – д-р экон. наук, д-р пед. наук, проф.;

Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;

Дадашев Б. А. – д-р экон. наук, проф.;

Звонова Е. А. – д-р экон. наук, проф.;

Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;

Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;

Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;

Нижегородцев Р. М. – д-р экон. наук, проф.;

Панков Д. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;

Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;

Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Цехла С. Ю. – д-р экон. наук, проф.;

Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 10 от 28 декабря 2021 г.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4,

Подписано в печать 29.12.2021. Формат 70х100 1/16.

9,5 усл. п. л. Тираж 25. Заказ № НП/753. Бесплатно.

Дата выхода в свет 05.04.2022 г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

<http://sn-ecomon.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2021 г.

УДК 332.146.2(292.471): 330.322

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Вельгош Н. З.¹, Сиваш О. С.¹, Змяк С. С.²

¹*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация*

²*Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация*
E-mail: nvelgosh@mail.ru

Инвестиционная привлекательность является важным элементом эффективного развития региона, так как создает основу для роста объема привлекаемых инвестиционных ресурсов, которые могут использоваться для развития производственных технологий, создания новых и модернизации действующих предприятий, роста объемов производства и повышения качества производимой продукции. При этом создание максимально благоприятных условий для инвестирования, повышение конкурентоспособности региона в целом является одной из главных задач региональной экономической политики. Изучение факторов, формирующих инвестиционную привлекательность, а также влияющих на ее уровень, дает возможность выбрать эффективные методы государственного регулирования инвестиционной деятельности и выработки мероприятий, направленных на снижение инвестиционных рисков и рост инвестиционного потенциала региона.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционные риски, факторы, регион.

ВВЕДЕНИЕ

Повышение инвестиционной привлекательности является важным направлением формирования успешной территории, так как стратегические основы развития любого региона Российской Федерации ориентированы на переход от дотационной к развитой экономике, которая должна быть построена на эффективном производстве, диверсификации и разделении труда, использовании инновационных технологий, что является предпосылками для роста производительности труда и, соответственно, стимулирует социально-экономическое развитие региона.

Актуальным является не только развитие инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов, но и механизмы государственной инвестиционной политики, государственного регулирования, модификация взаимодействия государства и бизнеса в данной сфере.

Возможность привлечения инвестиционных ресурсов в регион, объемы привлекаемых инвестиций во многом определяются уровнем инвестиционной привлекательности региона, которая представляет собой его комплексную характеристику в соответствии с множеством параметров, служащих индикаторами целесообразности вложений средств непосредственно в данный регион. Отметим, что инвестиционная привлекательность – это составляющий элемент более укрупненного понятия – инвестиционного климата, который является важнейшим макроэкономическим индикатором, определяет перспективы развития экономики региона и формируется под воздействием социально-экономических, структурно-циклических, исторических, законодательных факторов. Благоприятный инвестиционный климат способствует привлечению большого объема инвестиций из

различных источников, что, в свою очередь, зависит от уровня инвестиционной привлекательности региона.

Весомый вклад в разработку теоретических положений и методологических подходов относительно оценки инвестиционной привлекательности региона сделали ведущие исследователи и ученые–экономисты: И. А. Бланк, Л. В. Полунин, И. Б. Максимов, Т. В. Теплова, Е. А. Павлова, А. А. Белокур, А. В. Крылов и ряд других. Однако особенности развития инвестиционной привлекательности в Республике Крым требуют более тщательного изучения, так как данный процесс происходит в особых условиях, связанных с действием международных санкций, которые значительно ограничивают возможности развития инвестиционного процесса.

Целью исследования является изучение теоретико-методических основ процесса оценки уровня инвестиционной привлекательности и выработка практических рекомендаций по повышению уровня инвестиционной привлекательности региона на примере Республики Крым.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

1. СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

Понятие «инвестиционная привлекательность региона» в настоящее время достаточно часто встречается в научной литературе и используется в качестве интегрального критерия оценки качества инвестиционной деятельности, отражающего возможности формирования инвестиционных ресурсов. Инвестиционную привлекательность можно рассматривать как совокупность условий, при которых может быть реализована инвестиционная деятельность, определяющих принятие решения инвестором, исходя из его предпочтений и возможности достижения ожидаемого эффекта [1]. С целью роста инвестиционной привлекательности для региона важна не только активизация деятельности по привлечению новых инвесторов, но и поддержка уже действующих предпринимателей, развивающих свой бизнес в данном регионе. Немаловажной является деятельность по популяризации предпринимательства, открытия собственного бизнеса для населения, содействие привлечению инвесторов, уже осуществляющих хозяйственную деятельность на территории других регионов [2].

Инвестиционная привлекательность включает в себя такие две важные составляющие, как инвестиционный потенциал и инвестиционные риски.

Рассмотрим несколько определений инвестиционной привлекательности, которые наиболее полно отражают сущность данного понятия (табл. 1).

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР...

Таблица 1

Подходы к определению понятия «инвестиционная привлекательность»

Автор / коллектив авторов	Определение
Бланк И. А.	«Ключевые компоненты инвестиционной привлекательности служат обобщающими характеристиками инвестиционных качеств конкретного объекта и оцениваются конкретным инвестором. Инвестиционная привлекательность отражает направленность на выработку инвестиционной политики и позволяет рассматривать ее как важный фактор принятия инвестиционного решения» [3, с. 115]
Полунин Л. В.	«Комплексная характеристика социально-экономического объекта по множеству параметров, показывающая инвестору степень целесообразности инвестирования в него» [4, с. 74]
Янгильбаева Л. Ш.	«Сформированное существующими рисками и устоявшимся инвестиционным потенциалом состояние региональной экономики, подтвержденное показателями рентабельности, реальности и перспективности финансовых инвестиций в социальное или экономическое развитие региона» [5, с. 144]
Максимов И. Б.	«Субъективная оценка инвестором страны, региона или предприятия по поводу принятия решения о вложении своих средств в, соответственно, страну, регион или предприятие, которая складывается на основе анализа объективных характеристик предполагаемого объекта инвестирования» [6, с. 14]
Теплова Т. В.	«Характеристика актива, учитывающая удовлетворение интереса конкретного инвестора по соотношению «риск – отдача на вложенный капитал – горизонт владения активом» [7, с. 31]
Чиненов М. В. и др.	«Объективные предпосылки для инвестирования и количественно выражаемые в объеме капитальных вложений, которые могут быть привлечены в регион, исходя из присущих ему инвестиционного потенциала и уровня некоммерческих инвестиционных рисков» [8, с. 30]
Юзвович Л. И., Дегтярев С. А., Князева Е. Г.	«Наличие таких условий инвестирования, которые влияют на предпочтения инвестора в выборе того или иного объекта инвестирования» [9, с. 372]
Павлова Е. А.	«Совокупность благоприятных для инвестиций факторов, характеризующих инвестиционный климат региона и отличающих данный регион от других» [10, с. 19]
Гопсахалова Ф. М.–Г., Лепшокова Р. Р., Койчуева Д. А.	«На макроуровне – экономические, правовые, политические, социальные и другие условия, созданные государством всем субъектам хозяйствования, а также иностранным инвесторам для выгодного вложения инвестиций с целью развития национальной экономики» [11]
Булокур А. А.	«Система объективных и субъективных региональных факторов и условий, определяющих инвестиционный потенциал территории и соответствующий выбор инвестором объекта инвестирования среди имеющихся альтернатив» [12]

Источник: составлено автором по материалам [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]

Относительно определения И. А. Бланка отметим, что, по нашему мнению, инвестиционная политика определяет, какой уровень инвестиционной привлекательности является приемлемым для инвестора, какие составляющие элементы этого комплексного показателя являются приоритетными, а не наоборот.

Определение Л. Ш. Янгильбаевой охватывает только финансовые инвестиции, тогда как значительную долю в структуре инвестиций любого региона занимают реальные (прямые) и интеллектуальные инвестиции.

Исходя из определения И. Б. Максимова, отметим, что такое важное решение, как вложение инвестиционных ресурсов в какой-либо регион, не может приниматься, исходя из субъективных оценок отдельных лиц, даже если они имеют большой опыт в сфере хозяйственной деятельности и/или инвестирования.

Определение Е. А. Павловой носит дискуссионный характер, так как отличие региона от других не является определяющим условием для инвестирования, чаще инвестором рассматриваются регионы с примерно одинаковыми условиями инвестиционной и хозяйственной деятельности, и решение может приниматься, например, при учете влияния территориального фактора, степени развитости инфраструктуры.

Определения Т. В. Тепловой, М. В. Чиненова, Л. И. Юззович, С. А. Дегтярева, Е. Г. Князева отмечают, что инвестиционная привлекательность отражает определенные условия, но не уточняется, чего именно касаются эти условия, какими конкретными параметрами они должны обладать, чтобы инвестор принял положительное или отрицательное решение о вложении своих средств в конкретный регион или объект инвестирования.

Общим в рассмотренных определениях является то, что инвестиционная привлекательность является комплексным показателем, включающим в себя множество параметров, позволяющих оценить целесообразность инвестирования в тот или иной объект. Наиболее точным является описание понятия инвестиционной привлекательности таких авторов, как Полунин Л. В., Топсахалова Ф. М.–Г., Лепшокова Р. Р., Койчуева Д. А., Булокур А. А.

Таким образом, инвестиционную привлекательность можно рассматривать как совокупность условий, при которых может быть реализована инвестиционная деятельность, определяющих принятие решения инвестором исходя из его предпочтений и возможности достижения ожидаемого эффекта.

Рассмотрим две основные составляющие инвестиционной привлекательности, а именно инвестиционный потенциал региона и инвестиционные риски.

Инвестиционный потенциал региона можно представить как совокупный оценочный показатель, позволяющий оценить различия в условиях, создаваемых органами местного самоуправления в отдельном регионе.

И. М. Голайдо в своем исследовании отмечает, что «инвестиционный потенциал должен учитывать макроэкономические характеристики, насыщенность территории факторами производства, потребительский спрос населения и складывается из семи частных потенциалов» [13, с. 60]: ресурсно-сырьевой, трудовой, производственный, институциональный, инфраструктурный, финансовый, потребительский.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР...

Т. А. Иванова в своем исследовании выделяет несколько видов риска, которые в совокупности составляют общий уровень инвестиционного риска: экономический, политический, финансовый, социальный, экологический, криминальный, законодательный [14, С. 43].

Инвестиционный риск в расширенном понимании – это «вероятность неполучения доходов запланированного уровня в условиях неопределенности, сопутствующей деятельности; неопределенность финансовых результатов в будущем» [15, С. 10]

Рассматривая эти две составляющие, необходимо учитывать, что инвестиционный потенциал отражает существующую на момент его оценки ситуацию, то есть наличие той или иной составляющей в регионе или существующие предпосылки для его появления или развития, активизации. В то же время инвестиционный риск отличается вероятностной оценкой, «здесь отчетливо прослеживается тесная связь риска, вероятности и неопределенности: в основе риска лежит вероятностная природа рыночной деятельности и неопределенность ситуации при ее осуществлении» [16, С. 10].

Инвестиционный риск отражает ограничения, с которыми может столкнуться инвестор в ходе принятия решения: ограниченность ресурсов – финансовых, материальных, трудовых, инфраструктурных; ограничения при изучении качеств и характеристик объекта инвестирования; ограниченность физической и познавательной деятельности человека, различия в оценках ситуации; несбалансированность механизма реализации инвестиционного процесса (например, финансово-экономического и материально-технического обеспечения).

Соответственно, инвестиционная привлекательность формируется исходя из существующего инвестиционного потенциала в регионе с учетом всех его составляющих потенциалов с учетом рисков инвестирования. То есть инвестиционную привлекательность можно представить как разность между инвестиционным потенциалом и инвестиционным риском.

Рассмотрим взаимосвязь между рассмотренными понятиями, которые неразрывно связаны с инвестиционной привлекательностью и являются ее составляющими элементами (рис. 1).

Рисунок 1. Взаимосвязь элементов, составляющих инвестиционную привлекательность.

Источник: составлено авторами по материалам [15, с. 22]

2. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНА

Уровень инвестиционной привлекательности региона зависит от множества факторов, определяющих как положительную, так и негативную оценку при рассмотрении возможности инвестирования в определенном регионе [17]. На рис. 2 представлены основные факторы, в целом определяющие инвестиционную привлекательность региона. Их оценка является важнейшей составляющей при принятии решения о целесообразности инвестирования.

Далее выделим инвестиционные элементы, положительно либо отрицательно влияющие на уровень инвестиционной привлекательности (рис. 3).

Отметим, что обозначенные инвестиционные составляющие находятся в тесной взаимосвязи между собой и могут нивелировать друг друга, то есть влияние положительного фактора может быть настолько высоко, что негативные факторы не будут приниматься во внимание, либо их влияние на принятие решения будет намного меньше, и наоборот. Инвестиционная привлекательность не только является комплексным понятием, но и подвергается влиянию множества факторов и элементов, в различной мере влияющих на ее уровень.

Следует отметить, что факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность, могут быть разделены на две категории:

- 1) «твердые», жесткие факторы – не могут изменить ни органы государственной власти, ни субъекты хозяйствования, либо их изменение возможно при больших материальных и временных затратах;
- 2) «мягкие» факторы – подвергаются изменениями, в свою очередь, делятся на медленно изменяемые и быстро изменяемые.

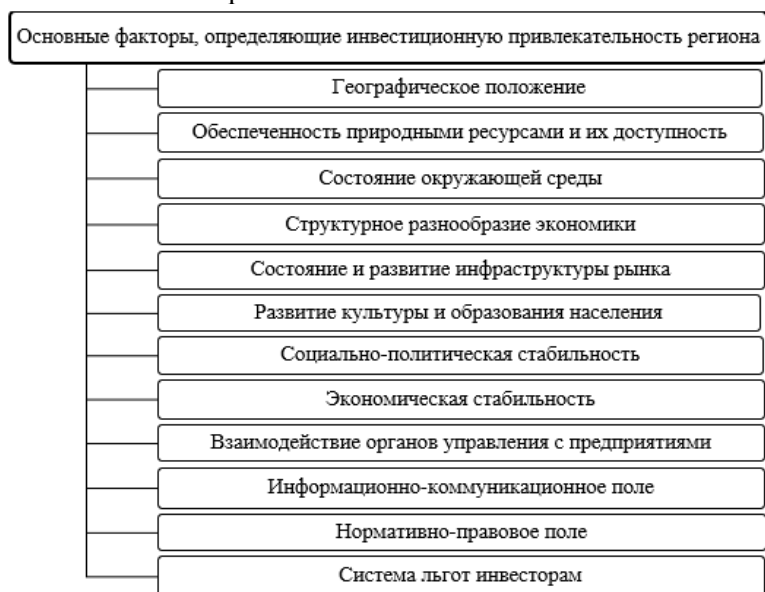

Рисунок 2. Основные факторы, определяющие инвестиционную привлекательность региона.

Источник: составлено авторами

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР...

К «твердым» факторам относится географическое положение, инфраструктура (транспортная, энергетическая, телекоммуникационная, научно-техническая), производственное развитие, ресурсно-сырьевая обеспеченность, уровень развития потребительского рынка, климат и экологическое состояние региона, уровень государственной поддержки и регулирования. К «мягким», медленно изменяемым факторам, можно отнести государственную инвестиционную политику на региональном уровне, возможность подготовки специалистов необходимой направленности, существующий уровень развития предпринимательской и инновационной деятельности в регионе, уровень социально-экономического развития региона, уровень сервиса, уровень коррупции и преступности.

К наиболее быстро изменяемым факторам можно отнести следующие: законодательство и политика местных органов самоуправления в сфере инвестирования, меры муниципальной поддержки и стимулирования [14, с. 19].

Рисунок 3. Инвестиционные составляющие, положительно и отрицательно влияющие на уровень инвестиционной привлекательности региона.

Источник: составлено авторами по материалам [2]

При этом отметим, что выделенные группы факторов могут усиливать или снижать влияние друг друга. Так, «мягкие» факторы могут частично компенсировать недостаточно привлекательные «твердые» факторы, смягчать их воздействие и подталкивать инвестора к принятию положительного решения в отношении инвестирования в определенный регион. В то же время «твердые» факторы, как правило, не могут компенсировать негативное воздействие «мягких» факторов, следовательно, не оказывают значительного влияния на решение инвестора в таком случае. «Твердые» факторы компенсируют недостатки «мягких» только в исключительных случаях.

Таким образом, инвестиционная привлекательность является важнейшим комплексным показателем, оцениваемым потенциальным инвестором при принятии решения о вложении своих средств в бизнес в определенном регионе. Повышая уровень инвестиционной привлекательности, укрепляя уже достигнутое значение, органы государственной власти имеют возможность развивать инвестиционную деятельность в регионе, привлекая новых, как российских, так и зарубежных инвесторов, и стимулируя уже существующих предпринимателей инвестировать в развитие хозяйственной деятельности, в повышение качества продукции и рост ее конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынках.

ВЫВОДЫ

Инвестиционную привлекательность можно рассматривать как совокупность условий, позволяющих реализовать инвестиционную деятельность, определяющих принятие решения инвестором, исходя из его предпочтений и возможности достижения ожидаемого эффекта. Выделяют две основные составляющие инвестиционной привлекательности: инвестиционный потенциал и инвестиционный риск.

Уровень инвестиционной привлекательности региона зависит от множества факторов, которые могут иметь как положительную, так и негативную оценку при рассмотрении возможности инвестирования.

Среди проблем развития инвестиционной деятельности в Республике Крым можно выделить такие, как высокий уровень физического и морального износа основных фондов, нехватка высококвалифицированных кадров для развития наукоемкого производства; сложности в получении инвестиционных кредитов, высокие ставки по банковским кредитам; низкий уровень развития дорожной инфраструктуры, сложность оценки реального состояния и динамики развития отраслей вследствие отсутствия развернутой статистической информации, высокий уровень риска инновационной деятельности, отсутствие опыта внедрения результатов инновационных исследований в практическую деятельность.

О наличии проблем в эффективном развитии инвестиционной привлекательности Республики Крым свидетельствует ряд показателей, которые следует рассматривать во взаимосвязи с тенденциями развития инвестиционной деятельности в регионе, например, сравнительно низкая инвестиционная активность предприятий, незначительная доля инвестиций в объекты интеллектуальной

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР...

собственности, поддерживающий характер инвестиций, недостаточные вложения в обучение персонала, низкие объемы и неблагоприятная структура иностранных инвестиций.

Учитывая влияние на инвестиционную привлекательность двух основных элементов: инвестиционного риска и инвестиционного потенциала, можно сделать заключение о том, что с целью повышения уровня инвестиционной привлекательности необходимо осуществлять мероприятия, направленные на снижение уровня инвестиционного риска региона и на рост инвестиционного потенциала.

Список литературы

1. Ильясова Ю. В. Современное состояние и проблемы обеспечения инвестиционной безопасности в Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 89–100.
2. Кирильчук С. П., Романенко А. Ю. Детерминанты трансформации региональной социально-экономической системы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 49–53.
3. Бланк И. А. Инвестиционный менеджмент: монография. Киев: МП «ИТЕМ» ЛТД. «Юнайтед Лондон Трейд Лимитед», 1995. 448 с.
4. Полунина Л. В. Повышение показателей инвестиционной привлекательности региональной экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 1 (059). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-pokazateley-investitsionnoy-privlekatelnosti-regionalnoy-ekonomiki>.
5. Янгильбаева Л. Ш. Сущность и экономическое содержание инвестиционной привлекательности региона // Пространство экономики. 2012. № 3–2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-ekonomicheskoe-soderzhanie-investitsionnoy-privlekatelnosti-regiona>.
6. Максимов И. Б. Инвестиционный климат: методика оценки: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. 132 с.
7. Теплова Т. В. Инвестиции: учебник. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 724 с.
8. Инвестиции: учебное пособие / М. В. Чиненов и др.; под ред. М. В. Чиненова. 3–е изд., стер. М.: КНОРУС, 2011. 368 с.
9. Инвестиции: учебник для вузов / под ред. Л. И. Юзвович, С. А. Дегтярева, Е. Г. Князевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 543 с.
10. Павлова Е. А. Инвестиционная привлекательность региона: сущность и методы оценки // Вестник Самарского финансово-экономического института. 2011. № 2 (10). С. 18–23.
11. Топсахалова Ф. М.–Г., Лепшокова Р. Р., Койчуева Д. А. Современное состояние и оценка эффективности использования инвестиционных ресурсов в аграрном секторе: монография. 2009. М.: Академия Естествознания. 161 с.
12. Белокур А. А. Экономическая сущность инвестиционной привлекательности региона // Экономика и социум. 2017. №3 (34) [Электронный ресурс]. URL: https://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_34/Belokur_Osnovnoy%20razdel.pdf
13. Голайдо И. М. Инвестиционный потенциал региона // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 17 (74). С. 59–68.
14. Иванова Т. А. Виды инвестиционных рисков и их рейтинговая оценка в Саратовской области // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2008. № 2. С. 43–45.
15. Касьяненко Т. Г., Маховикова Г. А. Анализ и оценка рисков в бизнесе: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт. 2018. 381 с.
16. Крылов А. В. Инвестиционный климат, бизнес-среда и их развитие для регионов и муниципальных образований // Официальный сайт Государственного Совета Республики Крым. [Электронный ресурс]. URL::

<http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/mohelp/%D0%9E%D0%9A%D0%9C%D0%9E28.02/investprivlek%20atelnost.pdf>.

17. Пяткова Н. П. Условия формирования региональной политики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 129–135.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 339.9

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РОСТА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ЭКСПОРТА

Воронина Т. В.¹, Яценко А. Б.¹, Калининченко М. П.²

¹*Южный федеральный университет, Ростов–на–Дону, Российская Федерация*

²*Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация*

E-mail: t.v.voronina@mail.ru

В статье представлены современные тенденции развития мирового рынка высокотехнологичной продукции: нарастание объемов высокотехнологичного экспорта в мировой торговле; опережение темпов роста высокотехнологичного экспорта в 2020 г. по сравнению с темпами роста товарного экспорта; доминирование стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь КНР. Гипотеза исследования заключалась в установлении причинно-следственной связи между абсолютным ростом объемов высокотехнологичного экспорта в международной торговле и обуславливающими его факторами. Доказательство гипотезы осуществлялось с использованием модели множественной линейной регрессии. Результаты исследования позволили установить влияние наиболее существенных факторов на высокотехнологичный экспорт: количество выданных патентов, приток прямых иностранных инвестиций, расходы на образование и НИОКР, количество исследователей в сфере НИОКР.

Ключевые слова: высокотехнологичный экспорт, экспортеры, высокотехнологичное производство, НИОКР, прямые иностранные инвестиции.

ВВЕДЕНИЕ

Со второй половины XX века наука, технологии и инновации все чаще стали признаваться основополагающими факторами конкурентоспособности и устойчивого развития национальных экономик, а позиции государств в международной экономике определяться объемами производства инноваций и экспорта высокотехнологичной продукции (ВТП).

Вклад экспорта товаров с высокой технологичностью в развитие национальной экономики зависит от его веса в экономической деятельности и общем объеме экспорта. В этой связи наращивание доли высокотехнологичных товаров в ВВП и экспорте является актуальной задачей для всех стран мира. По данным ВОИС, объем высокотехнологичного экспорта (ВТЭ) в мире за период 1995–2020 гг. вырос почти в 4 раза с 1 403 054,3 млн долл. до 5 463 331,5 млн долларов [1]. Для РФ дополнительная актуальность темы объясняется необходимостью изменения традиционной сырьевой международной специализации России на мировом рынке и наращивания несырьевого неэнергетического экспорта.

Цель настоящего исследования – на основе анализа 41 страны выявить факторы, в наибольшей степени влияющие на объемы экспорта высокотехнологичной продукции.

Данная работа продолжает исследование авторов на тему высокотехнологичного экспорта [3].

В соответствии с методикой ОЭСР, Всемирного банка и ЮНИДО (ООН) критерием отнесения к высокотехнологичной продукции (ВТП) выступает

интенсивность затрат на НИОКР в произведенном продукте или добавленной стоимости. Под высокотехнологичным производством авторы понимают результаты производства авиационной; космической; химической; фармацевтической промышленности; компьютеров, офисного и телекоммуникационного оборудования; электроники; медицинские и точные оптические приборы.

Методология данного исследования базируется на применении метода множественной линейной регрессии (ML), где зависимой переменной выступает экспорт высокотехнологичной продукции. Для построения модели использовалась программа Statistica.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что страновые различия в объемах высокотехнологичного экспорта определяются пятью базовыми факторами: количеством выданных патентов, национальными расходами на образование, количеством исследователей в сфере НИОКР в расчете на 1 млн человек, объемами прямых иностранных инвестиций, расходами на НИОКР.

В выборку вошло 41 государство. Источниками первичной информации выступили базы данных Всемирного банка, ЮНКТАД, ОЭСР, Всемирной организации интеллектуальной собственности. Хронологические рамки исследования охватывают 1995–2020 гг. Для построения модели выбран допандемический период – 2019 год.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Научные публикации освещают различные аспекты высокотехнологичного производства и экспорта. Большинство авторов обосновывают положительное влияние высокотехнологичного производства и экспорта на развитие других секторов национальной экономики, а также на темпы и объемы ВВП и ВВП на душу населения [5, 3].

Согласно исследованию Nelson Richard R. & Romer Paul M., рост капиталовложений в НИОКР и инвестиции в человеческий капитал выступают главными факторами экономического роста. Поэтому политика стимулирования научных разработок и их внедрения, финансирование и субсидирование инноваций, поддержка сферы образования положительно влияют на темпы роста национальных экономик [9].

Ряд авторов выявляют факторы–детерминанты производства товаров с высокой интенсивностью НИОКР в различных странах и их группах. В качестве таких факторов рассматриваются расходы на интеллектуальный капитал [8], расходы на НИОКР [11, 10]. При этом отмечается более значимое влияние частного финансирования НИОКР на объем высокотехнологичного экспорта по сравнению с государственным [11].

Подтверждая решающую роль инвестиций в НИОКР для развития высокотехнологичных отраслей, группа исследователей Han C., Thomas S. R., Yang M., Ieromonachou P. and Zhang H. на примере КНР акцентирует внимание на проблеме их эффективности. Так как рост расходов на НИОКР может не

сопровождаться повышением производительности высокотехнологичных отраслей, если процесс коммерциализации технологий не характеризуется эффективностью [7].

Для российской экономики аналогичную проблему отмечают эксперты ВОИС. В России производство инновационной продукции не сопоставимо с ее уровнем инвестиций в инновации [1], а взаимосвязь между уровнем доходов ВВП на душу населения и эффективностью инноваций в РФ ниже ожиданий для уровня развития страны [9].

Однако, по мнению Спартака А. Н., несмотря на рост инновационного сегмента российского экспорта, несовершенные методики его учета не позволяют международным организациям корректно отражать его объемы и проводить межгосударственные сопоставления [4].

На прямую зависимость темпов роста высокотехнологичного производства и темпов роста высокотехнологичного экспорта обращают внимание Van Roy V. и Nepelski D [13]. Рост высокотехнологичного производства наблюдается в тех государствах ЕС, где предприниматели имеют доступ к банковскому и венчурному финансированию; бизнес-компетенции инкорпорированы в систему высшего образования; развита инфраструктура НИОКР; минимальный институциональный бюрократизм; гарантируется защита прав интеллектуальной собственности; емкий внутренний рынок.

Gökmen Y. и Turen U. обосновывают влияние на объемы высокотехнологичного производства и экспорта привлеченных в национальную экономику прямых иностранных инвестиций, качество человеческого капитала, степень экономической свободы экономических субъектов [6].

Авторы научных публикаций активно обсуждают причины дифференциации стран по объемам производства и экспорта ВТП и пути их преодоления. Эти различия, по мнению Śledzięwska K., Akhvlediani T., объясняются различной обеспеченностью факторами производства (физическим капиталом и качеством человеческого капитала) и наличием технологического разрыва между торговыми партнерами. В этой связи государству для поддержки высокотехнологичного производства необходимо разрабатывать точечные меры стимулирования высокотехнологичных фирм, направленные на увеличение инвестиций в человеческий капитал и НИОКР [12].

Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует об актуальности поиска базовых факторов, влияющих на объемы высокотехнологичного производства и экспорта.

Проведенный анализ торговли высокотехнологичной продукцией за период 1995–2020 гг. позволил выявить следующие тенденции на мировом рынке.

1. Относительно устойчивый рост объемов высокотехнологичного экспорта в мире в 1995–2020 г., прерывающийся в 2009 и 2016 гг. (рис. 1).
2. Опережение темпов роста торговли высокотехнологичной продукцией в 2020 (кризисном) году по сравнению с темпами роста торговли товарами в целом. В 2020 г по сравнению с 2019 годом объем международной торговли высокотехнологичными товарами снизился на 0,7 % при падении общего объема торговли товарами на 7,36 %.

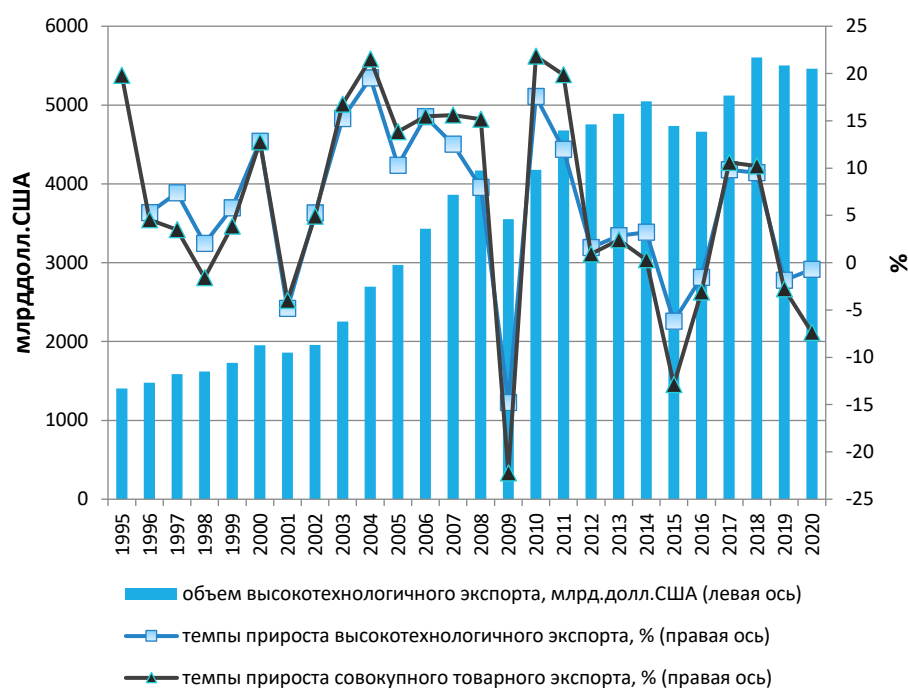

Рисунок 1. Объемы и темпы прироста высокотехнологичного экспорта и совокупного товарного экспорта в 1995–2020 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных UNCTAD [14]

В качестве причин относительно благополучной ситуации с экспортом высокотехнологичной продукцией можно отметить рост торговли вычислительной и телекоммуникационной техникой, оборудованием для обработки и хранения данных, предназначенного для удаленной и дистанционной работы. Так, США за первые 11 месяцев 2020 года увеличили импорт планшетов и ноутбуков на 20,9 % (до 45,2 млрд долл. США), а импорт полупроводниковых устройств в США, используемых для хранения данных и облачных вычислений, увеличился на 38,4 % и составил 12,3 млрд долларов.

3. Изменение позиций стран на мировом рынке высокотехнологичных товаров. До 2006 года абсолютным регионом–лидером по объемам экспорта высокотехнологичной продукции выступали страны Европы. Однако с 2007 г. и по настоящее время Азиатско-Тихоокеанский регион с большим отрывом опережает государства Северной Америки (в 5,5 раз 2020 г.) и Европы (в 1,5 раз 2020 г.) [1].

С 2010 года Китайская Народная Республика по объемам экспорта ВТП превышает развитые и развивающиеся страны. Также ключевыми экспортерами высокотехнологичных товаров в 2020 г. становятся Малайзия, Сингапур и Республика Корея (рис. 2).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РОСТА...

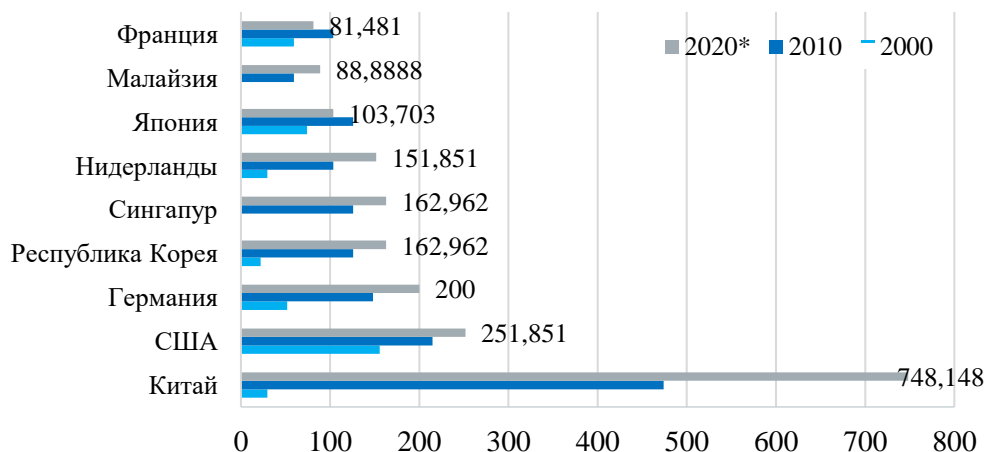

Рисунок 2. Крупнейшие страны–экспортеры высокотехнологичных товаров, млрд долл.

Источник: составлено по данным Trade Data Monitor LLC, 8 января 2021 г.

Доля России на мировом рынке продукции высоких технологий не превышает 0,6 %. Исключение составляют рынки ядерных технологий, где Россия выступает лидером с долей 16,7 % мирового рынка; вооружений, где у России 1,2 % мирового рынка. Наиболее конкурентоспособными российскими товарами на рынке высокотехнологичной продукции являются реактивные двигатели для аэрокосмического комплекса, а также ядерные реакторы, их комплектующие и тепловыделяющие элементы.

В настоящее время доля высоко- и среднетехнологичного производства в ВВП РФ достигает 25,6 %, а в экспорте страны составляет лишь 2,4 % (в 2020 г.). В то время как в Японии эти показатели достигают 55,1 % и 13,6 % соответственно; в США – 52 % и 17,3 %; в Сингапуре – 77,7 % и 22 %; в Германии – 56,5 % и 21,1 %; в Нидерландах – 32,6 % и 11,1 %; в КНР – 46,4 % и 28 % [1].

Таким образом, анализ состояния рынка высокотехнологичного экспорта с 1995–2020 гг. выявил его положительную динамику, а также значительную дифференциацию государств по объемам высокотехнологичного экспорта. В связи с этим представляется целесообразным определить факторы, оказывающие наибольшее влияние на национальные объемы экспорта высокотехнологичной продукции.

Для анализа была составлена выборка показателей по 41 стране. В качестве регрессанта взят объем высокотехнологичного экспорта стран, выраженный в млн долл. США. Регрессорами в данной модели выступили: количество выданных патентов, ед.; расходы на образование, млн долл. США; количество исследователей в сфере НИОКР в расчете на млн чел.; приток прямых иностранных инвестиций, млн долл. США; расходы на НИОКР, млн долл. США.

Между всеми факторами–регрессорами, которые предполагалось включить в модель, установлена высокая линейная корреляционная связь (мультиколлинеарность). Также в результате анализа была выявлена прямая высокая

связь между регрессантом и регрессорами, что подтверждает множественный коэффициент корреляции, равный 0,94. Полученный коэффициент детерминации показывает, что на 88,70 % объем высокотехнологичного экспорта стран зависит от количества выданных патентов, расходов на образование, количества исследователей, притока ПИИ и расходов на НИОКР.

В ходе исследования были рассчитаны частные коэффициенты корреляции с целью определения тесноты связи между регрессантом и регрессором при фиксированном влиянии других факторов. Согласно полученным результатам, наибольшая положительная связь наблюдается между объемом высокотехнологичного экспорта и количеством выданных патентов, достаточно сильная связь между объемом высокотехнологичного экспорта и притоком ПИИ, расходами на образование, расходами на НИОКР.

Относительно низкую корреляционную зависимость между объемом высокотехнологичного экспорта и количеством исследователей в сфере НИОКР авторы объясняют различной эффективностью исследовательской деятельности ученых и различной степенью, скоростью коммерциализации их научных разработок и фактом наличия технологических разрывов и отставаний по исследуемой выборке стран.

Основываясь на результатах вычислений, было получено следующее итоговое уравнение множественной линейной регрессии:

$$y = 0,53x_1 + 0,23x_2 + 6,16x_3 + 0,57x_4 + 0,74x_5 - 6852,63 \quad (1)$$

где y – объем высокотехнологичного экспорта, млн долл. США;

x_1 – общее количество выданных патентов, ед.;

x_2 – расходы на образование, млн долл. США;

x_3 – количество исследователей в сфере НИОКР, на 1 млн чел.;

x_4 – приток ПИИ, млн долл. США;

x_5 – расходы на НИОКР, млн долл. США.

Таким образом, представленная модель доказывает, что увеличение количества выданных патентов на 1 % приведет к росту высокотехнологичного экспорта в глобальной экономике на 0,53 %, а увеличение расходов на образование – на 0,23 %, количества исследователей в сфере НИОКР – на 6,16 %. Наибольший вклад в высокотехнологичный экспорт в глобальной экономике оказывает фактор количества исследователей в сфере НИОКР.

ВЫВОДЫ

В результате исследования современного мирового рынка ВТП были установлены следующие ключевые тенденции: нарастание объемов высокотехнологичного экспорта в мировой торговле; опережение темпов роста высокотехнологичного экспорта в пандемическом 2020 г. по сравнению с темпами роста товарного экспорта; доминирование стран Азиатско-Тихоокеанского региона,

и, в первую очередь, КНР по экспорту ВТП; значительная страновая дифференциация по объемам высокотехнологичного экспорта и его доли в национальном ВВП и экспорте.

В ходе проверки исследовательской гипотезы была выявлена высокая корреляционная связь (мультиколлинеарность) между всеми факторами–регрессорами, включенными в модель. Основные показатели регрессионной статистики показали значимость модели.

В результате анализа было обнаружено, что объем высокотехнологичного экспорта стран на 88,70 % зависит от количества выданных патентов, расходов на образование, количества исследователей, притока ПИИ и расходов на НИОКР.

Представленная модель доказывает, что увеличение на 1 % количества выданных патентов приведет к росту высокотехнологичного экспорта в глобальной экономике на 0,53 %; расходов на образование – на 0,23 %; количества исследователей в сфере НИОКР – на 6,16 %; притока ПИИ - на 0,57%; расходов на НИОКР – на 0,74%.

Наибольший вклад в высокотехнологичный экспорт в глобальной экономике оказывает фактор количества исследователей в сфере НИОКР, однако относительная корреляционная связь этого фактора с результирующим показателем ниже по сравнению с другими факторами. Авторы объясняют данный результат тем, что международные организации не предоставляют данные по показателю «исследователи в сфере НИОКР» по отношению к численности занятых в экономике по странам, что было бы более корректно использовать в данном исследовании. Данное обстоятельство сужало информационную базу исследования.

Выводы данного исследования имеют практическое значение как для прогностических целей, так и для выработки конкретных мер государственной поддержки высокотехнологичного производства и экспорта в условиях обострения конкурентной борьбы на глобальных рынках.

Список литературы

1. ВОИС. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020/ru.pdf.
2. ВОИС. GII 2020. RUSSIAN FEDERATION. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020/ru.pdf
3. Воронина Т. В., Яценко А. Б. Состояние высокотехнологичного экспорта стран ЕАЭС // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 21–27.
4. Спартак А. Н. Экспортный потенциал России в инновационных сегментах мирового рынка // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 10. С. 3–22.
5. Falk M. High-tech exports and economic growth in industrialized countries // Applied Economics Letters. 2009, Vol. 16 Issue 10, P. 1025–1028.
6. Gökmen Y., Turen U. The Determinants of High Technology Exports Volume: A Panel Data Analysis of EU–15 Countries // International Journal of Management, Economics and Social Sciences. 2013, Vol. 2 (3), PP. 217 –232. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ijmess.com>
7. Han C., Thomas S. R., Yang M., Jeromonachou P., Zhang H. Evaluating R&D investment efficiency in China's high-tech industry // Journal of High Technology Management Research. 2017. Vol. 28 (1). P. 93–109.
8. Lubacha–Sember J. High-Tech Export from the V4 Countries – Structure and Factors // Entrepreneurial Business and Economics Review. 2013. Vol 1, Iss 1. P. 23–40.

9. Nelson Richard R., Romer Paul M. Science, Economic Growth, and Public Policy // Challenge. 1996. Volume 39:1. P. 9–21
10. Zhu J. Wang Y., Wang Ch. A comparative study of the effects of different factors on firm technological innovation performance in different high-tech industries // Chinese Management Studies. Vol. 13. № 1
11. Sandua St., Ciocanel B. Impact of R&D and Innovation on high-tech export // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 15. P. 80 – 90.
12. Śledziowskak K., Akhvlediani T. What Determines Export Performances in High-tech Industries // Central European Economic Journal. 2017. Volume 1: Issue 48, P. 37–49.
13. Van Roy V., Nepelski, D. Determinants of high-tech entrepreneurship in Europe // Joint Research Centre, JRC Scientific and Policy Reports. Luxembourg: Publications Office of the European. [Электронный ресурс]. URL: [https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC104865/jrc104865\(1\).pdf](https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC104865/jrc104865(1).pdf)
14. UNCTAD. [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/statistics>

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 336.71

ГЕНЕЗИС ФИНТЕХА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ БАНКИНГА

Глуценко М. Е., Федоров В. М.

*Омский государственный технический университет, Омск, Российская Федерация
E-mail: glu_mar@mail.ru*

В связи с глобальной трансформацией мирового финансового рынка, вызванной появлением инновационных цифровых сервисов и технологий, изменяются способы предоставления банковских услуг, расширяется их перечень, многократно возрастает скорость и безопасность финансовых операций. В статье проведено генетическое исследование этапов развития финансовых инноваций, изменивших традиционную архитектуру, технологии, качество и доступность финансовых продуктов и услуг. Симбиоз исторического и диалектического подходов к исследованию позволил установить стартовую точку зарождения финансовых инноваций и проследить их поступательное развитие на протяжении последних пятидесяти лет. В статье обозначены важнейшие технологии, обеспечившие динамичное развитие мирового финансового рынка и решающую трансформацию банковского бизнеса в направлении его цифровизации. Банки перестраивают традиционные модели бизнеса через сотрудничество с финтех-индустрией и цифровизацию основных направлений своей деятельности. Изучены новейшие формы ведения банковского бизнеса, приведены примеры их успешного применения в современном банкинге.

Ключевые слова: финтех, инновации, этапы развития, банки, сервисы

ВВЕДЕНИЕ

Сфера финансовых технологий является уникальным сектором мировой экономики. До настоящего времени в истории ни одна индустрия не трансформировалась так быстро, как финансовые услуги и продукты под влиянием инновационных технологий. Они легли в основу новых продуктов, приложений, процессов или бизнес-моделей в сфере финансовых услуг, предоставляемых целиком или по большей части с помощью IT-технологий. Компании, занимающиеся разработкой и внедрением на рынке финансовых инноваций, принято называть финтехами (англ. FinTech). В настоящее время ФинТех представляет собой отдельную отрасль экономики, включающую как крупные компании, так и многочисленные небольшие стартапы, которые используют инновационные технологии в целях успешной конкуренции с традиционными финансовыми организациями (банки и небанковские кредитные организации) через оптимизацию параметров скорости и безопасности предоставления финансовых продуктов и услуг. В зарубежной научной литературе сформулировано следующее определение: «FinTech является новой финансовой отраслью, которая применяет технологии для улучшения финансовой деятельности» [1].

В реалиях сегодняшнего дня цифровые технологии стали основой инновационных изменений, прежде всего, в банковском бизнесе. Управление финансами и платежными системами все более переводится на виртуальные платформы, изменяются способы проведения транзакций, широкое применение находят виртуальные виды платежных средств (криптовалюты), возникают новые пути и способы привлечения финансовых средств (краудфандинг). Таким образом,

изменяются механизмы предоставления финансовых услуг и способы управления ими. Финансовые технологии проникают в повседневную жизнь и привычки человека, что приводит к кардинальному изменению архитектуры мировой экономики.

Целью данного научного исследования является обобщение результатов проведенного генетического исследования в области исторических этапов развития финансовых инноваций как ключевого элемента архитектуры глобальной цифровой экономики, и представление новых бизнес-моделей, возникших как результат коллаборации традиционного банкинга и разработок технологичных стартапов в сфере финансовых услуг.

При исследовании были использованы как теоретические, так и эмпирические методы научного познания. Использование методов анализа, синтеза и индукции позволило установить закономерности развития финансовых технологий и систематизировать их в исторические этапы. Предметную область данного исследования составили важнейшие инновационные технологии, обеспечившие радикальное преобразование мирового рынка финансовых услуг. Эмпирические методы сравнительного и логического анализа позволили обработать факты экономической реальности и выявить современные тенденции, складывающиеся в сфере банкинга, что, в свою очередь, явилось прикладным результатом данных исследований.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Процесс возникновения, формирования и развития финансовых технологий можно разделить на несколько значительных периодов.

Начальный этап (1967–1987 гг.). Крупнейший мировой банк Barclays (Британия) установил первый банкомат 27 июня 1967 года в районе Энфилд (Лондон, Великобритания). С его помощью люди проводили финансовые операции через электронный телекоммуникационный модуль. Банкомат стал самым первым приложением из мира технологий, созданным для финансового сектора. Благодаря этому устройству финансовые учреждения получили возможность экономить деньги и вместо ручного труда кассиров автоматизировать рутинные банковские операции. Это событие было воспринято всем мировым сообществом как величайшая инновация в сфере финансовых технологий. Много лет спустя после этого Paul Volcker, являвшийся председателем Федеральной Резервной Системы при президентах Картере и Рейгане и входивший в Консультативный совет президента Обамы по восстановлению экономики, сказал: «Самым важным финансовым новшеством, которое я видел за последние 20 лет, является автоматический кассир. Эта машина действительно помогает людям и предотвращает визиты в банк, и это настоящая революция» [9]. Технологии по автоматическому приему и выдаче наличных являются одними из наиболее глобальных в сфере банковских инноваций. Они не только дали старт эре финансовых технологий, но и показали, насколько глубокой является взаимосвязь между финансовыми технологиями и банковскими услугами. Путь к диджитализации сектора финансовых услуг был открыт.

Второй этап (1987–2008 гг.). До конца 1980-х годов финансовый рынок преимущественно основывался на аналоговых технологиях. В начале 90-х годов в секторе банковских услуг произошел переход от аналоговых технологий к цифровым. Этот период характеризуется быстрым развитием и распространением всемирной сети Internet, первыми экспериментами финансовых учреждений с сервисами интернет-банкинга в Wells Fargo (США) и ING (Европа). Благодаря развитию интернета финансовые услуги начинают предоставляться не только глобально, но и через электронные каналы. Телеграф был заменен более современным устройством – факсом, а в дальнейшем – электронной почтой и мгновенными сообщениями. Эти новшества ускорили коммуникации по всему миру, одновременно устанавливая более быстрые и надежные связи между участниками финансового рынка.

В это время основной моделью банковских бизнес-процессов стали онлайн-платежи и соответствующая инфраструктура. Символами этой эпохи стали крупнейшие мировые финтех-компании – PayPal (рыночная стоимость в 2017 г. – 83 млрд долл.) и Ant Financial (включает платежную систему Alipay и сама является частью Alibaba Group) (рыночная стоимость в 2018 г. – 150 млрд долл.).

Третий этап (2008–2016 гг.). В этот период традиционные финансовые учреждения получили прямых конкурентов в виде финтех-стартапов, которые начали предоставлять услуги непосредственно потребителям и бизнесу. Изменения в регулировании банковской отрасли и общее ухудшение ситуации на банковском рынке привели к тому, что многие банки стали закрывать целые направления деятельности. Так, значительно пострадало кредитование среднего и малого бизнеса: в США банки до настоящего времени выдают меньше займов данному сектору бизнеса, чем делали это 10 лет назад. Кроме того, банки по всему миру стали повышать требования к потенциальным заемщикам, закрыв доступ к банковскому кредитованию значительному количеству клиентов. Это стало причиной того, что множество молодых финтех-стартапов разработали и предложили интересные продукты и услуги для клиентов на рынке банковских услуг. Инновационные решения в сфере финансовых технологий стали возникать и распространяться с невероятной скоростью. Так, например, смартфоны радикально изменили процесс проведения банковских операций клиентами. В 2009 году Satoshi Nakamoto (Япония) придумал новый вид денег на основе криптографических технологий под названием Bitcoin (Биткоин). Bitcoin стал новой формой электронных денег, предназначенной для осуществления финансовых транзакций без привлечения центральных банков или любых других посредников [3].

Современный этап (с 2016 г. – по настоящее время) (так называемый «FinTech 2.0»). Характеризуется развитием технологии открытых данных API, облачных вычислений, а также обострением проблемы минимизации издержек. Это подталкивает финтех-компании и традиционные банки к фундаментальным изменениям в инфраструктуре и процессах, лежащих в основе всей финансовой индустрии. В докладе Santander InnoVentures «The Fintech 2.0 Paper» отмечается, что на новом витке развития технологий финтех-фирмам разумнее всего объединиться с банками, обеспечивая друг друга недостающими ресурсами, такими как информация,

бренд, технологическая и регуляторная экспертизы» [4]. У банков есть история, их бренд и доверие к нему, клиенты и опыт работы в сфере банковских услуг. У финтех-компаний эти параметры отсутствуют, однако у них есть отличные продукты и технологии для финансовых потребностей клиентов. Двухстороннее объединение возможностей создаст взаимовыгодный альянс с идеальными условиями для сотрудничества.

На рис. 1 представлены этапы развития финансовых технологий и дана характеристика их влияния на банковские бизнес-процессы.

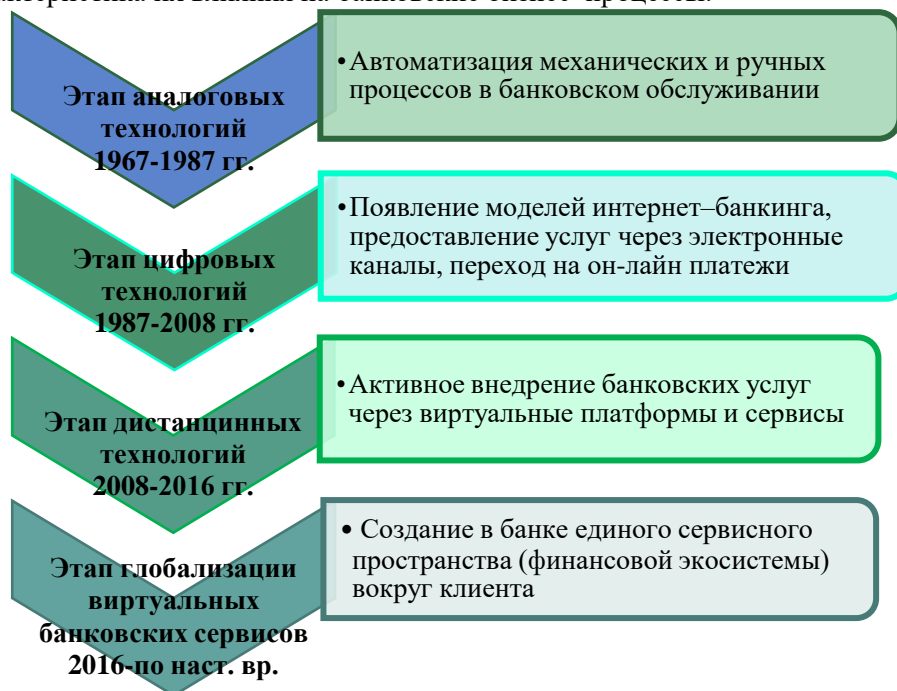

Рисунок 1. Этапы генезиса финансовых технологий и характеристика их влияния на банковские бизнес-процессы

Финансовые инновации, являясь новейшими прогрессивными технологиями, стали основной тенденцией в развитии цифровизации экономики за последние годы, что привело к росту научных исследований в этой области. В научных трудах зарубежных ученых исследованы теоретические аспекты развития отдельных финансовых технологий во времени [5], рассмотрены передовые алгоритмы, методы анализа и возможности использования больших объемов данных для достижения конкурентных преимуществ [6], исследованы проблемы, возникающие при обработке больших массивов данных в секторах реальной экономики, связанных с финансами, безопасностью, здравоохранением [7].

Так, в фундаментальном научном исследовании David LEE Kuo Chuen и Robert Deng (Singapore Management University) представлены последние достижения в области цифрового банкинга и криптовалюты, обозначена ведущая роль мобильных технологий для использования криптовалют в качестве финансовых активов [8]. В

работе Alastair Marke (Royal Society for the Encouragement of Arts, Manufactures and Commerce (FRSA)) исследованы технология блокчейн и преимущества её использования в финансовой экономике [9]. Anzhela Knyazeva (University of Rochester, USA) исследует новые методы привлечения внешнего финансирования на финансовом рынке США малыми и растущими компаниями [10]. Сравнительный анализ достоинств и недостатков практики однорангового кредитования двух ведущих европейских платформ проведен в работе научного коллектива из Германии (University of Regensburg, Humboldt–Universität zu Berlin, Technische Universität Berlin) [11]. Международные финансовые эксперты Roberto Fuentes, Rubén Hernández-Murillo и Gerard Llobet (Federal Reserve Bank of Cleveland, Centro de Estudios Monetarios y Financieros) широко исследовали стратегические вопросы развития онлайн–банкинга в деятельности кредитных организаций [12].

Принимая во внимание результаты ведущих зарубежных исследований по вопросам развития финансовых технологий и областей их практического применения, можно резюмировать, что наиболее перспективными для мировой банковской практике в условиях цифровой экономики являются технологии блокчейн (Blockchain), робо–консультирование (Roboadvising), финансовые экосистемы, открытые банковские системы (Open Banking или API), обработка большого массива данных (BigData), одноранговое кредитование (P2P), онлайн–банки (Neobanking).

Внедрение данных инновационных банковских сервисов преобразует бизнес–процессы в основных областях услуг для физических и юридических лиц: кредитование и финансирование, платежи, денежные переводы, управление активами, обмен валют, страхование, блокчейн–транзакции.

Инновации, применяемые банками, стали причиной глобальной трансформации всего банковского бизнеса. Изучая финансовые аналитические обзоры, можно получить представление, какое множество технических новшеств интегрируют финансовые стартапы в деятельность банков во всем мире. Спектр нововведений в области финансовых решений разнообразен и динамичен в своей эволюции. Применение инновационных технологий в деятельности банков дает неограниченные возможности для создания новых бизнес–моделей, форм обслуживания клиентов и каналов предоставления услуг в банковской сфере. Выводя на рынок уникальные, передовые финансовые продукты и услуги, банки формируют себе современный яркий имидж на рынке и обеспечивают приток новых клиентов. Рассмотрим несколько примеров, как в сфере банкинга появляются новые бизнес–модели, основанные на применении финансовых технологичных решений.

Так, инновационным банковским продуктом банка DenziBank (Турция) стало сельскохозяйственное приложение, которое выходит за рамки традиционного банковского приложения и демонстрирует потенциал для развития банковского дела в сельском хозяйстве. Приложение дает возможность мониторинга севооборотов, посадок, поливов и удобрений, обзора и приобретения сельскохозяйственных машин. Этот инновационный сервис для клиентов возможен через стратегическое партнерство банка с региональными экспертами, которые доступны по телефону для оказания помощи фермерам. Преимущество данного приложения – возможность

быстро получать профессиональные консультации и необходимые данные удаленно, в цифровом виде, исключая физическое взаимодействие сторон, что экономит время банка и фермеров. Данное приложение экономит время, как для банка, так и для его клиентов, позволяя исключить физическое взаимодействие по данным вопросам [13].

Банк Idea Bank (Польша) считается самым инновационным банком в стране. Он представил на рынке проект «Idea Hub Express», который стал первым филиалом банка в железнодорожных вагонах. Это коворкинговое пространство, которое позволяет пассажирам поездов, часто путешествующим в командировках, эффективнее использовать своё время в пути, а также позволяют воспользоваться услугами Idea Bank. Idea Hub Express представляет собой вагон поезда, адаптированный для офисной работы, в котором имеются столы, удобные стулья и экран для презентаций. Также пассажиры могут воспользоваться офисным оборудованием (принтеры, сканеры), зарядными устройствами для телефонов, wi-fi, кофеваркой, а также почитать свежие газеты, доставляемые каждый день. Вагон открыт для всех пассажиров поезда, но клиенты Idea Bank имеют приоритет в получении свободных мест. Кроме того, Idea Bank предоставляет возможность бесплатно путешествовать с ваучерами, которые выдаются в регулярных отделениях Idea Hub в Варшаве, Кракове, Познани и Вроцлаве [14]. Основное влияние этой инновации было оказано на общий бренд Idea Bank, что привело к значительному увеличению посетителей физических филиалов банка. Это также позволило позиционировать Idea Bank как лучшее банковское решение для малого бизнеса и предпринимателей, которым нужна помощь в открытии своего бизнеса.

Сбербанк (Российская Федерация) создал сервис «Советы» в приложении «Сбербанк Онлайн». Это инструмент, построенный на основе искусственного интеллекта, помогает пользователям изменить свои финансовые привычки к лучшему, экономя их деньги, время и усилия. «Советы» были созданы, чтобы использовать роботизированных помощников, например, Siri, а также финансовые услуги (Mint), обеспечивая преимущества каждого: проактивность, анализ финансового поведения, машинное обучение, предоставление рекомендаций для повседневных задач и т. д. По сравнению с аналогичными сервисами финансовых рекомендаций «Советы» «Сбербанк Онлайн» также имеет такие функции, как сбор отзывов, ссылки, позволяющие воспользоваться консультациями, и другие инструменты. Цифровой помощник накапливает обратную связь от клиентов и использует ее для самосовершенствования. Цель состоит в том, чтобы сделать эталонного цифрового помощника, который способен генерировать и предоставлять клиентам консультации без вмешательства менеджеров [15].

Банк KBC Bank (Бельгия) разработал проект «Мой автомобиль», который использует технологию блокчейн для беспрепятственной линии автокредитования от момента, когда клиент подписывает договор, до момента, когда он забирает свой автомобиль у дилеров. Это включает в себя автокредит, страхование, приобретение номерного знака и даже помощь в случае поломки. Программа «Мой автомобиль» позволяет устранить проблемы, связанные с оплатой автомобиля, а также уменьшает риск мошенничества. Технология блокчейн используется для обеспечения общей информации и сведений о месте процесса, то есть все процедуры, связанные с

приобретением автомобиля в кредит, происходят в одном месте. Каждый участник процесса получает выгоду от ускоренного и более безопасного потока: клиент, автомобильный дилер, дистрибьютор, правительство, страховщик и банк.

Банк mBank (Польша) вывел на рынок проект mPower Business Starter», суть которого заключается в объединении государственных, банковских и бухгалтерских услуг для создания простого и понятного предпринимателям процесса создания нового бизнеса. Проект предусматривает сокращение всех необходимых процедур минимум на 10 дней, основная цель проекта – сократить весь процесс до 10 минут. Открытие нового бизнеса включает в себя бизнес-вопросы, которые должны решать неопытные предприниматели, в том числе проблемы с банковскими и юридическими формами, которые должны быть заполнены. Использование государственной цифровой подписи, открытие счета в банке, регистрация бухгалтерских услуг и официальная регистрация новой компании могут быть оптимизированы для 90 % компаний, открывающих новый бизнес. MPower Business Starter объединил получение двух отдельных услуг электронного правительства в одну поездку для клиента, устраняя необходимость в регистрации отдельных порталов и логинах. Данный проект разработан mBank в сотрудничестве с польским правительством.

Старейший банк Великобритании Barclaycard разработал приложение «Grab+Go», которое превращает смартфон покупателя в «карманную кассу». Клиент может сканировать предметы, которые он желает приобрести, при выборе их на полках магазина. Таким образом, клиент имеет возможность совершать покупку товара не посещая кассы. Оплата происходит быстро с использованием предварительно загруженных реквизитов карты [14].

Банк N26 (Германия) предлагает инновационный продукт – карту N26 Business Mastercard, предназначенную для фрилансеров и самозанятых работников для использования в бизнесе и предусматривающей получение в каждом квартале 0,1 % кэшбэка со всех выплат, сделанных с использованием карты. Кроме того, N26 предоставляет новую цифровую услугу страхования в партнерстве с ведущим немецким страховым роботом-советником Clark [16].

Необходимо отметить и тот факт, что в условиях мировой пандемии 2020–2021 гг. дистанционные формы обслуживания через виртуальные сервисы стали основными во всех сферах клиентоориентированной экономики. Банки как институты, активно использующие новейшие достижения финтех на протяжении последнего десятилетия, оказались готовы к таким негативным сценариям и практически не пострадали в условиях полных и частичных локдаунов.

Исследуя мировую практику использования цифровых технологий в банкинге, можно констатировать, что лидеры инновационного финансового рынка уверенно расширяют использование новейших технологий, демонстрируя прогресс в персонализации данных, поощрении предпринимательства, продвижении новых продуктов и услуг, расширении прав и возможностей клиентов через сервисы самообслуживания и онлайн-шоппинг, возможности комбинирования искусственного интеллекта и больших данных.

ВЫВОДЫ

В работе систематизирован процесс развития финансовых технологий на протяжении последних 50 лет, выделены основные этапы их поступательного прогресса и внедрения в сферу банкинга со второй половины XX века до наших дней. В статье обозначены сложившиеся тренды развития финансовых инноваций, описаны важнейшие технологии, перманентно генерирующие дальнейшую трансформацию мирового финансового рынка по пути его цифровизации.

Стремительное развитие технологических инноваций в XXI веке изменило облик современного мира и обусловило новую архитектуру мировой финансовой системы. Финансовые инновационные продукты и услуги оказали влияние на процессы и технологии кредитования, бухгалтерского учета хозяйственных операций, оценки недвижимости, управления активами, инвестирования и другие. Государственные и регулирующие органы проявляют большой интерес к новым финансовым технологиям, так как их применение обеспечивает оперативный контроль над соблюдением установленных правовых норм и финансовых ограничений, оперативность при решении юридических вопросов, быстроту продвижения финтех-продуктов, комплексное решение вопросов финансовой безопасности страны и граждан, повышение финансовой грамотности населения и доступности финансовых услуг для клиентов.

По результатам изучения передового опыта мировых лидеров цифрового банкинга в статье даны примеры новых бизнес-моделей банкинга, реализованных на инновационных платформах и финансовых технологиях. Можно резюмировать, что кредитные организации все более используют цифровые технологии для создания передовых продуктов и услуг, которые имеют ценность как для клиентов с точки зрения приобретения нового клиентского опыта, так и для банков, так как способствуют увеличению их доли на финансовом рынке и росту выручки. Применение финансовых инноваций расширяет отношения с клиентами при одновременном снижении затрат банков.

Будущее мирового финансового рынка в целом, и банковской сферы в частности, невозможно без развития инновационных технологий и использования флагманских идей, продуктов и услуг для клиентов. Стремительное развитие техники и технологий в XXI веке делает потребителей более мобильными и независимыми, им нужны новые инструменты для достижения своих целей, еще более удобные, быстрые, безопасные и выгодные. В связи с этим традиционная деятельность банков становится все более и более технологичной. У банков появляются всё новые возможности предоставлять более надежные, безопасные и менее затратные услуги для клиентов.

Дальнейшее развитие инновационных решений в сфере финансовых технологий основывается на закономерности развития рыночных отношений и необходимости создания долгосрочных конкурентных преимуществ для банков. Это возможно через реализацию в банковской операционной деятельности современных финансовых сервисов, продуктов и услуг, повышение их качества и доступности для потребителей, приток новых клиентов, сокращение затрат. На сегодняшний день

финансовые технологии считаются инновационными в течение 5–10 лет после своего выхода на рынок, именно такой срок необходим для их внедрения и популяризации в секторе банковского обслуживания клиентов. Однако мировая технологическая революция неизбежно увеличивает скорость всех социально-экономических процессов, поэтому «инновационный период» каждого нового решения в дальнейшем будет сокращаться. Таким образом, объективно существующие реалии банковского бизнеса в условиях глобальной цифровизации гарантируют стремительный рост рынка финансовых технологий.

Список литературы

1. Schueffel P. Taming the Beast: A Scientific Definition of Fintech // J. of Innovation Management. 2017. V 4. Issue 4. P. 32–54.
2. Volcker P. Think More Boldly Wall Street // J. Future of Finance Initiative in the UK. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748704825504574586330960597134>
3. Zavolokina L., Dolata M., Schwabe G. The FinTech Phenomenon: Antecedents of Financial Innovation Perceived by the Popular Press // Financial Innovation. 2016. Dec. P. 2–16. [Электронный ресурс]. URL: <link.springer.com/article/10.1186/s40854-016-0036-7>
4. Santanderinnoventures. Fintech 2.0 Paper highlights the multi-billion dollar opportunity open to financial technology businesses which can help to reboot financial services. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <santanderinnoventures.com/fintech-2-0-paper-highlights-the-multi-billion-dollar-opportunity-open-to-financial-technology-businesses-which-can-help-to-reboot-financial-services/>
5. Snášel V., Nowaková J., Xhafa F., Barolli L. Geometrical and topological approaches to Big Data. // Future Generation Computer Systems. 2017. V. 67. P. 286–296.
6. Li K–C., Jiang H., Yang L. T., Cuzzocrea A. Big Data: Algorithms, Analytics, and Applications. N.–Y.: Chapman and Hall / CRC Press, 2015. 476 p.
7. Drosou A, Kalamaras I, Papadopoulos S., Tzovaras D An enhanced Graph Analytics Platform (GAP) providing insight in Big Network Data. // J. of Innovation in Digital Ecosystems. 2016. V. 3. Issue 2. P. – 83–97.
8. Lee D., Chuen K., Deng R. Handbook of Blockchain, Digital Finance and Inclusion: Cryptocurrency, FinTech, InsurTech, and Regulation. Academic Press, 2017. 482 p.
9. Marke A. Transforming Climate Finance and Green Investment with Blockchains. Academic Press, 2018. 368 p.
10. Knyazeva A. Financial innovation in microcap public offerings // J. of Banking & Finance. 2019. V. 100. P. 283–305.
11. Dorfleitner G., Priberny C., Schuster S., Stoiber J., Weber M., Castro I., Kammler J. Description-text related soft information in peer-to-peer lending – Evidence from two leading European platforms // J. of Banking & Finance. 2016. V. 64. P. 169–187.
12. Hernández-Murilloa R., Llobetb G., Fuentesc R. Strategic online banking adoption // J. of Banking & Financ. 2010. V. 34. Issue 7. P. 1650–1663.
13. Marous J. Top 10 Retail Banking Innovations in the World [Электронный ресурс]. URL: <thefinancialbrand.com/68377/best-innovations-retail-banking-digital-trends/>
14. Idea Bank to launch rail coworking space – Idea Hub Express [Электронный ресурс]. URL: <ideabank.pl/idea-bank-to-launch-rail-coworking-space-idea-hub-express>
15. Сервис «Советы» в Сбербанке Онлайн стал инновационным в уходящем году [Электронный ресурс]. URL: <sber-info.ru/servis-sovety-v-sberbank-onlajn-stal-innovacionnym-v-uxodyashhem-godu/>
16. Insurtech firm Clark and N26 launch digital insurance service [Электронный ресурс]. URL: <bankingtech.com/2017/06/insurtech-firm-clark-and-n26-launch-digital-insurance-service/>

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 338.332.025

ОБОСНОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ И ОХРАНЫ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Добровольская О. П., Федченко С. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: sveta_x_a@mail.ru

В работе проанализированы теоретические и организационно-методические аспекты экологического программирования; осуществлена оценка эффективности реализации экологических программ Республики Крым; обоснованы основные направления повышения эффективности реализации экологических программ Республики Крым на основе оптимизации мониторинговых мероприятий и создания информационно-аналитической системы оценки региональных программ в сфере экологии и охраны природных ресурсов.

Ключевые слова: экологическое программирование, регион, региональное управление, эффективность, мониторинг, индикаторы, SMART-технологии, информационно-аналитическая модель.

ВВЕДЕНИЕ

Современные темпы общественного развития и усиление масштабов воздействия на окружающую среду актуализируют необходимость решения возникающих экологических проблем как на уровне государств, так и регионов.

Во многих государствах мира управление природопользованием с учётом реализации норм экологического законодательства осуществляется посредством использования системы инструментов, ориентированных на решение вопросов охраны окружающей природной среды. Одним из таких инструментов, получивших достаточно широкое распространение в России, является экологическое программирование. Региональные экологические программы выступают действенным инструментом реализации мероприятий по охране окружающей природной среды в пределах территории, предусматривая решение многих экономических, социальных и правовых проблем.

Теоретико-методологические аспекты регионального экологического программирования рассмотрены в трудах многих отечественных и зарубежных авторов. Так, в работах Р. И. Гарипова [3], К. В. Папенова [11] рассмотрены теоретические основы экологического управления, а также система инструментов реализации экологической политики регионов и государства в целом, в числе которых особая роль отведена экологическому программированию. Непосредственно методическим основам экологического программирования посвящены труды К. В. Колесниковой [10], М. П. Афанасьева и Н. Н. Шаш [1], а также украинских авторов И. М. Синякевич [12], Е. В. Хлобыстова [13].

В настоящее время накоплен определенный опыт разработки целевых комплексных программ в области охраны окружающей среды [4; 5]. В России федеральные целевые программы в области охраны окружающей среды субъектов

РФ разрабатываются в целях планирования и осуществления мероприятий по охране окружающей среды.

По результатам экспертной оценки Министерства экологии и природных ресурсов Республики Крым [9], наиболее важными проблемами окружающей среды региона являются: загрязнение атмосферы и водных источников; низкий уровень очистки сточных вод, сбрасываемых в водные объекты; проблемы обращения с твердыми коммунальными отходами; низкая эффективность функционирования системы мониторинга окружающей среды; отсутствие в региональной экологической практике современных экологических стандартов; низкий уровень экологической культуры населения; наличие большого количества земельных участков с нарушенным почвенным покровом, недостаточность площади ООПТ; отсутствие межевания, паспортов ООПТ; сокращения численности редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов растительного и животного мира; сокращения объема лесовосстановительных работ.

Следует отметить, что в Республике Крым накоплен определенный опыт решения экологических проблем на основе реализации экологических программ. Так, в период с 2007 по 2012 гг. в регионе были реализованы 15 программ экологической направленности, среди которых:

– Государственная программа социально-экономического развития Автономной Республики Крым, ориентированная на создание условий сбалансированного социально-экономического, экологического культурного развития на основе рационального использования природных, трудовых, производственных, научно-технических, интеллектуальных ресурсов, совершенствования инженерной и транспортной инфраструктуры, улучшения условий проживания и отдыха населения. Однако найти и проследить логику взаимосвязи указанных критериев и направлений в программе непосредственно во взаимосвязи с приоритетами развития региона было практически невозможно. Кроме того, не были увязаны между собой программы территориального и отраслевого развития. Но главной проблемой реализации указанной программы была недостаточность ее финансирования;

– Программа охраны, восстановления и содержания памятников садово-паркового искусства общегосударственного и местного значения. Важнейшей проблемой реализации данной программы стала недостаточная проработанность объемов и источников финансирования и связи с программами более высокого уровня управленческой иерархии;

– Программа восстановления и обеспечения сохранности защитных лесонасаждений в регионе. Однако несмотря на определенность объемов финансирования по источникам и по отдельным этапам реализации программы, в ней отсутствовало непосредственно обоснование динамики реализации планируемых мероприятий.

Анализ процесса реализации экологических программ в регионе за прошедший период свидетельствует об отсутствии единой методики разработки, реализации, контроля исполнения и согласования программ различных уровней иерархии управления по срокам, ресурсам, финансированию. Кроме того, в программах не было предусмотрено четкой последовательности контроля реализации, системы

показателей, анализ которых позволил бы оценить степень завершенности той или иной программы или её этапа. Ситуация усугублялась и несовершенством существующей системы региональных статистических показателей.

В период с 2015 по 2020 годы в Республике Крым были реализованы Государственная программа РК «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» и Государственная программа РК «Охрана окружающей среды», направленные на повышение экологической безопасности Республики Крым. Реализация указанных программ была призвана оптимизировать расходование финансовых средств бюджетов всех уровней, а также источников внебюджетного финансирования, уменьшить выбросы загрязняющих веществ во все сферы географической оболочки, обеспечить рационализацию землепользования, сохранение биоразнообразия, развитие ООПТ, мониторинг окружающей природной среды, активизировать процесс экологического образования и воспитания населения.

Кроме того, анализ процесса разработки и реализации экологических программ, реализуемых в регионе, свидетельствует о направленности программных мероприятий непосредственно на решение общих задач экологизации общественного развития в пределах территории. Однако уровень реализации запланированных мероприятий более широк, разнообразен и спектр источников привлекаемых финансовых средств, чем обусловлены дополнительные требования к оценке эффективности использования выделяемых бюджетных и внебюджетных средств, в том числе для природоохранных мероприятий, а также к контролю их расходования.

Очевидно, что последствия планируемой деятельности и ожидаемая социально-эколого-экономическая эффективность программных мероприятий должны быть экономически обоснованы, сведения, представляемые в федеральных и региональных программах, должны быть достаточными для определения экологических рисков в регионе или административно-территориальном подразделении в контексте развития цифровой экономики. Исходя из этого, целью исследования является обоснование направлений повышения эффективности реализации региональных программ в сфере экологии и охраны природных ресурсов на примере Республики Крым.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В качестве важнейшего инструмента реализации экологической политики государства, ориентированной на достижение основных целей рационального природопользования и процесса экологизации общественной жизни как на уровне государства, так и на уровне регионов, следует рассматривать экологическое программирование, которое позволяет спланировать, выделить цель, приоритеты, основные составляющие, рассчитать ресурсы, необходимые для достижения цели, последовательность действий и сроки осуществления, а также определить субъектную базу, способную наиболее эффективно осуществить соответствующую деятельность. Чаще всего, программные мероприятия по продолжительности не укладываются в рамки планирования. Как и прогноз, экологические программы

имеют четко выраженную проблемную постановку, обусловленную категорией цели, так как ожидаемое состояние территориальных систем обязательно предполагает достижение заранее определенного результата [9].

По мнению Р. И. Гарипова [3], экологическое программирование представляет собой систему мероприятий, согласованных по ресурсам, срокам осуществления, исполнителям с четким обозначением их прав, обязанностей и ответственности, направленных на достижение конечного результата, имеющего количественный и качественный характер, выраженный через систему показателей, а также способствующих и обеспечивающих достижение устойчивого эколого-экономического развития.

В более широком понимании экологическое программирование следует рассматривать как систему социально-экономических, организационно-экономических, технико-экономических отношений по поводу формирования и реализации экологических программ, целью которых является создание положительных экологических, экономических и социальных эффектов.

Экологическая программа – это комплекс взаимосогласованных природоохранных мероприятий в пределах конкретной территории, направленный непосредственно на улучшение сосуществования экологических систем и общества, которые разрабатываются, как правило, на перспективу 5–10 и более лет [10].

Экологические программы и инициативы по обеспечению устойчивого развития территорий основываются на запрете производства экологически опасной продукции, размещения вредных отходов, введения дополнительных экологических сборов, требований и экспертиз. Следствием таких инициатив должно быть повышение экологического статуса территорий.

Экологическое программирование предусматривает разработку комплекса мер, направленных на построение иерархической системы задач, подчиненных в конечном счете единой определенной цели. Экологическое программирование не может быть эффективным фактором устойчивого развития, не будучи системным. Поэтому следует рассматривать систему экологического программирования, анализируя отдельные элементы и возникающие между ними связи на разных хозяйственных уровнях национальной экономики (предприятие, регион, государство).

Оценка эффективности экологических программ проводится в ходе реализации, а также после осуществления системы программных мероприятий, так как эффект от проведения запланированных действий может иметь пролонгированный характер. Проведенная оценка должна позволить выявить недостатки, просчеты разработки и реализации программ.

Эффективность достижения результатов реализации экологических программ выражается непосредственно в степени достижения запланированных программой результатов и определяется по формуле [6]:

$$\text{Э}_д = P_ф/P_n * 100 \quad (1)$$

(для показателей, желаемой тенденцией для которых является рост значений),

где:

\mathcal{E}_d – степень достижения результата (%);

P_f, P_n – соответственно, результат фактический и результат плановый, или

$$\mathcal{E}_d = P_n/P_f * 100 \quad (2)$$

(для показателей, желаемой тенденции для которых является снижение значений).

Согласно существующим государственным нормативам оценивания эффективности реализации программ, высокий уровень эффективности имеют программы, если значение \mathcal{E}_d составляет не менее 0,90; средний уровень, в случае если значение \mathcal{E}_d составляет не менее 0,75; удовлетворительный уровень, в случае если значение \mathcal{E}_d составляет не менее 0,60; в остальных случаях эффективность реализации государственной программы признается неудовлетворительной [7].

Программы Республики Крым сфере экологии и охраны природных ресурсов определяют цели, приоритеты, прогнозные показатели экологического развития. Контроль реализации основных мероприятий программ, оценка их эффективности, а также оценка соответствия развития региона плановым ожиданиям является главной целью ежегодно проводимого мониторинга. Результаты оценки могут быть использованы для проведения анализа эффективности мероприятий программы, что позволит существенно улучшить качество ее разработки. Если программа рассчитана на несколько лет (что характерно для программ в экологической сфере), то ежегодно проводимая оценка полученных результатов позволит скорректировать программные мероприятия следующих лет. Кроме того, проведение тщательно проработанной процедуры оценивания эффективности выявляет причинно-следственную связь между результатами и программными мероприятиями.

Оценка эффективности экологического программирования в Республике Крым на основе учета степени реализации мероприятий, эффективности использования бюджетных средств и иных источников ресурсного финансирования путем сопоставления плановых и фактических объемов финансирования подпрограмм, позволила констатировать факт реализации программы с достаточно высоким уровнем эффективности – 2,641 [4; 5]. Однако следует отметить отсутствие единой методики контроля исполнения и согласования программ различных уровней иерархии управления по срокам, ресурсам, финансированию. Кроме того, ни в программах, ни в иных нормативных документах не предусмотрена последовательность контроля реализации системы показателей, анализ которых позволил бы судить о степени завершенности той или иной программы. Ситуация усугубляется также несовершенством существующей системы региональных статистических показателей, так как разработка региональных целевых программ основывается на значительной информационной базе, формирование которой должно быть адекватным проблемам регионального программно-целевого управления.

Финансирование экологических программ непосредственно предполагает создание разветвленной системы мониторинга и оценки программных мероприятий, которая нуждается в комплексе индикаторов, эффективных процедурах внутреннего и внешнего контроля. Важнейшей составляющей мониторинга является

ОБОСНОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ...

своевременное выявление опасного развития процессов и, непосредственно, подготовка управленческих решений, включая разработку рекомендаций по предупреждению развития прогнозируемых негативных тенденций, ликвидации или минимизации негативных последствий взаимодействия объекта с окружающей средой, разработку компенсационных мер в связи с ущербом, причиненным природной и социальной среде.

Оценка эффективности экологических программ требует разработки специальных индикаторов достижения целей. Индикаторы лежат в основе любого мониторинга и представляют собой непосредственно конкретные показатели изменения того или иного явления, процесса, без которого проведение мониторинговой деятельности невозможно. В этой связи актуальной является разработка корректных индикаторов, которые позволят сформировать базис эффективного мониторинга и анализа хода реализации экологических программ, что ещё раз доказывает необходимость дальнейшего совершенствования и систематизации.

Кроме того, важным критерием эффективности мониторинга экологических программ следует считать временной лаг проведения оценочных мероприятий, позволяющий оптимизировать процесс реализации экологических программ в разрезе ежеквартального мониторинга, а не только ежегодного или итогового (по окончании реализации программы).

С целью совершенствования мониторинга экологической программы, на наш взгляд, целесообразно использование ежемесячных индикаторов с целью контроля процесса расходования средств, оперативного реагирования на изменения ситуации.

Действенным инструментом повышения эффективности как мониторинговых мероприятий, так и процесса оценки реализации экологических программ в целом, следует считать внедрение в систему мониторинга SMART-технологий («умных технологий»), критерии эффективности применения которых представлены на рисунке 1. Следует отметить, что внедрение элементов SMART-технологий позволит повысить достоверность системы используемых индикаторов, своевременно пересматривать предлагаемые индикаторы с целью определения их эффективности в процессе реализации запланированных мероприятий.

Помимо этого, с целью повышения качества мониторингового процесса целесообразна систематизация индикаторов в зависимости от времени проведения. В этом отношении актуально использование каскадных коммуникаций SMART-технологий, что обеспечит регулярность отслеживания показателей и при необходимости коррекции целевых ориентиров, обоснования принятия управленческих решений [8].

В зависимости от поставленных целей экологические программы необходимо разделить на подпрограммы – долгосрочные и краткосрочные. Если цели определены в конкретной, измеримой во времени форме, оценка эффективности определяется согласно плану мониторинга – раз в месяц, в квартал, в год или по сроку завершения программы, возможна оценка эффективности, результативности достижения поставленных целей.

Используя SMART–технологии, даже при установленных сроках (долгосрочных или краткосрочных) важен регулярный контроль этапов достижения поставленных задач. При возникновении необходимости целесообразен пересмотр и обновление системы целевых ориентиров и задач под влиянием внешних и внутренних обстоятельств. Схема каскадных целевых ориентиров с применением SMART–технологий может иметь вид, представленный на рисунке 1.

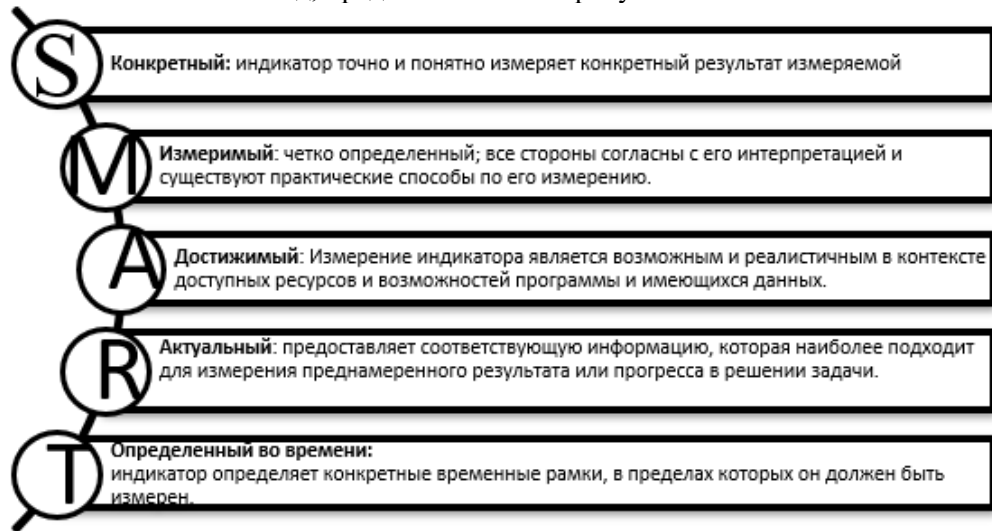

Рисунок 1. Критерии SMART–технологий («умных технологий»)

Источник: разработано авторами.

Алгоритм внедрения SMART–технологий в процесс экологического программирования представлен логико-графической моделью (рис. 2).

Таким образом, для проведения мониторинга экологических программ необходимы:

- подготовка аналитических показателей;
- постановка цели и задач мониторинга;
- утверждение системы индикаторов, необходимых для оценки реализации экологической программы;
- определение возможности получения необходимой информации;
- выбор методики оценки результатов мониторинга;
- анализ и обработка информации, полученной в ходе проведения мониторинга;
- расчёт показателя эффективности реализации экологической программы;
- подведение итогов мониторинга;
- анализ причин возможных отклонений;
- коррекция экологических программ.

Рисунок 2. Логико-графическая модель внедрения SMART–технологий в систему мониторинга экологических программ.

Источник: разработано авторами.

Помимо мониторинговых мероприятий в области экологического программирования SMART–технологии могут быть внедрены в процесс разработки специальных программ для получения информации, связанной с чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, трансграничным переносом загрязняющих веществ.

С целью обеспечения сбора, хранения, обработки и анализа данных и подготовки необходимой информации целесообразно создание центров общегосударственного и регионального уровня, а также непосредственно уровня субъектов мониторинга, которые будут осуществлять разработку программ и координации их выполнения. В этой связи с целью обеспечения интеграции информационных ресурсов и взаимодействия субъектов системы мониторинга необходимо создание единой автоматизированной подсистемы сбора, обработки, анализа и хранения показателей. Для хранения результатов мониторинга и дальнейшей работы с ними целесообразно создание распределённой базы данных и комплексных банков информационных ресурсов.

Изложенная концепция внедрения SMART–технологий в систему мониторинга экологических программ может быть использована непосредственно для пересмотра индикаторов и повышения эффективности мониторинга и оценки результативности экологических программ в целом. Кроме того, внедрение указанных технологий направлено на обеспечение основополагающего ориентира современного общественного развития – удовлетворения информационных потребностей общества и цифровизацию процессов ее достижения.

Для повышения эффективности не только мониторинга экологических программ, но и процесса экологизации общественного развития в целом, крайне важно выстроить прозрачный процесс управления реализацией региональных программ. Инструмент управления должен функционировать в режиме реального времени, предоставляя актуальную, удобную и структурированную информацию о ходе реализации проекта. Существующая экологическая информация позволяет оценивать качественные и количественные изменения состояния природной среды и использовать полученные результаты с целью принятия обоснованных управленческих решений.

Современные информационные системы позволяют обоснованно классифицировать и обобщать экологическую информацию, определяют технику сбора, группировки и обработки информации, формируют принципы подготовки статистической экологической отчётности, программное обеспечение экологических исследований и методику работы с банками экологической информации. Программа развития эко-информационного обеспечения может рассматриваться как составляющая экологической программы, включающая нормативно-правовой, технико-технологический, научно-аналитический, прогнозно-сбытовой, ценовой, финансово-экономический, образовательный, кадровый, рыночный, блоки информации.

Внедрение информационно-аналитической системы управления природопользованием в Республике Крым, которая представляет собой региональную информационную систему, предназначенную для обеспечения процессов регулярного анализа состояния экологической ситуации, хода выполнения экологических программ, мониторинга достижения показателей эффективности реализации экологических программ, актуального состояния экологической ситуации в регионе, позволит визуализировать процессы ведения региональных программ на интернет-портале, по каждой экологической подпрограмме сформировать карточку, в которой представлена информация об источниках финансирования, целевых показателях, контрольных точках, ответственных за реализацию (рис. 3). Также информационно-аналитическая система позволит разместить паспорта подпрограмм, мероприятий, методики расчета показателей, протоколы заседаний и другие документы, собрать всю необходимую информацию. Среди достоинств внедрения информационно-аналитической системы следует отметить: широкий выбор показателей для мониторинга реализации мероприятий и контрольных точек экологических программ; гибкую настройку оповещений о проблемных ситуациях; универсальный конструктор для визуализации результатов; возможность формирования отчетности на основе информации из смежных систем; онлайн-доступ к информации через веб-интерфейс или мобильное приложение.

Источники финансирования	<ul style="list-style-type: none">• Объем расходов• Структура расходов (план)• Исполнение по расходам
Показатели	<ul style="list-style-type: none">• Базовый• Факт• Целевой
Контроль	<ul style="list-style-type: none">• Год• Квартал• Месяц
База данных	<ul style="list-style-type: none">• Статистика• Текущее состояние• Прогнозные показатели
Ответственный	<ul style="list-style-type: none">• За Программу• За Подпрограмму• За Мероприятие

Рисунок 3. Логико-графическая модель информационно-аналитической системы управления природопользованием в регионе.

Источник: разработано авторами.

ВЫВОДЫ

Для достижения устойчивого экологического и экономического развития с целью создания положительных экологических, экономических и социальных эффектов взаимодействия общества и природы целесообразно использование экологического программирования как системы мероприятий, согласованных по ресурсам, срокам осуществления и исполнителям.

Экологическое программирование как важнейший инструмент реализации экологической политики государства ориентирован на достижение целей рационального природопользования и процесса экологизации общественной жизни как на уровне государства, так и на уровне регионов.

Использование экологического программирования на региональном уровне направлено на решение основных проблем, связанных с охраной окружающей среды, рациональным использованием и воспроизводством ресурсной составляющей, организацией эффективного управления природопользованием.

Оценка эффективности экологических программ проводится на этапе разработки и осуществляется в целях планируемого вклада результатов программы в социально-экономическое развитие и обеспечение экологической безопасности. Обязательным условием оценки эффективности экологических программ является успешное (полное) выполнение запланированных на период ее реализации целевых индикаторов и показателей программы, а также мероприятий в установленные сроки.

Результаты оценки могут использоваться для проведения анализа эффективности мероприятий программы, что позволит существенно улучшить качество ее разработки. Если программа рассчитана на несколько лет (что характерно

для программ в экологической сфере), то ежегодно проводимая оценка полученных результатов позволит скорректировать программные мероприятия следующих лет. Кроме того, проведение тщательно проработанной процедуры оценки эффективности позволит выявить причинно-следственную связь между результатами и программными мероприятиями.

Мониторинг реализации экологических программ должен быть обязательным мероприятием в системе реализации региональных программ в сфере экологии и охраны природных ресурсов, иметь оперативный характер и проводится не реже, чем раз в квартал. Оптимальным является установление ежемесячного мониторинга с последующим докладом о существующих проблемах и предложениях по их решению параллельно с принятием решения о внесении изменений в региональный бюджет. Подготовка исходных данных, перечня индикаторов, необходимых для оценки реализации экологической программы, формулировка целей и задач мониторинга, определение возможностей получения необходимой информации, выбор методики оценки результатов мониторинга, анализ и обработка информации, полученной в ходе проведения мониторинга, приведение показателей к сопоставимому виду, расчет показателя эффективности реализации экологической программы, формулировка выводов по итогам мониторинга, анализ причин возможных отклонений, корректировка экологической программы – важные показатели, которые необходимы для проведения мониторинга экологических программ. Кроме того, использование системы индикаторов для ежемесячного контроля позволит оценивать расходование средств, оперативно реагировать на изменения в зависимости от сложившейся ситуации.

С целью повышения эффективности реализации экологических программ предложена концепция внедрения SMART-технологий в систему мониторинга программ, которая позволяет обеспечить скорость доступа и обработки информации. В связи с этим возникает необходимость автоматизации процесса сбора и визуализации информации о ходе выполнения региональных экологических программ.

Внедрение информационно-аналитической системы управления в процессе реализации и мониторинга экологических программ позволит оперативно выявлять, анализировать проблемы, усиливать контроль изменений в рамках эколого-социально-экономической ситуации в регионе, а также повысит эффективность процесса принятия решений за счет сокращения времени на получение необходимых и достоверных сведений, которые представляются в удобном для пользователя виде. Указанная система обеспечит централизованный сбор, хранение, обновление, структуризацию, систематизацию, интеграцию, обработку и консолидированный анализ многообразных показателей, мониторинг экологических программ, формирование обоснованных управленческих решений по координации деятельности региональных образований со стороны органов государственной власти.

Эффективное функционирование информационно-аналитической системы позволит своевременно обеспечить органы управления аналитической информацией

в процессе принятия управленческих решений, разработки адекватной стратегии сбалансированного эколого-социально-экономического развития региона.

Список литературы

1. Афанасьев М. П., Шаш Н. Н., Инструментарий оценки эффективности государственных программ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentariy-otsenki-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm>
2. Бронштейн А. М., Литвин В. А., Русин И. И. Экологизация экономики: методы регионального управления. М.: Наука, 1990. 120 с.
3. Гарипов Р. И. Экологическое программирование как фактор устойчивого развития экономических систем [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/ekologicheskoe-programmirovaniye-kak-faktor-ustoichivogo-razvitiya-ekonomicheskikh-sistem>
4. Годовой отчет о ходе реализации и об оценке эффективности Государственной программы Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2015–2017 годы: Постановление Совета министров Республики Крым от 30.12.2014 № 648. 12 с.
5. Годовой отчет о ходе реализации и об оценке эффективности Государственной программы Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2018–2020 годы: Постановление Совета министров Республики Крым от 22.11.2017 № 619
6. Государственная программа Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2015–2017 годы: Постановление Совета министров Республики Крым от 20 октября 2016 года № 504. 69 с.
7. Государственная программа Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2018–2020 годы: Постановление Совета министров Республики Крым от 20 октября 2016 года № 504. 69 с.
8. Добровольская О. П., Федченко С. С. Обоснование критериев эффективности экологического программирования в системе управления природопользованием в регионе // V научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского»: сборник тезисов участников. Симферополь, 2019. С. 11–13.
9. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Крым в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.mail.ru/stock/gturfxhGSqFEVn5zRuuNfLxh>
10. Колесникова К. В. Проблемы разработки и финансирования целевых программ в области экологического развития [Электронный ресурс]. URL: <problem-razrabotki-i-finansirovaniya-tselevy-h-programm-v-oblasti-ekologicheskogo-razvitiya.pdf>
11. Папенев К. В. Экономика и природопользование. М.: Изд-во МГУ, 1997. 240 с.
12. Синякевич И. М. Экологическая политика: Стратегия преодоления глобальных экологических угроз: монография. Львов: ЗУКЦ, 2011. 332 с.
13. Сталій розвиток та екологічна безпека суспільства в економічних трансформаціях / За наук. редакцією Є. В. Хлобистова / РВПС України НАН України, ІПРЕЕД НАН України. Симферополь: ПП «Підприємство Фенікс», 2010. 582 с.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 330.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА РОССИИ

Камышова А. Б., Родименкова М. О.

*Санкт–Петербургский государственный экономический университет, Санкт–Петербург,
Российская Федерация*

E-mail: kamyshova76@mail.ru

В период постковидного восстановления экономики особую актуальность приобретает проблема стимулирования экономической активности частного сектора национальной экономики. Наиболее важным с точки зрения восстановления экономической активности частного сектора экономики является обеспечение условий для роста инвестиционной активности в реальном секторе. В статье обосновывается необходимость трансформации методологии денежно-кредитного регулирования в России. Для обеспечения эффективной реализации предложенной авторами методологии денежно-кредитного регулирования в процессе осуществления денежно-кредитной политики на практике необходимо дополнить используемый в статье позитивный подход методикой, предусмотренной нормативным подходом.

Ключевые слова: государственное регулирование, инвестиционная активность, реальный сектор, денежно-кредитная политика, макроэкономическая политика.

ВВЕДЕНИЕ

В экономических системах смешанного типа процесс взаимодействия государства и частного сектора включает два этапа: на первом этапе центральный банк или правительство целенаправленно создают монетарный или фискальный импульс инструментами денежно-кредитной или фискальной политики; на втором этапе происходит реакция субъектов частного сектора на инициированные государством меры. В зависимости от степени доминирования плана или рынка как форм организации хозяйственной деятельности устанавливаются рамки государственного регулирования, а именно степень вмешательства государства в хозяйственные процессы. Особенности развития российской экономики за последние десятилетия обуславливают необходимость усиления государственного вмешательства в экономику, причем речь идет не о бюджетно-налоговой политике, которая активно выполняет стимулирующую функцию в РФ. Существует объективная необходимость привлечения денежно-кредитных инструментов к процессу стимулирования инвестиционной активности реального сектора посредством усиления степени вмешательства государства в процесс взаимодействия между частным сектором и последним.

Целью данного исследования является обоснование оптимального сочетания инструментов государственного регулирования в процессе стимулирования инвестиционной активности реального сектора российской экономики. Для достижения поставленной цели в ходе исследования необходимо решить ряд задач:

- обосновать необходимость трансформации методологии государственного регулирования в денежно-кредитной сфере;

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ...

- продемонстрировать механизм взаимодействия государства и частного сектора в процессе трансформации денежно-кредитного регулирования;
- показать необходимость применения нормативного подхода в дополнение к позитивному для повышения результативности государственного регулирования на практике.

Методологической основой проводимого авторами исследования является теория альтернативных хозяйственных систем, обосновывающая условия доминирования плана или рынка как форм организации хозяйства в разных типах хозяйственных систем в зависимости от характеристик разделения труда. Теория альтернативных хозяйственных систем разработана в рамках неомарксистского синтеза на базе методологии диалектического подхода.

Исследование соотношения государства и рынка как регуляторов национальной экономики, безусловно, должно базироваться на исследовании исторической эволюции концептуальных подходов к проблеме соотношения плана и рынка, к которым относятся представители таких научных направлений, как меркантилизм, неоклассическая теория (концептуальная основа либерального подхода), историческая школа, марксистская школа, австрийская школа, рыночный социализм, кейнсианское направление, неолиберальный подход, институциональное направление, новая институциональная школа, теория общественного выбора. Каждая из перечисленных школ имеет свое представление о проблеме соотношения плана и рынка как форм организации хозяйства. Более того, представители одного научного направления могли по-разному смотреть на проблему соотношения плановых и рыночных форм организации хозяйства. Тем не менее, результатом систематизации взглядов представителей перечисленных направлений на проблему соотношения плана и рынка, стала следующая классификация подходов [5, с. 11–12]:

- Карл Маркс и его последователи противопоставляют «план» и «рынок» как формы организации хозяйственной деятельности в рамках национальной экономики;
- Возможность гибридного сращивания «плана» и «рынка» в своих трудах доказывают Дж. Кейнс [1, с. 169–171; 7], Дж. Гэлбрейт [2, с. 70–73], Дж. Коммонс, У. Митчел, А. Билимович, Б. Бруцкус, П. Струве и представители шведской школы;
- Уолтер Липман, автор труда «Общественное мнение» [20], рассматривает государство исключительно в качестве правового защитника рынка;
- Представитель неоинституционализма Оливер Уильямсон [14] представляет государственное регулирование как форму долгосрочного контракта;
- Рональд Коуз [9] и Фридрих фон Хайек [15] рассматривают рынок, фирму и государство как альтернативные способы организации трансакций в процессе экономического взаимодействия.
- Представители институциональной школы полагают, что государство есть средство осуществления верховной (номинально частной) власти при ее ограничении в интересах тех групп, которые не имеют власти [8; 16].

В процессе исследования «плана» и «рынка» как форм организации хозяйственной деятельности на микроуровне, макроуровне, уровне мировой экономики и на наднациональном уровне прослеживается тенденция перемещения научного интереса к проблеме соотношения плана и рынка с макроуровня на

наднациональный уровень. Такая тенденция обусловлена практикой функционирования наднациональных институтов мирового уровня, влияние которых на развитие национальных экономик усиливается. Как следствие, возможности государства как регулятора экономических процессов на микро- и макроуровне, сужаются. В западной экономической мысли проблема соотношения «плана» и «рынка» на внутрифирменном и национальном уровне в настоящее время не является актуальной. Представители отечественной школы также особый интерес проявляют к исследованию влияния наднационального уровня на трансформацию взаимодействия «плана» и «рынка» на всех других уровнях.

Особенностью развития современной науки является дезактуализация противопоставления плановых и рыночных начал, поскольку такой научный подход соответствовал определенному этапу развития теории и практики экономической деятельности. На современном этапе развития экономики возникают новые формы согласований и координации экономических взаимодействий, что привело к взаимопроникновению плановых и рыночных начал в деятельности всех хозяйствующих субъектов и в отношениях между ними. Аналогичные процессы наблюдаются на национальном и наднациональном уровне, где формируются новые формы межкорпоративных согласований, что требует их научного осмысления и использования при формировании доктрины государственного регулирования.

Научные взгляды современных российских исследователей на проблему соотношения рынка и плана в процессе государственного регулирования посткризисной экономики принципиально разнятся.

Михель Е. А. считает, что в ходе исследования проблемы соотношения плана и рынка выявляют факторы, которые важно учитывать при формировании успешной макроэкономической политики, базирующейся на расширении границ государственного участия [11, с. 92–94]:

- вероятность введения новых санкций, их продления и расширения;
- тенденция к углублению экономического кризиса в ходе распространения коронавирусной инфекции при усилении структурных диспропорций в реальном секторе экономики (некоторые из рыночных отраслей будут иметь лучшие показатели на фоне среднеотраслевых: оборонно-промышленный комплекс, импортозамещающие отрасли);
- общая неустойчивость курса национальной валюты при сокращении кредитных возможностей финансовых институтов, что усиливает нарастание отрыва финансового сектора от реального;
- сокращение потребительского спроса в результате снижения доходов населения, что обусловлено ухудшением макроэкономической ситуации на рынке труда в связи с ограничениями и пандемией.

Напротив, Хафизова Э. К. считает, что присутствует избыточная роль государства, которая ведет к своего рода подмене установленных рыночных институтов, предлагая изменить направленность деятельности государства так, чтобы оптимизировать его вовлеченность в процесс регулирования взаимодействия субъектов реального сектора экономики.

Исследуя особенности государственного регулирования реального сектора РФ в условиях усиления санкционного давления, Соловьев Д. П. [6] акцентирует внимание на экономическом и рыночном противоречии, разрешение которого возможно при ликвидации секторальных санкций в сторону экономики РФ и отмене ответных действий правительства. Обоснованием такого решения являются изменения институционального воздействия на реальный сектор российской экономики выражающиеся в усилении административного ресурса и административного стимулирования реального сектора на фоне уменьшения роли и эффективности рыночных институтов и снижения экономической активности в реальном секторе. Выходом из сложившейся ситуации в реальном секторе РФ является необходимость формирования инновационной модели развития реального сектора экономики.

Маркина А. Н. полагает [10], что ранее существовавшие проблемы функционирования российской экономики и усугубившиеся вследствие экономического кризиса и пандемии требуют от государства своевременных мер, направленных на расширение бюджетных расходов с целью поддержки субъектов частного сектора, а именно граждан, индивидуальных предпринимателей, сторонних компаний, занятых в разных отраслях.

Проведенный анализ научных направлений и эмпирического опыта в области государственного регулирования показывает, что на разных этапах развития экономической мысли и современной экономики проблема государственного регулирования преимущественно решалась в практическом аспекте и сводилась к исследованию объекта государственного регулирования, оптимального соотношения инструментов регулирования, роли государства в хозяйственной системе, эффективного распределения полномочий между государственными институтами. В данной статье главное внимание будет уделено иной проблеме, а именно трансформации методологии государственного регулирования, направленной на усиление плана как формы организации текущей экономической деятельности.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Для решения поставленных научных задач необходимо проанализировать особенности государственного регулирования в России с целью поиска оптимального сочетания фискальных и монетарных регуляторов инвестиционной активности реального сектора России. Особенностью государственного регулирования российской экономики в последние десятилетия является перенос большинства обязательств государства как регулятора социально-экономического развития на бюджетно-налоговую политику. Действительно, на бюджетно-налоговую политику в РФ возлагаются цели обеспечения:

- роста объема выпуска страны, стимулирования инвестиционной активности и промышленного производства;
- обороны и безопасности страны;
- резервного фонда, выполняющего роль «подушки безопасности»;
- регионального и отраслевого развития за счет финансирования целевых программ из федерального бюджета.

Такая нагрузка на федеральный бюджет становится причиной избыточной и порой неэффективной роли государства при тяжелом налоговом бремени на частный сектор экономики, являющийся локомотивом развития промышленности в рыночной экономике. При этом вторая форма государственного регулирования – денежно-кредитная политика, используемая в зарубежной практике как эффективный инструмент стимулирования социально-экономического развития, в отечественной практике направлена исключительно на регулирование инфляционных процессов в рамках политики таргетирования инфляции.

С позиций оценки результативности фискальной и монетарной политики как политики стимулирования инвестиционной активности и экономического роста, налоговое бремя в России является избыточным, что подтверждается сравнительным анализом отечественного и зарубежного опыта. Зарубежные экономики развивающегося типа, демонстрирующие высокий темп экономического роста, превышающий 5 % в год, имеют налоговую нагрузку значительно ниже, нежели частный сектор российской экономики. При этом денежно-кредитное регулирование в зарубежных развивающихся странах имеет своим результатом в разы превышающий уровень монетизации и насыщенности экономики денежными средствами, гораздо более доступный банковский кредит для субъектов частного сектора. Результатом такого сочетания фискальных и монетарных регуляторов в зарубежных развивающихся странах является рост нормы инвестиций, под которой в данной работе понимается соотношение между величиной инвестиций и объемом ВВП. Данный показатель в развивающихся странах, демонстрирующих высокий экономический рост, в 2017 году, по оценке МВФ, достиг 44 % в Китае, 32 % в Индии, и только 24 % в РФ [12, с. 331].

Говоря о стабилизации ситуации в реальном секторе российской экономики после санкций и в период постковидного восстановления, важно трансформировать механизмы взаимодействия денежного и реального секторов экономики. Особенно важным является оценка роли банковского кредита в качестве источника финансирования инвестиций в реальный сектор экономики.

Поскольку для инвесторов ставка процента по кредитам коммерческих банков является одним из видов затрат, то именно регулирование данного показателя позволит повысить привлекательность и доступность кредитных ресурсов для инвесторов.

Опираясь на предлагаемый С. Ю. Глазьевым подход относительно установления Банком России дифференцированных процентных ставок по видам экономической деятельности [3; 4] и раскрывая особенности взаимодействия государства и рынка в процессе создания и передачи монетарного импульса, влияние центрального банка на поведение инвесторов как субъектов реального сектора можно представить посредством цепочки взаимосвязанных действий (таблица 1).

Таблица 1.

Взаимодействие государства и рынка в процессе создания и передачи
монетарного импульса в целях стимулирования инвестиционной активности
реального сектора экономики РФ в условиях не полностью жестких цен

1. Этапы государственного регулирования инвестиционной активности денежно-кредитными инструментами	2. Реакция субъектов частного сектора на изменение условия предоставления кредита
Определение прироста объема выпуска страны=> Определение прироста объема выпуска продукции инновационной отрасли => Определение прироста объема денежной массы=> Распределение объема денежной массы в кредиты системообразующим банкам => Определение перечня коммерческих банков =>Распределение кредитов, выдаваемых коммерческими банками предприятиям инновационной отрасли => Определение перечня предприятий инновационной отрасли, получающих льготные кредиты коммерческих банков	Увеличение инвестиционных и потребительских расходов субъектов реального сектора => Расширение совокупного спроса и рост уровня цен в краткосрочном периоде=> Увеличение объема выпуска инновационной отрасли => Увеличение объема выпуска смежных и традиционных отраслей => Рост объема выпуска и уровня занятости в стране
Определение прироста объема выпуска страны=> Определение прироста объема выпуска продукции инновационной отрасли => Определение прироста объема денежной массы => Установление уровня ставки рефинансирования для инновационной отрасли=> Дифференциация уровня ставки рефинансирования в перечень верхних пределов процентных ставок для предприятий инновационной отрасли=> Определение перечня предприятий инновационной отрасли	Увеличение инвестиционных расходов субъектов инновационного сектора => Расширение совокупного спроса и рост уровня цен в краткосрочном периоде => Увеличение объема выпуска инновационной отрасли=> Увеличение объема выпуска традиционных и смежных отраслей=> Рост объема выпуска и уровня занятости в стране

Источник: разработано авторами

Особенность описанного выше процесса взаимодействия государства и субъектов частного сектора заключается в том, что целью проводимой политики является не просто повышение инвестиционной активности, а рост величины инвестиций в инновационную отрасль. Необходимость развития и государственной поддержки инновационных производств осознается не только представителями бизнеса и научного сообщества, но и на уровне Правительства РФ, что находит выражение в соответствующих нормативных документах [13]. В связи с этим цель повышения инвестиционной активности инновационных производств отрасли (инновационной отрасли) является приоритетной.

В последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция снижения доли банковских кредитов в качестве источника формирования инвестиций в основной капитал, при этом доля инвестиций иностранных банков возросла в разы [6]. Такая тенденция обуславливает необходимость пересмотра не только роли денежно-кредитной политики как регулятора инвестиционной активности и социально-

экономического развития России, но и методологию осуществления монетарного регулирования.

Суть представленной методологии государственного регулирования в рамках стимулирования инвестиционной активности реального сектора монетарными инструментами (речь идет о трансформации учетной политики Банка России) заключается в том, что перед государством как регулятором социально-экономического развития страны стоит конечная задача – обеспечение прироста реального ВВП, а прирост инвестиций инновационной отрасли является лишь одной из составляющей итогового результата. Процесс взаимосвязи прироста ВВП и прироста инвестиций в экономической теории представлен в рамках модели инвестиционного мультипликатора ($m_{ДКП}$). Поскольку прирост инвестиций является частью прироста объема ВВП, то стандартный вид мультипликатора денежно-кредитной политики можно модифицировать:

$$m_{ДКП} = \frac{\Delta I}{\Delta \frac{M}{P}}$$

где ΔI – прирост автономных инвестиций (прирост объема капиталовложений в инновационную отрасль), $\Delta(M/P)$ – прирост объема реальной денежной массы.

Прежде чем перейти к обоснованию дезагрегирования прироста денежной массы в планируемый прирост реальных инвестиций, необходимо обратиться к методологии нормативного подхода, позволяющей определить прирост величины инструментов государственного регулирования, исходя их планируемых изменений целевых показателей, таких как прирост реального ВВП, изменение уровня безработицы и темпа инфляции.

Суть нормативного подхода к теории макроэкономической политики заключается в обосновании выбора тех инструментов государственного регулирования, которые обеспечат максимальное приближение к величинам планируемых значений целевых параметров. Разработчиком теоретической базы нормативного подхода к теории макроэкономической политики по праву считают голландского экономиста Яна Тинбергена, который в 50–е годы XX века разработал механизм выбора оптимального варианта макроэкономической политики при наличии необходимой достоверной информации о воздействии инструментов государственного регулирования на планируемые (целевые) показатели. Разработанный Я. Тинбергенем механизм можно свести к четырем этапам выработки оптимальной макроэкономической политики:

На первом этапе государство определяет цель. В нашем случае – стимулирование инвестиционной активности реального сектора.

На втором этапе государство определяет конкретное значение целевого показателя – планируемый прирост инвестиций в инновационные отрасли.

На третьем этапе государство осуществляет отбор инструментов, находящихся в его распоряжении, а также эффективность воздействия отобранных инструментов на целевой параметр.

На четвертом этапе государство определяет количественное значение инструментов государственного воздействия (прироста денежной массы) на целевой параметр (прирост инвестиций).

В целях обеспечения прироста инвестиций в инновационных отраслях, развитие которых отвечает стратегическим задачам правительства, монетарная политика Банка России трансформируется под влиянием государства, устанавливающего перечень (номенклатуру) предприятий, коммерческих банков, кредитов, являющийся частью этапов государственного регулирования инвестиционной активности реального сектора. Установление номенклатуры кредитов, коммерческих банков, предприятий, вслед за определением прироста стоимостных объемов инвестиций и реального ВВП есть не что иное, как усиление роли государства в качестве регулятора инвестиционной активности реального сектора РФ.

Предложенный подход предполагает, что государственное регулирование, в первую очередь, направлено на регулирование стоимостных объемов, а не цен, поскольку цены при такой политике подстраиваются под объемы. Другими словами, основу государственного регулирования составляет воздействие государства на количественные параметры, поскольку цены не выполняют своей регулирующей функции по причине их жесткости или неспособности отражать истинную информацию. Проблему наличия количественных ограничений в своих научных работах решал еще Дж. М. Кейнс, что нашло отражение в его простейшей модели «доходов–расходов». Дж. Кейнс показал, что в краткосрочном периоде при жестких ценах процесс восстановления равновесия на рынке благ осуществляется посредством приспособления объема доходов к объему расходов. Выявленные Дж. Кейнсом особенности процесса восстановления равновесия на товарных рынках в краткосрочном периоде стали научной основой для предложенной в работе методологии государственного регулирования, базирующейся на воздействии государства на объёмные переменные посредством номенклатуры кредитов, коммерческих банков, предприятий в процессе денежно-кредитного регулирования. Еще одним аргументом в пользу выбора теории Дж. М. Кейнса в качестве базовой теоретической концепции является предпосылка о том, что рекомендации, сделанные Дж. Кейнсом относительно содержания и направления государственного регулирования, направлены на поддержку и развитие реального сектора кризисной экономики, коей является экономика России в своем посткризисном развитии.

Помимо теоретических выводов из предложенной концепции, базирующейся на рекомендациях Дж. М. Кейнса, проведенный анализ содержания и направлений государственного регулирования инвестиционной активности реального сектора РФ подтверждает тот факт, что перед государством как регулятором экономики сегодня стоит множество задач, направленных на поддержку и стимулирование традиционных и инновационных отраслей реального сектора экономики, а именно:

- формирование регуляторных мер, обеспечивающих эффективную работу финансового сектора для поддержки и развития традиционных и инновационных отраслей, а также условия для роста инвестиционной активности;
- оптимальное сочетание инструментов денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, направленных на поддержку и развитие реального сектора экономики и совершенствование институциональной среды его функционирования;
- формирование государственных программ, непосредственно направленных на развитие традиционных и инновационных отраслей и их инфраструктурное

обеспечение, результатом которых станет совершенствование инновационного потенциала, а также конкурентоспособность традиционных производств.

ВЫВОДЫ

Научным результатом проводимого авторами исследования является обоснование трансформации методологии государственного регулирования, что позволит усилить степень вмешательства государства в функционирование реального сектора для достижения цели стимулирования инвестиционной активности посредством денежно-кредитных регуляторов без ущерба для рыночного механизма.

Учитывая особенности взаимодействия денежного и реального секторов в РФ, проявляющиеся в неэффективности кредитного механизма вследствие завышенной ставки процента по кредитам, авторы предлагают дифференцировать процентные ставки с учетом инновационной направленности отраслей реального сектора экономики. Реализация предложенного авторами подхода требует трансформации практики денежно-кредитного регулирования в России, что позволит повысить результативность денежно-кредитной политики в процессе стимулирования инвестиционной активности инновационно-ориентированных отраслей.

Трансформация практики денежно-кредитного регулирования заключается в усилении вмешательства государства в учетную политику Банка России посредством установления дифференцированных процентных ставок по кредитам для инновационно-ориентированных отраслей реального сектора РФ. Для обеспечения эффективности предложенной методологии государственного регулирования в процессе осуществления денежно-кредитной политики на практике необходимо дополнить используемый авторами статьи позитивный подход методикой, предусмотренной нормативным подходом. Определение прироста денежной массы в рамках денежно-кредитной политики в целях воздействия на темп роста ВВП страны и прирост инвестиций требуют от государства точного определения изменения величин инструментов монетарного регулирования: прироста денежной массы и уровня ставки процента. В данном случае речь идет о применении методологии нормативного подхода к определению величины прироста объема денежной массы для достижения поставленных целей государственной политики.

Совмещение методик позитивного и нормативного подходов является необходимым при определении количественных значений параметров, выступающих в качестве целей и инструментов государственного регулирования.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета: «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (код 121042600253-4)

Список литературы

1. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса = Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. СПб.: Экономикс, 2008. 352 с.
2. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса = Great Economists since Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. СПб.: Экономикс, 2009. 384 с.
3. Глазьев С. Ю., Фетисов Г. Г. Новый курс: стратеги прорыва // Экономические стратегии. 2014. Т. 16. № 2 (118). С. 14–23.
4. Глазьев С. Ю., Фетисов Г. Г. Новый курс: стратеги прорыва // Экономические стратегии. 2014. Т. 16. № 4 (120). С. 8–17.
5. Камышова А. Б. Государственное регулирование трансформации экспортно-сырьевой экономики // Автореферат... д-ра экон. наук: 08.00.01 - «Экономическая теория». СПб.: СПбГУЭФ, 2013. 38 с.
6. Камышова А. Б., Соловьев Д. П. Инвестиции как фактор повышения конкурентоспособности реального сектора России в условиях глобализации // Стратегии и инструменты управления экономикой: отраслевой и региональный аспект. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 23 мая 2019 года. Под редакцией В. Л. Василенка. СПб. Изд-во «НПО ПБ АС», 2019. С. 283–288.
7. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с англ. М., 1993. 307 с.
8. Кирдина–Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Journal of institutional studies. 2017. Том 9. № 4. С. 6–15.
9. Коуз Р. Фирма, рынок, право. М.: Дело, 1993. 193 с.
10. Маркина А. Н. Государственное регулирование экономики России: основные проблемы и перспективы развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 6 (64). С. 195–198.
11. Михель Е. А., Селентьева Т. Н. Анализ проблем государственного регулирования реального сектора экономики // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием, 18–23 ноября 2019 г. Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли. В 3 ч. Ч. 2. Высшая инженерно-экономическая школа. СПб.: ПОЛИТЕХ–ПРЕСС, 2019. С. 92–94.
12. Миркин Я. И. Российская экономическая модель // Научные труды вольного экономического общества России. 2018. Т. 214. № 6. С. 323–369.
13. Программы инновационного развития / Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_sistemy_gosudarstvennoy_podderzhki_innovatsiy_v_subektah/programmy_innovacionnogo_razvitiya/
14. Уильямсон О. Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудачи рынка // Вехи экономической мысли. Том 2. Теория фирмы. СПб.: Экон. школа, 1999. С.33–53.
15. Хайек Ф. А. Познание, конкуренция и свобода: Антология соч. Под ред. Д. Антисери и Л. Инфантино. СПб.: Пневма, 1999. 287 с.
16. Lipmann W. An Inquiry into the Principles of Good Society. Boston, Little, Brown and Co, 1937. 402 p.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 378:332.14

ВУЗЫ В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Машьянова Е. Е., Никитина М. Г., Реутов В. Е.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

e-mail: mashyanovae@mail.ru

В статье рассматривается инновационная среда вуза в рамках регионального развития парковых территорий. Исследованы показатели эффективности инновационной деятельности вузов. Обоснована необходимость создания университетских комплексов на территории технопарков для реализации потенциальных инновационных возможностей вузов. Выявлены положительные стороны организации инновационной деятельности вузов в условиях специальных режимов. Предложен механизм применения практического опыта функционирования особых экономических зон к региональной инновационной политике в сфере высшего образования.

Ключевые слова: инновационная деятельность, инновационная система, региональное развитие, технопарк, особые экономические зоны.

ВВЕДЕНИЕ

Инновационный потенциал академической научной школы имеет большую значимость как в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов для цифровой экономики, так и генерирования новых научных знаний. «Вуз сегодня – это не только организация, выполняющая функцию сохранения культурно-образовательного национального потенциала, повышения уровня образованности населения и научно-технического развития страны, воспроизводства накопленных знаний и опыта поколений, но и субъект экономики, товаропроизводитель интеллектуального продукта и образовательных услуг» [1, с. 222]. Отечественные реформы высшего образования стали стимулом для создания центров инновационно-образовательной деятельности, которые, используя весь научный потенциал высшего учебного заведения, способствуют социально-экономическому развитию региона.

Инновационное развитие вуза зависит от влияния комплекса условий и факторов на организацию инновационного процесса, включающего в себя научно-исследовательские разработки и опытно-конструкторские работы. Исследование инновационной деятельности вуза предполагает актуальность изучения особых экономических режимов и условий функционирования парковых территорий, в рамках которых высшее учебное заведение сможет эффективно реализовать свой инновационный потенциал.

Следует отметить, что оценка эффективности инновационного развития вуза без учета фактора влияния особых экономических зон не будет полной, так как специальные режимы активизируют возможности самореализации. Таким образом, данное научное исследование посвящено оценке перспектив накопленного мирового и отечественного опыта и влияния организационно-правовых режимов специальных экономических зон на повышение инновационной активности высших учебных заведений и стимулирования их к новым высокотехнологическим разработкам.

Вопросами инновационного развития вузов системно занимались такие российские ученые, как Т. А. Калугина [1], О. М. Перминова, А. О. Войт [9], А. А. Семченко [3], П. В. Ефремова, И. М. Романова [4–6], Ю. П. Анисимов, С. В. Шапошникова [9], И. Е. Рисин [10] и др.

В отечественной науке широко освещаются вопросы развития особых экономических зон и парковых территорий в исследованиях М. Г. Никитиной [13], Э. Павловой [16], В. Н. Козловой [17], Л. К. Терещенко, А. В. Калмыкова [20] и др.

Однако данные проблемы, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать в контексте разработки механизмов повышения эффективности деятельности ВУЗов в рамках инновационного развития региона.

Цель статьи – обоснование возможности использования организационно-правовых преимуществ особых экономических режимов для эффективной реализации инновационного потенциала высших учебных заведений.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Анализ современного состояния инновационной деятельности ВУЗов в Российской Федерации позволяет выделить ее стратегические цели:

- использование внутренних и внешних инвестиций для развития инновационного потенциала учебного заведения;
- интеграция образовательного, научного, технического и инновационного процессов в единый инновационный цикл вуза;
- формирование рынка наукоемких разработок и технологий;
- формирование условий для развития предпринимательства и коммерциализации разработанных инновационных продуктов и получение стабильного дохода от инновационной деятельности;
- создание качественных наукоемких продуктов и услуг в соответствии с требованиями отечественных и международных стандартов;
- вовлечение ученых, преподавателей, студентов вуза в инновационный процесс.

Стратегия инновационного развития вуза и достижение вышеперечисленных целей возможны только при решении определенных задач, формализованных на рис. 1.

Государство сегодня уделяет особое внимание вузовским инновациям. Это отражается в активной поддержке со стороны государства развития инновационных университетских комплексов и разработке приоритетных национальных программ. Современные университетские комплексы представляют собой систему инновационно-технологических единиц, тесно связанных с федеральными и региональными структурами. Общий инновационный результат деятельности высших учебных заведений может быть достигнут только при взаимодействии образовательных, научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий.

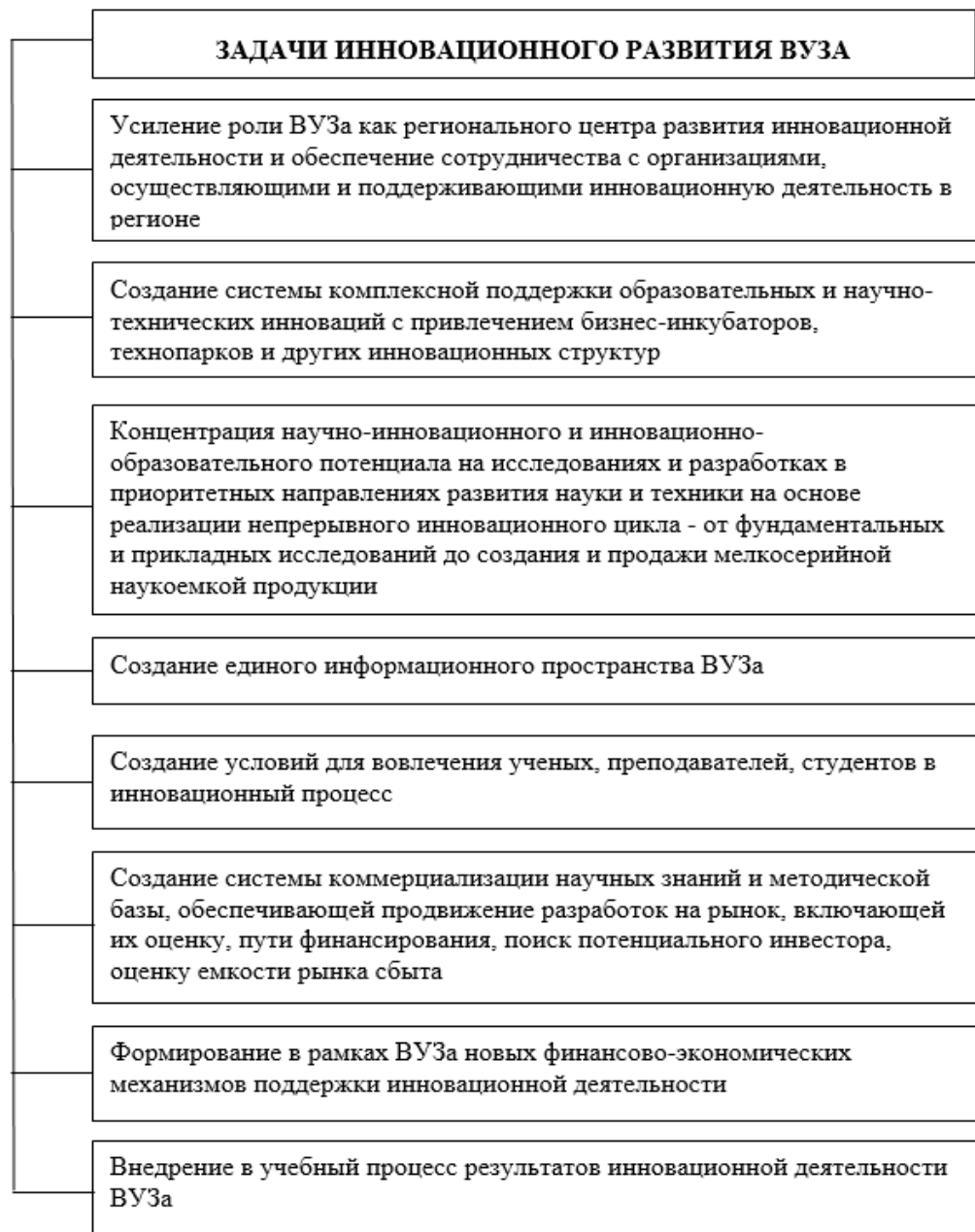

Рисунок 1. Задачи инновационного развития вуза

Источник: систематизировано авторами по материалам [1–3]

Критический анализ современных научных исследований [1, 4–6] позволил предложить авторскую систематизацию основных показателей, характеризующих эффективность деятельности вузов в сфере инновационных технологий (рис. 2).

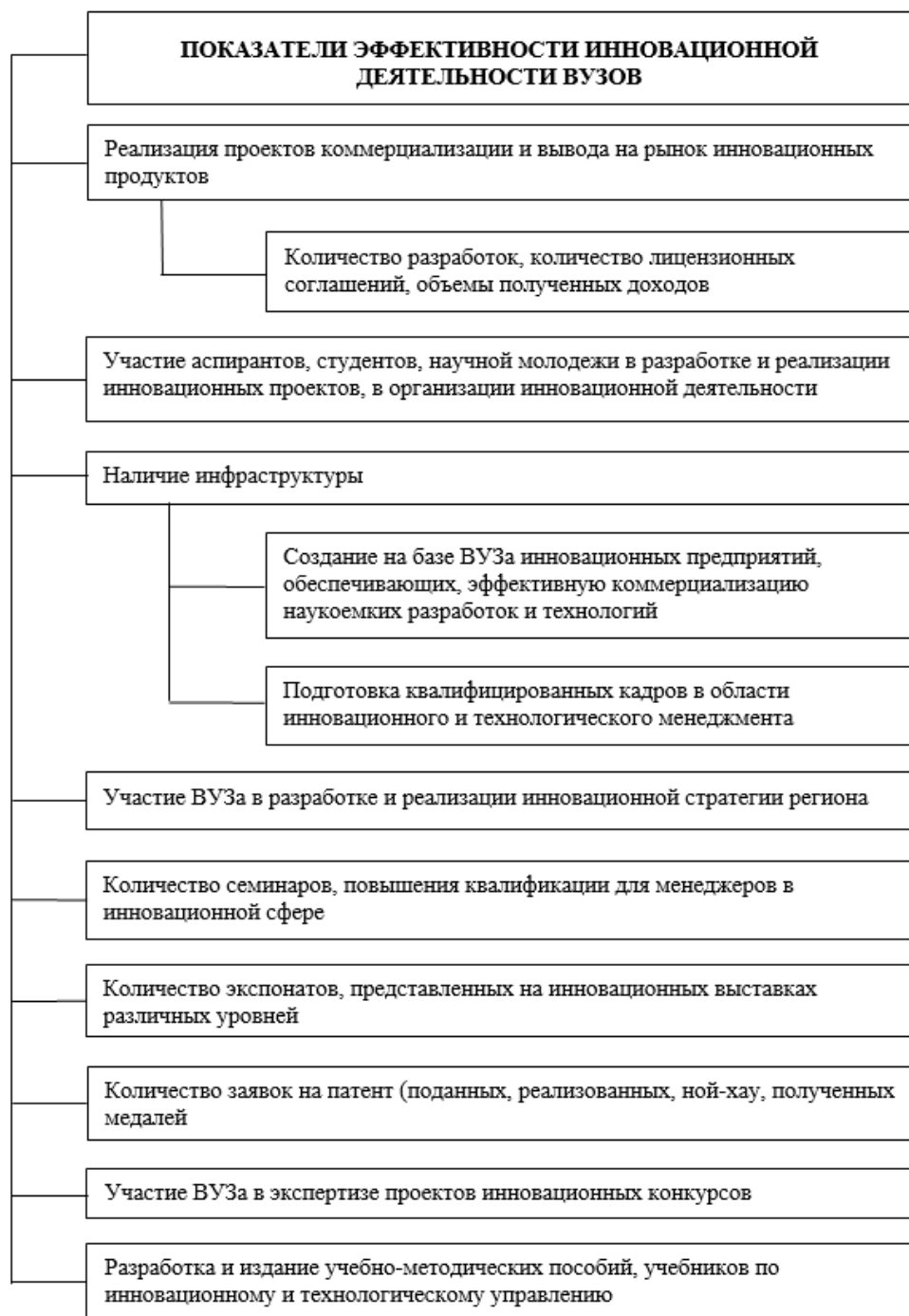

Рисунок 2. Основные показатели эффективности работы вуза в инновационной сфере

Источник: систематизировано авторами на основе [1, 4–6]

Федеральные университеты занимают верхнюю позицию в иерархии российских вузов как автономные учреждения. Они обладают правом самостоятельно распределять денежные доходы и принимать в свой состав не только институты, но и научные организации, находящиеся в ведении федеральных органов власти. В рамках предусмотренных федеральных стандартов таким университетам дается право работать по собственным программам и планам при условии соблюдения требований к их качеству и составу.

К инновационной деятельности вузов относятся выполнение собственных научных исследований, проведение опытных работ, участие в государственных целевых программах бюджетного и внебюджетного характера. Сегодня для вузов становится актуальным получение грантов для финансирования своих исследований и разработок, участие в программах и проектах, подготовка высококвалифицированных кадров для научной школы. «Особое значение приобретает коммерческая деятельность вузов, сотрудничество с малым инновационным бизнесом, инновационными центрами, участие в организации технопарков» [8].

Инновационное развитие региона тесно связано с корпоративным образованием, для которого характерно следующее:

- 1) процесс трансферта технологий происходит с участием профессиональных кадров, которых готовит вуз;
- 2) организация образовательного процесса осуществляется за счет средств корпоративного сектора экономики и потенциальных работодателей;
- 3) для повышения профессионального и карьерного роста преподавателей вузов используются стимулирующие рычаги [9].

Таким образом, становится возможным создание инновационного взаимодействия образовательной, научно-исследовательской и производственно-внедренческой составляющих системы высшей школы, где каждый участник находит для себя определенные преимущества:

- высшие учебные заведения получают заказ на подготовку специалистов;
- заказчик в лице предпринимательских структур имеет возможность готовить для себя высококвалифицированные кадры на базе университетского образования;
- выпускники трудоустраиваются по специальности, для них открываются перспективы карьерного роста.

Но как показывает практический опыт, главным для них становится «...возможность мобильности и реакции на любые инновационные изменения в сфере научных достижений, на рынках новых инновационных технологий, в сфере изменения потребительского спроса и в сфере инноваций в образовательном процессе» [9, с.10].

Для организации инфраструктуры инновационной деятельности вузов целесообразно использовать университетские комплексы как одну из перспективных форм повышения качества образования и усиления его связи с инновационным бизнесом [10, с. 14–19].

ВУЗЫ В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Потенциальные возможности высших учебных заведений повышают не только качество региональной индустрии в целом, но создают условия для реализации инновационных производств отдельных компаний. Это становится доступным в силу ряда причин.

Во-первых, вузы, благодаря особенностям своей деятельности и возможностям участия в научно-инновационных разработках, стимулируют развитие новых предприятий, работа которых связана с исследованиями. Однако уровень предпринимательского потенциала в региональном аспекте по-прежнему будет зависеть от качества образования.

Во-вторых, развитие малых инновационных предприятий, способствующих импорту производимой ими продукции, возможно в условиях вузовской поддержки.

В-третьих, формирование открытой инновационной модели происходит с учетом накопленных вузами знаний и технологий отечественных и зарубежных исследований [11].

На основании изученных научных мнений можно согласиться с тем, что «...только при совместной деятельности всех участников инновационных процессов, активном взаимодействии научно-учебной, исследовательской, производственно-технической, консультационной, маркетинговой и финансовой деятельности возможно эффективное развитие инноваций и выход региона на новый уровень развития» [10].

Проведенные ранее исследования [13] охарактеризовали особенности проявления инновационных возможностей вузов в условиях особых экономических зон. Такая привлекательная среда, прежде всего, связана с рядом конкурентных преимуществ для реализации проектов, в том числе:

- минимальные административные барьеры;
- налоговые льготы и таможенные преференции;
- привлекательная ценовая политика по аренде и выкупу земли;
- помощь в реализации инвестиционных проектов для малых инновационных предприятий.

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос, связанный с экономической эффективностью деятельности особых экономических зон и возможностями участия в их экономико-правовом поле высших учебных заведений.

Министерство экономического развития Российской Федерации определяет особе экономические зоны (ОЭЗ) как «...один из наиболее масштабных проектов по привлечению прямых инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности» [14].

По состоянию на октябрь 2021 г. в России функционируют 42 особых экономических зоны (из них 23 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые). За последние 16 лет зарегистрировались в ОЭЗ более 900 резидентов, из которых более 130 представляют собой компании с участием иностранного капитала из 40 стран. За годы деятельности ОЭЗ общий объем инвестиционного капитала составил более 1,36 трлн руб., в том числе вложенные инвестиции составили около 600 млрд руб. Активно создавались

новые рабочие места (более 47 тыс. рабочих мест), уплачивались налоговые платежи, таможенные отчисления и страховые взносы (более 210 млрд руб.) [14].

Как отмечалось ранее, ОЭЗ включают в себя часть территории региона, «...на которой действует льготный режим предпринимательской деятельности, а также может применяться процедура свободной таможенной зоны» [13].

ОЭЗ создаются для развития обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики, туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктуры, разработки и коммерциализации технологий, а также для производства новых видов продукции.

На территории Российской Федерации особые экономические зоны могут создаваться четырех типов (рис. 3).

Рисунок 3. Типы особых экономических зон
Источник: систематизировано авторами

Анализ развития особых экономических зон в Российской Федерации демонстрирует неоднозначную динамику привлечения частных прямых инвестиций от резидентов (рис. 4). Большой рост притока частных инвестиций наблюдался в 2017 г. и составил 173 % по отношению к 2016 г. Далее отмечается снижение инвестиционного потока иностранного капитала как результат экономических санкций в отношении российского бизнеса.

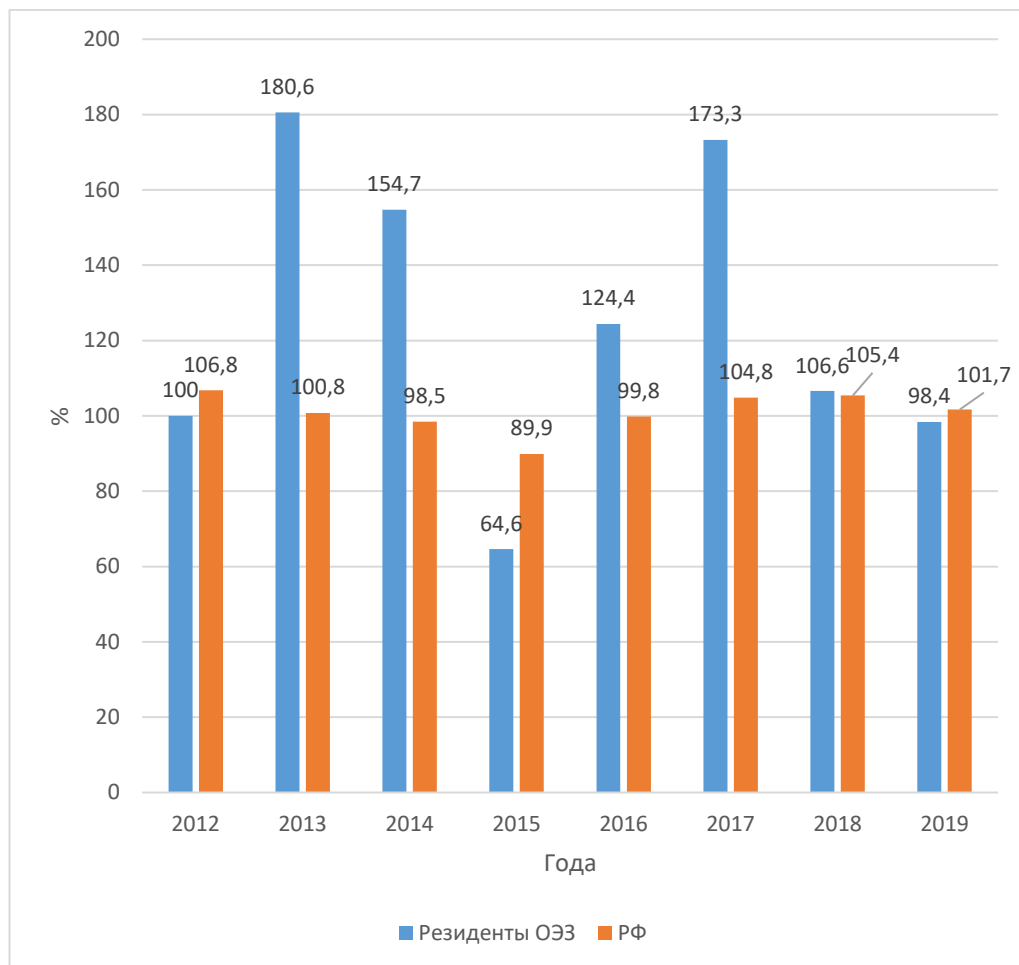

Рисунок 4. Динамика частных прямых инвестиций, %
 Источник: составлено авторами по данным [14]

Ежегодно увеличивается численность резидентов ОЭЗ, что говорит о привлекательности данной формы организации предпринимательского бизнеса. По состоянию на 01.01.2020 г. количество резидентов, пользующихся приоритетами ОЭЗ в Российской Федерации, составляло 796 единиц, из которых 146 являются иностранными резидентами (рис. 5).

Основным положительным моментом функционирования ОЭЗ является создание дополнительных рабочих мест на территории их деятельности. Ежегодно по России наблюдается рост трудоустроенных граждан на предприятиях ОЭЗ (рис. 6). А это, в свою очередь, влияет по увеличение объемов производства и получения выручки (рис. 7). Таким образом, появляется положительная динамика основных экономических показателей эффективности развития региона.

Рисунок 5. Динамика количества резидентов ОЭЗ нарастающим итогом, ед.
Источник: составлено авторами по данным [14]

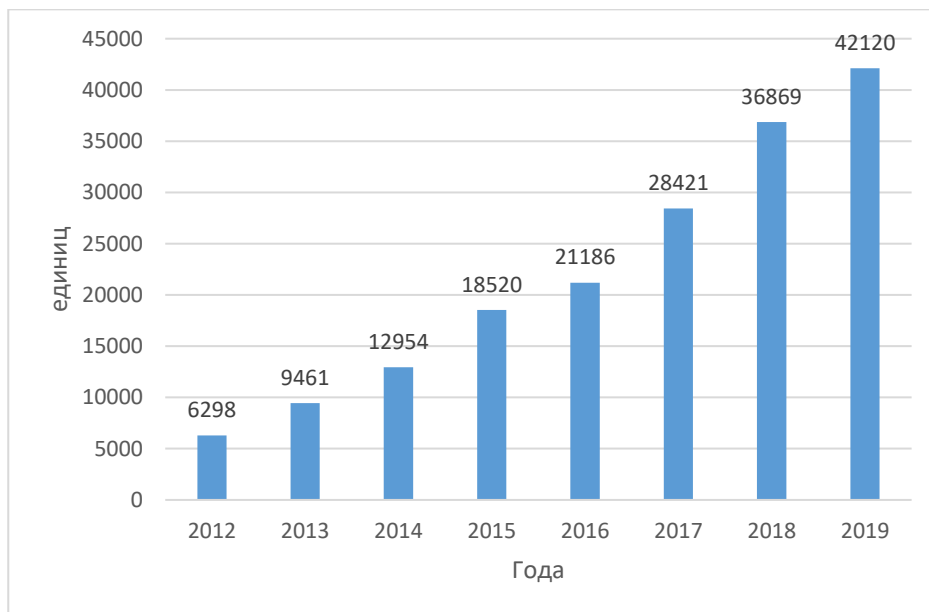

Рисунок 6. Динамика количества созданных рабочих мест в ОЭЗ нарастающим
итогом
Источник: составлено авторами по данным [14]

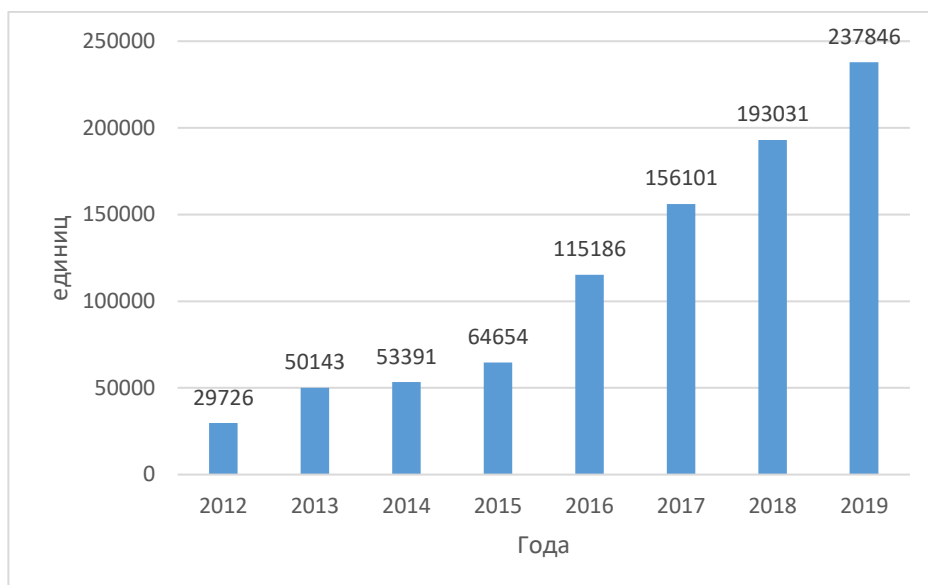

Рисунок 7. Выручка резидентов ОЭЗ, млн руб.

Источник: составлено авторами по данным [14]

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, одобренная Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [15], относит особые экономические зоны к нефинансовым институтам развития бизнеса наряду с технопарками, промышленными парками, бизнес-инкубаторами и др.

Данная Программа выделяет пять основных задач [15]:

1. Создание и распространение структурных и технологических инноваций в профессиональном образовании, обеспечивающих высокую мобильность современной экономики;
2. Развитие современных механизмов, содержания и технологий общего и дополнительного образования;
3. Реализация мер популяризации среди детей и молодёжи научно-образовательной и творческой деятельности, выявление талантливой молодёжи;
4. Создание инфраструктуры, обеспечивающей условия для обучения и подготовку кадров для современной экономики;
5. Формирование востребованной системы оценки качества образования и образовательных результатов.

Таким образом появляется еще один сильный инфраструктурный игрок – система технопарков вокруг вузов.

В российском законодательстве определение дается применительно к высокотехнологическим паркам, под которыми понимается «...форма территориальной интеграции коммерческих и некоммерческих организаций науки и образования, финансовых институтов, предприятий и предпринимателей, взаимодействующих между собой, с органами государственной власти, органами

местного самоуправления, осуществляющих формирование современной технологической и организационной среды с целью инновационного предпринимательства и реализации венчурных проектов. Достижение заявленной цели осуществляется путем создания материально-технической, сервисной, финансовой и иной базы для эффективного становления, развития и подготовки к самостоятельной деятельности малых и средних инновационных предприятий, индивидуальных предпринимателей, коммерческого освоения научных знаний, изобретений, ноу-хау и наукоемких технологий и продвижения их на мировой рынок научно-технической продукции» [16].

В связи с этим можно выделить три основных признака технопарка:

1) технопарки создаются и функционируют с целью развития инновационных отраслей экономики региона, внедрения наукоемких технологий, изучения новых научных знаний;

2) технопарки взаимодействуют с научными организациями, рыночными структурами, государственными органами власти;

3) технопарки участвуют в создании бизнес-инкубаторов для акселерации стартапов, предоставляют резидентам материально-техническую базу, финансируют проекты, помогают в осуществлении предпринимательской деятельности.

На основании указанных признаков можно отнести технопарки к технико-внедренческому типу особых экономических зон, так как они имеют идентичные направления развития, условия осуществления предпринимательской деятельности (льготные условия налогообложения и аренды, предоставление права пользования инфраструктурой территории) и особый статус резидентов. По мнению Э. Павлова, «технопарк – это особый вид свободной экономической зоны, на территории которой усиленно развивается разработка наукоемкой продукции, формируются новые кадры, технико-внедренческие зоны, с этой стороны технопарк отвечает требованиям соответствия основным процессам, происходящим в мировой экономике» [17].

Исследования отечественных экономистов [18–21] позволяют сделать вывод о том, что трем из четырех типов и режимов особых экономических зон в Российской Федерации соответствуют виды и режимы функционирования технопарков. Промышленно-производственным ОЭЗ соответствуют территории промышленных (индустриальных) парков и промышленных зон, технико-внедренческим ОЭЗ соответствуют территории технопарков, научно-технологических и инновационных парков, а туристско-рекреационным ОЭЗ – туристско-рекреационные парковые территории.

Российская практика функционирования технопарков, позволяет определить 4 модели их создания:

- университетская модель (13 % технопарков);
- инновационная модель (32 % технопарков);
- инфраструктурная модель (11 % технопарков);
- кооперационная модель (44 % технопарков).

Университетский тип технопарка имеет следующие особенности [18]:

- создается как структурные подразделения вузов;
- имеет государственную форму собственности, если ВУЗ государственный;

ВУЗЫ В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

- в своем функционировании взаимодействует со студентами и университетскими кадрами;
- целью создания не является извлечение прибыли, однако может оказывать технологические услуги другим организациям
- способствует развитию предпринимательских компетенций у учёных и студентов и коммерциализации научных разработок.

Инновационные технопарки также имеют свои особенности функционирования [20]:

- создаются на базе или вблизи крупных научно-исследовательских центров;
- имеют государственную или смешанную форму собственности;
- обладают уникальной технологической инфраструктурой для разработок и коммерциализации научно-исследовательских проектов;
- получают доходы от аренды и оказания базовых и технологических услуг;
- цель функционирования заключается в создании и акселерации малых и средних технологических предприятий.

Технопарки являются посредниками между производителями новых технологий и их покупателями. Поэтому данный сегмент экономики наделен разным функциональным содержанием, как указано на рис. 8.

Одной из целей создания технопарка является освоение нового вида деятельности на соответствующей территории. В этом случае генеральная идея создания технопарка принадлежит органам местной власти или региональным инициативным группам.

Современные тенденции развития технопарков связаны с очередными изменениями. Разрабатываются новые требования к их организации, деятельности, конкурентоспособности. Популярность «классических технопарков» снижается, на их место приходят «технопарки нового поколения», численность которых стремительно растет (табл. 1)

Таблица 1

Сравнительная характеристика тенденций развития «классических технопарков» и «технопарков нового поколения»

Тенденции, оказывающие влияние на развитие «классических технопарков»	Успешность новых технопарков
Дороговизна физической инфраструктуры (как по стоимости строительства, так и по эксплуатации)	Плотность связей с глобальными исследовательскими сообществами
Развитие информационных технологий и снятие барьеров для коммуникации исследователей	Позиции на рынке новых технологий, ориентированных на развитие новых рынков (экология, энергосбережение, биотехнологии и др.)
Сокращение финансовых возможностей инновационных компаний по причине сжатия спроса и снижение себестоимости инновационной продукции	Возможности формирования эффективных профессиональных сообществ.

Источник: [18]

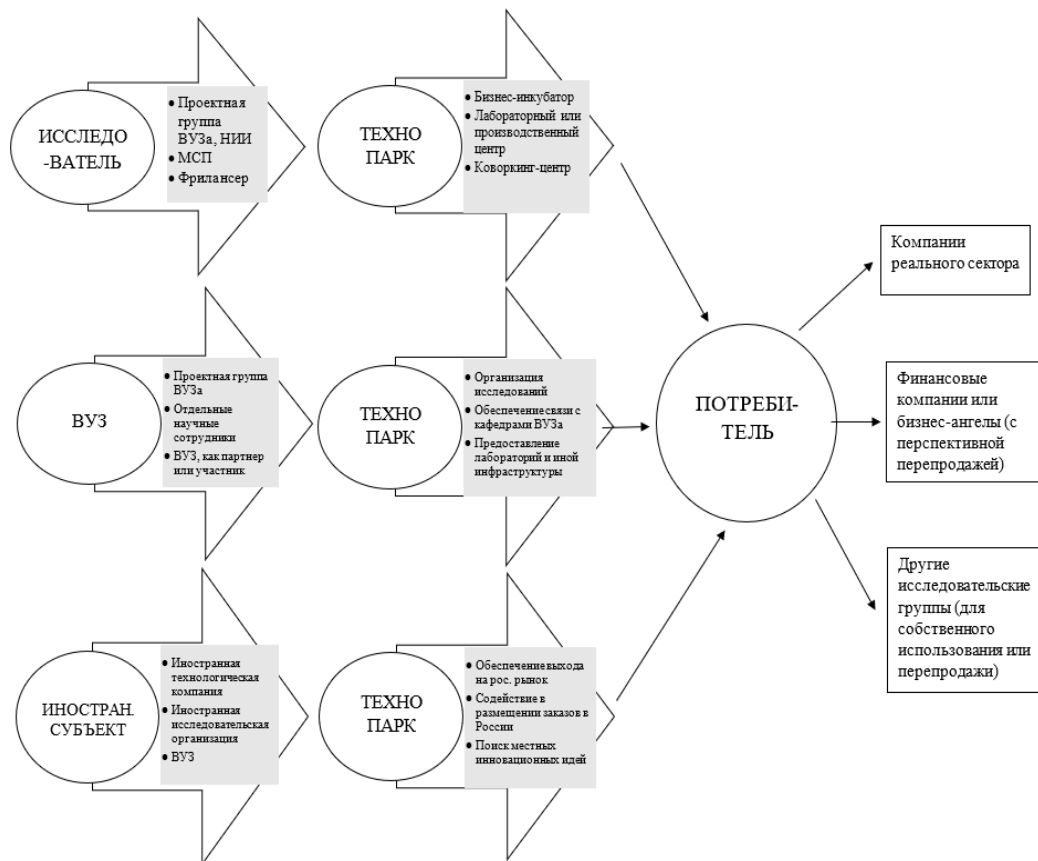

Рисунок 8. Функциональное назначение технопарков.

Источник: составлено авторами

На протяжении последних лет в России сохраняется положительная динамика по созданию и развитию технопарков: расширяется как количество парковых территорий развития, так и площади их размещения.

Однако сохраняется неравномерность распределения технопарков по территории России: наибольшее их количество приходится на Центральный (50 %) и Приволжский (20 %) федеральные округа.

Период с 2016 по 2020 гг. является самым активным по числу роста созданных в это время технопарков (см. рис. 9,10). В структуре создаваемых и действующих технопарков наблюдается преобладание производственных помещений, при этом их доля ежегодно возрастает: с 35,9 % в 2016 г. она увеличилась до 51,1 % в 2019 г. Такая динамика объясняется, в том числе, возрастанием количества промышленных технопарков.

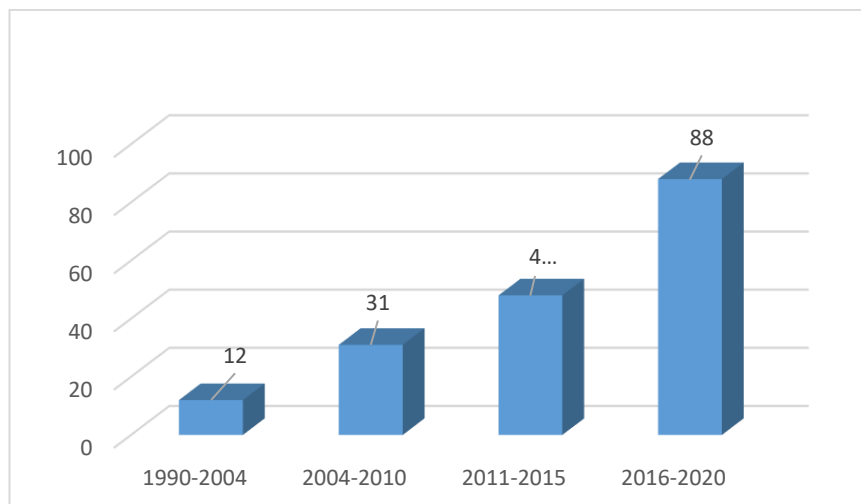

Рисунок 9. Годы создания технопарков в России.
Источник: составлено авторами.

Общее количество работников резидентов технопарков России в среднем ежегодно возрастает на 15,4 %. При этом 92,7 % резидентов технопарков относятся к числу субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Количество создаваемых резидентами технопарков рабочих мест в 2019 г. превысило 110 000 человек, из них более половины созданы субъектами МСП. В последние годы технопарки России демонстрируют рост по всем ключевым показателям эффективности. Таким образом, основными направлениями инновационного и научно-технического развития является создание малых и средних инновационных предприятий, наращивание доли инновационно активных организаций.

Рисунок 10. Количество создаваемых технопарков в России
Источник: составлено авторами

В заключении следует отметить, что основными направлениями инновационного развития высшего образования в стране является создание инновационной структуры, которая будет способствовать получению высокотехнологического продукта в рамках организации своей деятельности на территориях технопарков.

ВЫВОДЫ

Главными направлениями ускорения развития инновационной деятельности в вузах является обеспечение реализации их исследовательского, инновационного, предпринимательского потенциала. Однако для организации данных направлений необходимо учитывать внешние факторы, которые непосредственно могут влиять на эффективность инновационной деятельности вуза. Именно возможности деятельности в особых экономических режимах являются теми факторами, которые смогут ускорить инновационное развитие высших учебных заведений и оказать позитивное воздействие на получение инновационного продукта.

Эффективность функционирования особых экономических зон и технопарков нашла отражение в теоретических исследованиях отечественных экономистов. Также уже накоплен значительный опыт внедрения данных территорий в региональную экономику страны. Однако цель данного научного исследования заключалась не в получении новых знаний об особенностях функционирования ОЭЗ, а в выработке механизма применения имеющихся знаний для организации инновационной деятельности вузов. Изучение инновационной составляющей деятельности вузов через призму специальных режимов позволило сделать следующие выводы:

- осуществление интеграции вузовской науки с промышленностью и ориентация на разработку и производство высокотехнологической и конкурентоспособной продукции возможно только при эффективном взаимодействии вузов с предприятиями регионов в условиях особых экономических зон;
- коммерциализация инновационной деятельности вуза может осуществляться в условиях развития научно-инновационных центров и технопарков;
- повышение результативности инновационной деятельности вуза возможно с учетом использования льготного финансово-экономического механизма ОЭЗ.

Список литературы

1. Калугина Т. А., Ложенко Н. О. Инновационная деятельность вуза: цели, задачи, управление // Вестник СГТУ. 2011. № 1 (55). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-deyatelnost-vuza-tseli-zadachi-upravlenie>
2. Перминова О. М., Войт О. А. Оценка инновационной деятельности вуза // Интеллектуальные системы в производстве. 2006. № 1. С. 195–200.
3. Семченко А. А. Новые возможности развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4. С. 584–590.
4. Ефремова П. В. Показатели оценки эффективности развития инновационной деятельности вузов // Вопросы инновационной экономики. 2019. Том 9. № 3. С. 989–1010
5. Ефремова П. В., Романова И. М. Оценка уровня развития инновационной деятельности вуза. Часть 2. Анализ структурных взаимосвязей между внутренними элементами развития инновационной деятельности вуза // Вопросы инновационной экономики. 2020. Том 10. № 4. С. 2317–2330

6. Ефремова П. В. Совершенствование систем управления инновационной деятельностью в вузе путем формирования инновационной инфраструктуры // Вопросы инновационной экономики. 2018. Том 8. № 2. С. 311–326

7. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам деятельности федеральных университетов» от 10.02.2009 №18–ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84791/

8. Тюрина А. Особая модель [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/1163621/90769162.html>

9. Анисимов Ю. П., Шапошникова С. В. Роль вузов в инновационном развитии регионов // ИнВестРегион. 2008. № 1. С. 8–11.

10. Рисин И. Е. Расширение форм сотрудничества вузов и бизнеса как основа развития инновационного потенциала: опыт для России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.IT-expo.org/de/2009-04-29-11-17-26-/3-2009-04-29-11-16-21/7-2009-04-29-12-09-58>

11. Герасименко О. А. Развитие государственно-частного партнерства в региональной образовательной системе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Белгород, 2012.

12. О концепции федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 №2765–р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173677/7414094b2c70754ec96756ab440e1979ac550e4e

13. Никитина М. Г., Машьянова Е. Е. Концепция развития вузов в условиях свободных экономических зон // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7. № 2. С.68–82

14. Особые экономические зоны / Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.ru/>

15. О Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662–р (ред. от 28.09.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134

16. Государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий»: одобрена Распоряжением Правительства РФ от 10.03.2006 г. № 328–р (ред. от 27.12.2010) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2006. № 11. Ст. 1226.

17. Павлов Э. Технопарк – важный элемент современной инновационной экономики // Умное производство. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. URL: www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=185&group_id_4=58

18. Козлова В. Н. Типы особых экономических зон и их соотношение с парковыми территориями развития [Электронный ресурс]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2015_1-2_20.pdf

19. Промышленный парк [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Промышленный_парк

20. Стандарт индустриального парка: утвержден Правлением Некоммерческого партнерства «Ассоциация индустриальных парков» 30 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indparks.ru/certification/standard/> (дата обращения: 10.09.2021)

21. Терещенко Л. К., Калмыкова А. В. О правовом статусе технопарков // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 21–30.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 339.1

СБЫТОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИНОДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Миргородская Е. О., Хан Р. С.

*Донской государственный технический университет, Ростов–на–Дону, Российская Федерация
E-mail: emirgorod@mail.com*

Сильное конкурентное давление со стороны крупных игроков рынка из винодельческих регионов России осложняет деятельность региональных производителей вина на домашнем рынке. Сегодня эффективность и конкурентоспособность производителя винной продукции на рынке во многом определяется его маркетинговой стратегией, в том числе используемыми сбытовыми паттернами – сочетание товарной, ценовой и сбытовой политики винодельческого предприятия определяет возможности достижения и удержания целевой аудитории, способной формировать спрос на винодельческую продукцию. Целью данной статьи является анализ существующих сбытовых паттернов винодельческих предприятий Донского региона как основы повышения эффективности их функционирования в условиях высококонкурентного рынка и обеспечения их стратегической позиции на российском рынке виноделия.

Ключевые слова: сбытовые паттерны винодельческих предприятий, сбыт винодельческой продукции, распределение винодельческой продукции, маркетинг в виноделии

ВВЕДЕНИЕ

Значимость винного кластера для региона тем выше, чем больше потенциал его развития, связанный как с объективными природными условиями хозяйствования, так и с возможностями его интеграции в хозяйственную модель развития региона. Деятельность винодельческих предприятий, объединенных в особый винный кластер территории, позволяет сформировать специфическую конкурентную позицию данного региона, обеспечив не только доходобразующую часть регионального бюджета, но и формируя имиджевую составляющую как территорию производства уникального вина из автохтонных сортов винограда. Донской регион обладает этими возможностями для создания устойчивого развития виноделия из таких сортов винограда вследствие исторические сложившейся традиции виноградарства и особых природно-климатических условий его произрастания. Именно поэтому Донской регион хотя и имеет невысокую долю в национальном производстве винодельческой продукции по сравнению с другими, более ориентированными на этот вид хозяйственной деятельности, регионами (Краснодарский край, Республика Крым), в то же время обладает конкурентными преимуществами производства особых уникальных сортов вин, которые могут быть произведены только из винограда, произрастающего на этой земле. Не менее важным фактором является и растущая популярность региона как места для туризма и отдыха, что открывает значительные перспективы для предприятий винной отрасли. Донской регион уже несколько лет удерживает место в двадцатке наиболее популярных мест для туризма в России. Активное продвижение бренда региона направлено на повышение узнаваемости Ростовской области как одной из туристских дестинаций России. Согласно Стратегии

СБЫТОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИНОДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА...

социально-экономического развития Ростовской области до 2030 года, туризм объявлен одной из приоритетных отраслей донской экономики.

Вместе с тем, очевидным выступает и то, что именно в данной отрасли высокий уровень конкуренции наряду с отсутствием разработанной маркетинговой стратегии развития способны привести к потере конкурентных преимуществ местными производителями, что и наблюдается сегодня у донских виноделов.

Винодельческая отрасль Ростовской области является экономически уязвимой, поскольку как крупные, так и мелкие предприятия сильно зависят от конъюнктуры рынка, воздействия на него внешних факторов, прямого влияния на объемы выпускаемой продукции наличия перерабатываемого сырья и его качества (а, следовательно, и качества вырабатываемого вина).

В итоге функционирование предприятий виноградно-винодельческого комплекса Ростовской области оценивается как нестабильное.

На деятельность производителя вина во многом влияют такие факторы, как:

- варьирующийся тип спроса на вино в зависимости от категории, региона происхождения, года, событий и прочего;
- ограничения по объемам производства вследствие ограниченного количества сырья определенного типа;
- высокая зависимость от известности марки и репутации производителя;
- жесткое регулирование со стороны государства.

Еще одной крупной проблемой винодельческих предприятий области является активное освоение всех возможных каналов реализации сильными конкурентами из Краснодарского края и Республики Крым. Очевидно, что сравнение объемов производимого продукта и, как следствие, его сбыта далеко не в пользу местных производителей.

Отсутствие возможности адекватной конкуренции с производителями из других регионов в области объемов производимого продукта требуют использования маркетинговых стратегий, способных как минимум стабилизировать состояние местных производителей, а в идеале содействовать их активному и эффективному развитию.

Очевидно, что маркетинговая стратегия каждого производителя является индивидуализированной, однако основные ее аспекты так или иначе проявляются через используемые предприятиями сбытовые паттерны.

Среди многочисленных зарубежных публикаций, посвященных рассматриваемой проблематике, можно выделить работы, в которых рассматриваются вопросы маркетинговых стратегий на винном рынке в целом: A. Presenza, A. Minguzzi, C. Petrillo [1], D. Blazheska, M. Nickova [9], и вопросы брендинговых стратегий в виноделии в частности: T. Atkin, D. Wilson, J. Olsen, L. Thach, P. Wagner [3], H. Rodrigues, J. Rolaz, E. F. Luesma, M. P. Sáenz-Navajas, J. Behrens, D. Valentin, N. Depetris–Chauvin [4]. Базовым вопросам создания комплекса маркетинга в винной отрасли посвящены работы G. Festa, M. T. Cuomo, G. Metallo, A. Festa [5], вопросам конкурентоспособности в винном бизнесе – труды L. I. Bailetti, C. Santini, S. Supino [6], A. Gilinsky Jr., S. K. Newton, R. Fuentes Vega [7].

Отдельного внимания заслуживает работа, рассматривающая вопросы распределения винной продукции N. Deni, D. Petković, V. Vujović, B. Spasić, I. Vujičić [8].

Изучение бытовых паттернов винодельческих предприятий требует сбора и обработки значительного количества вторичной и первичной информации, получение которой ограничено самим фактом существования релевантных сведений в данной области. Отсутствие систематизированных данных наряду с широкой географией распространения требует использования выборочного подхода в части изучения представленности продукции на рынке в разрезе сетевых каналов реализации и сплошного обследования в части специализированных магазинов.

В данном исследовании использовались методы традиционного и контент-анализа, а также методы общенаучного анализа и синтеза.

Сбор информации о состоянии генеральной совокупности проводился путем кабинетных исследований, а также сплошного наблюдения в розничных каналах реализации в период с октября по декабрь 2020 года. В рамках сбора данных было обследовано 27 предприятий торговли. Ограниченное количество винодельческих предприятий региона позволило оценить бытовые паттерны 10 представленных предприятий, что составляет 71 % генеральной совокупности.

Обработка информации проводилась путем использования статистических методов.

Целью проведенного исследования является рассмотрение основных бытовых паттернов винодельческих предприятий региона для выявления проблем, существующих в отрасли на местном уровне, и возможностей повышения эффективности деятельности производителей в дальнейшем.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Изучение бытовых паттернов винодельческих предприятий позволяет в определенной степени составить представление как об уровне конкуренции на рынке, так и об активности маркетинговой деятельности в данной сфере.

При этом под бытовым паттерном мы понимаем не только непосредственно бытовую политику предприятия, но и сопутствующие ей решения в области товарной и ценовой политики, выражающиеся в присутствии на тех или иных сегментах рынка. Сбытовые паттерны, используемые производителями вина, в полной мере зависят от товаров, производимых виноделами, и позиционирования марки, что, в свою очередь, влияет на выбор ценовых сегментов, выделяемых в качестве приоритетных.

Вино как товар обладает целым рядом особенностей:

- непостоянство качества, связанное, прежде всего, с природными условиями вызревания исходного сырья;
- более чем высокая зависимость от параметров исходного сырья – одно и то же исходное сырье в зависимости от условий произрастания имеет различные органолептические характеристики;
- зависимость от квалификации производителя.

СБЫТОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИНОДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА...

Важным моментом является то, что в отличие от большинства других товаров в виноделии характеристики целевой аудитории продукта определяются, исходя из уже произведённой продукции. Иными словами, от того, каким получился продукт, будет зависеть то, какой аудитории он будет предложен.

Поскольку характеристики самого продукта зачастую определяют целевую аудиторию, на которую он ориентирован, это автоматически ведет к необходимости выбора именно тех каналов сбыта, которые способны достичь этой целевой аудитории и удовлетворить формирующийся спрос. Кроме того, необходимо отметить, что уровень конкуренции в сбытовых сетях между производителями во многом влияет на потребительский выбор – чем шире представляемый в торговой точке ассортимент, тем большие усилия необходимо приложить производителю, чтобы покупатель остановил свой выбор именно на его продукции.

Данная проблема освещается в экономической литературе, и аспекты потребительского выбора винной продукции в розничных каналах реализации рассмотрены в работах [9, 10], вопросы значимости бренда и, как следствие, маркетинговых усилий по организации эффективного сбыта – в работах [11, 12, 13, 14].

Оценивая предлагаемый местными производителями ассортимент продукции, из анализа материалов исследования видно, что в целом, производители из Ростовской области предлагают в большей степени тихие вина (75 %) (рисунок 1).

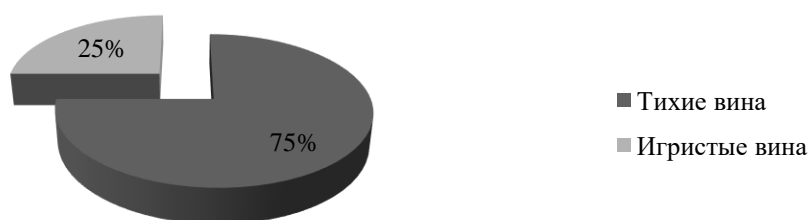

Рисунок 1. Структура предлагаемых производителями Ростовской области категорий вина

Традиционно сегмент игристых вин всегда был в меньшей степени представлен как российскими, так и зарубежными производителями, что определяется, прежде всего, особенностями технологии производства. На данный момент в розничных точках города Ростова–на–Дону присутствует продукция четырех местных производителей (ОАО «Цимлянские вина», ООО «Ростовшампанкомбинат», ОАО «Миллеровский винзавод, ООО «Зена»), однако в связи с уходом с рынка двух крупнейших областных производителей игристых вин (ОАО «Цимлянские вина», ООО «Ростовшампанкомбинат»), этот сегмент остается фактически пустым, что позволит занять в нем лидирующие позиции конкурентам из других регионов страны. Более того, необходимо отметить, что это означает, что виноделы Ростовской области фактически не будут представлены в категории игристых вин с невысокой стоимостью.

Оценивая ценовую политику местных виноделов, следует, прежде всего, классифицировать существующие ценовые сегменты на рынке вина [15, 16, 17].

Так, в соответствии с розничной ценой на рынке вина выделяют четыре базовых ценовых сегмента: масс-маркет, медиум, премиум и суперпремиум.

На сегодняшний день производители вина из Ростовской области представлены во всех ценовых сегментах: масс-маркет, медиум, премиум и суперпремиум. В сегменте «масс-маркет» работают 70 % представленных на рынке производителей из Ростовской области, 50 % – в сегменте «медиум», 60 % – сегменте «премиум», 30 % – в сегменте «суперпремиум» (рисунок 2).

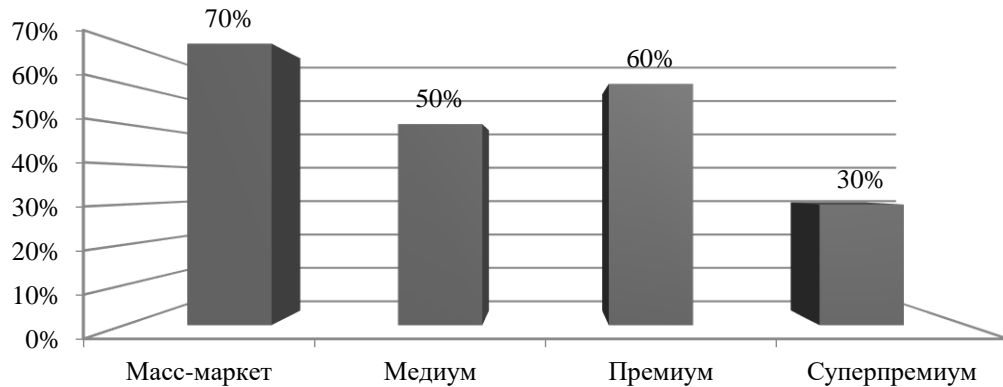

Рисунок 2. Структура ценовой представленности местных производителей вина на рынке Ростовской области

Очевидно, что на ценовую политику виноделов во многом влияют производственные и природные факторы, ограничивающие объем производимого продукта и в ряде случаев делающие его себестоимость достаточно высокой, что отражается в конечной цене товара. При этом налицо попытки ряда виноделов дифференцировать производимый продукт по сегментам, что приводит к предложению разных продуктов в различных ценовых сегментах. Так, некоторые производители охватывают три и даже все четыре ценовых сегмента. В целом, такого рода политика, на наш взгляд, может быть оценена как целесообразная, особенно это эффективно при условии создания отдельных брендов продукции для каждого сегмента.

Необходимо отметить, что ценовые уровни слабо коррелируют непосредственно с качеством продукта, т. е. не являются ориентиром вкусового качества продукции. Именно поэтому попытка развести марки вин по ценовым сегментам является в большей степени представлением производителя о качестве своей продукции, нежели соответствием реальному восприятию конечного потребителя его вкусовых характеристик. Вследствие этого неудачный опыт приобретения вина, например, в премиум или суперпремиум сегментах, может привести к отказу от дальнейшего приобретения данной марки и нивелировать все усилия производителя по формированию покупательской лояльности.

СБЫТОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИНОДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА...

Оценивая занимаемые местными виноделами ценовые сегменты в разрезе категорий вина, необходимо отметить, что в общей структуре представленности по ценовым сегментам основная доля приходится на сухие вина (от 61 % в «масс-маркете» до 91 % в сегменте «премиум»). Сладкие вина представлены только в сегменте «суперпремиум» в незначительной доле (рисунок 3).

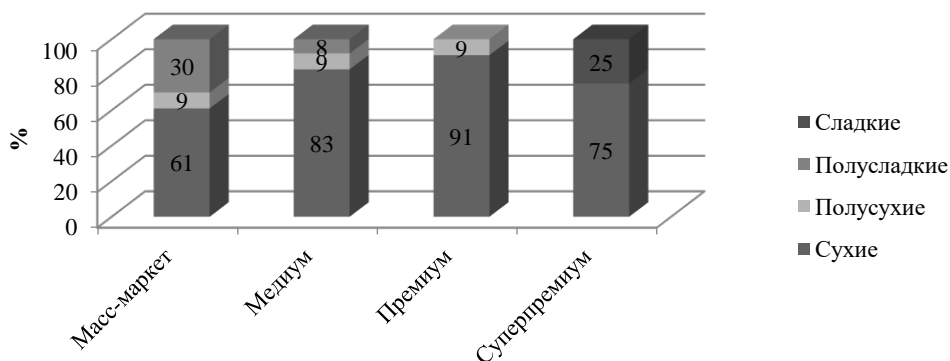

Рисунок 3. Распределение наблюдаемых типов тихих вин, представленных местными производителями Донского региона, по ценовым сегментам

Исходя из рисунка 3 видно, что сегмент сладких вин является потенциально свободным и при наличии формируемого высокого спроса на вина такого типа может представлять значительный интерес, особенно с учетом слабой представленности конкурентов в этом сегменте. Однако сегодня эта проблема только выявлена, и для местных виноделов это становится стратегической задачей.

Максимальная представленность различных типов игристого вина наблюдается в сегменте «масс-маркет». Сегменты «премиум» и «суперпремиум» представлены исключительно брют. При этом сухое игристое вино от местных производителей на рынке города вообще не представлено (рисунок 4).

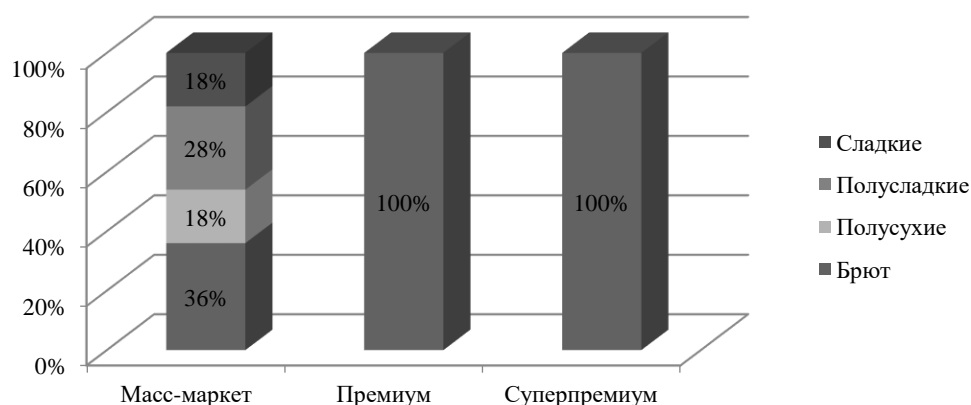

Рисунок 4. Распределение наблюдаемых типов игристых вин, представленных местными производителями Донского региона, по ценовым сегментам

Все вышесказанное в очередной раз показывает возможности перспективного развития производителей вина путем расширения ассортиментной линейки в премиум и суперпремиум сегментах.

Оценивая в общем каналы реализации, используемые региональными производителями вина, можно отметить, что уровень дистрибьюции местных донских виноделов достаточно низок.

В розничных каналах реализации Ростова–на–Дону представлено порядка 95 производителей вина из разных регионов Российской Федерации, при этом в структуре представленности на долю местных производителей приходится всего лишь 15 %, а максимальная доля принадлежит производителям из других регионов: Краснодарского края (53 %) и Крыма (26 %) (рисунок 5).

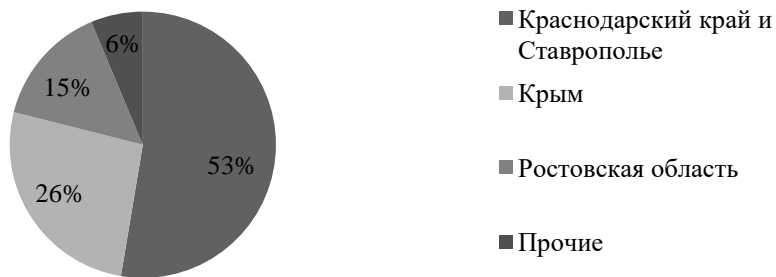

Рисунок 5. Структура винодельческой продукции от виноделов разных регионов в г. Ростове–на–Дону

В разрезе всех наблюдаемых в розничных каналах производителей представленность местных донских производителей составляет: в федеральных сетях 11 %, в местных сетях – 17 %, в специализированных магазинах – 19 % (рисунок 6).

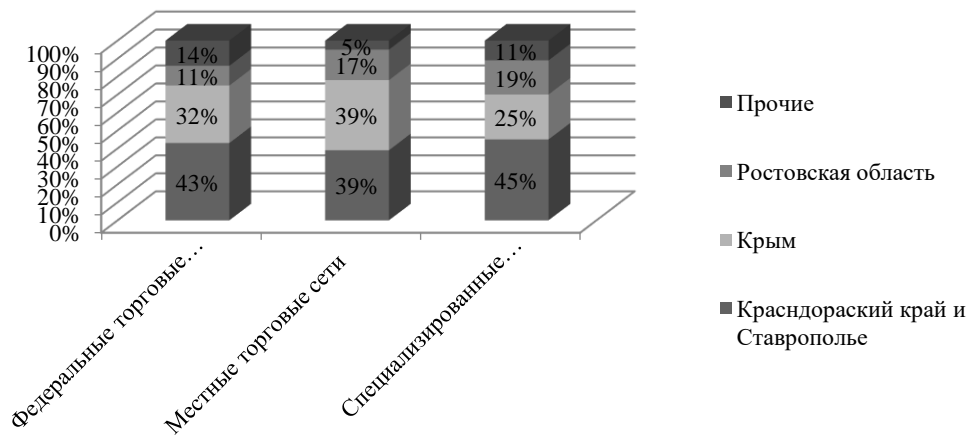

Рисунок 6. Представленность в г. Ростове–на–Дону производителей вина в разрезе розничных каналов реализации

СБЫТОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИНОДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА...

Очевидно, что барьеры входа в региональные сети и специализированные местные точки продаж гораздо ниже, чем в федеральные сети, что и определяет существующую сбытовую политику виноделов региона.

Помимо торговых сетей и специализированных магазинов еще одним важным каналом реализации вина является фирменная торговля. Из 25 фирменных точек российских производителей вина, существующих на ростовском рынке, 7 принадлежат донским производителям (рисунок 7), при этом у одного из местных виноделов сформирована целая сеть фирменных магазинов. В то же время следует отметить, что даже в родном регионе местные виноделы имеют менее 30 % фирменных точек продаж от их общего количества.

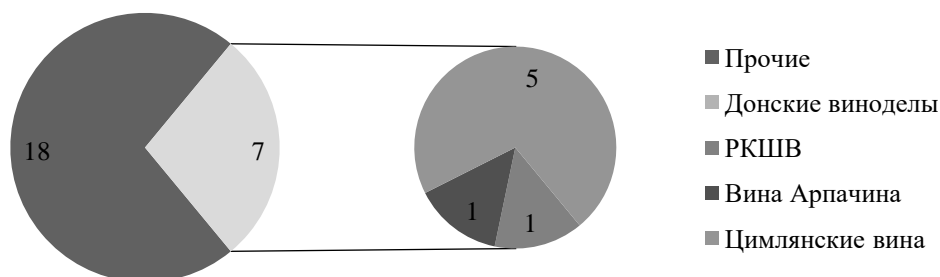

Рисунок 7. Наличие фирменных магазинов местных донских производителей вина в г. Ростове–на–Дону

Не менее интересным фактом является и то, что ряд производителей осуществляет продажу собственной продукции через фирменные точки других виноделов, однако в данном случае реализуемая продукция, представленная тихими винами, лишь дополняет ассортимент фирменных магазинов производителей игристых вин. Такого рода сбытовая политика позволяет предоставить максимально широкий выбор конечному потребителю, а конкуренция между производителями носит косвенный слабовыраженный характер.

Очевидно, что максимизация каналов реализации традиционно ведет к увеличению охвата потребителей, однако часть производителей не стремится к более широкому охвату рынка: часть местных производителей в принципе не представлена в розничных каналах города, а из представленных 22 % используют более 10 каналов реализации, 21 % – от 5 до 10 каналов, 7 % – от 3 до 5 каналов, 21 % – менее 3–х каналов (рисунок 8).

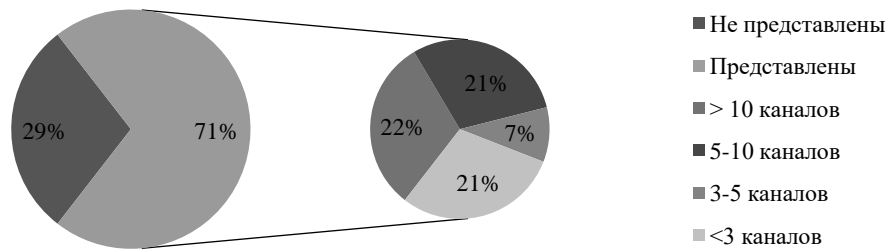

Рисунок 8. Представленность донских производителей в розничных каналах реализации по г. Ростову–на–Дону

Исследование также показало, что некоторые местные виноделы считают розничные каналы гораздо менее эффективными с точки зрения объемов продаж, предпочитая реализовывать свою продукцию оптом. По нашему мнению, такая политика несет в себе определенные угрозы с точки зрения дальнейшего развития бренда, поскольку при оптовом формате торговли таким специфическим продуктом, как вино, происходит потеря как значимости бренда, так и возможности установления личностных отношений с конечными потребителями. Результатом такой политики может быть снижение лояльности потребителей к данной продукции и, соответственно, бренду и виноделу.

Еще одним немаловажным каналом реализации винной продукции выступает канал HoReCa. Здесь стоит подчеркнуть, что при минимальных затратах со стороны виноделов на развитие данного канала сбыта именно его наличие формирует возможность целенаправленного контакта с целевой аудиторией, хотя в то же время имеются и определённые ограничения по качественно-ценовым характеристикам реализуемого через канал винодельческого продукта.

Помимо розничных каналов реализации часть производителей Ростовской области реализует свою продукцию через сегмент HoReCa. Канал HoReCa, используемый виноделами, включает в себя рестораны, кофейни, гостиницы, загородные клубы.

При этом в общем числе каналов реализации на сегмент HoReCa приходится от 65 до 70 % (рисунок 9).

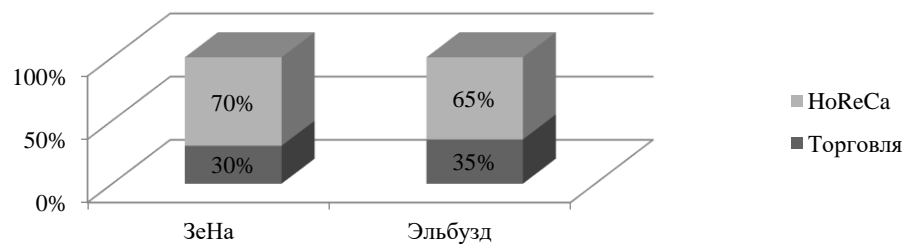

Рисунок 9. Структура используемых каналов реализации на примере двух донских производителей

СБЫТОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИНОДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА...

Сегодня сегмент NoReCa является наиболее предпочитаемым производителями сбытовым инструментом вследствие более низких барьеров входа, однако он не позволяет формировать в полной мере имидж бренда у широкого круга потребителей.

Еще одним немаловажным моментом в сбытовой политике производителей вина становится попытка коллаборации с другими предприятиями продовольственной сферы, в частности, с сыродельными предприятиями и их фирменными точками торговли. При этом стоит заметить, что опыт такого сбыта весьма ограничен и на сегодняшний день его использует только один местный производитель. Также весьма ограниченным является и попытка расширить сбытовые каналы за счет использования современных технологий, в частности, Интернет–торговли – интернет–магазин имеет один региональный винодел, что в определенной степени связано с недооценкой производителями потенциальных возможностей реализации через данный канал.

ВЫВОДЫ

Сбытовые паттерны винодельческих предприятий настолько специфичны, насколько специфичен сам производимый продукт – вино.

Оценивая сбытовые паттерны региональных производителей вина, можно сделать следующие выводы:

- производители вина донского региона используют в большей степени традиционные каналы сбыта, пренебрегая внедрением современных каналов продаж и коммуникации с потребителями, что с учетом изменяющегося в результате развития информационных технологий покупательского поведения ограничивает возможности достижения лояльности целевой аудитории;

- большинство производителей вина Донского региона используют сбытовые каналы первого и нулевого уровней, что обусловлено спецификой реализуемого продукта, однако именно в данных каналах наблюдается наибольший уровень конкуренции и, как следствие, возникает необходимость использования активных маркетинговых стратегий для получения конкурентных преимуществ;

- преобладание в ассортименте производимой продукции тихих вин наряду с минимальным количеством позиций игристого вина фактически ведет к потере местными виноделами рынка в сегменте игристых вин, что ослабляет конкурентные позиции виноделов в домашнем регионе.

Необходимо отметить, что присутствие на рынке большого количества конкурентов из других регионов, имеющих большие товарно-ценовые возможности, требует поиска эффективных инструментов работы с конечными потребителями и формирования потребительской лояльности, что, в свою очередь, автоматически повышает роль бренда и маркетинговой составляющей в деятельности местных производителей вина.

Очевидным является, что наряду с повышением представленности местных производителей в федеральных, местных розничных сетях и специализированных магазинах необходимо развитие фирменной сети торговли и расширение каналов реализации за счет более широкой коллаборации с продовольственными предприятиями региона, а также работа с местными и региональными органами

власти для создания условий, стимулирующих развитие местной винодельческой отрасли.

Список литературы

1. A. Presenza, A. Minguzzi, C. Petrillo, *Journal of Tourism Consumption and Practice*, 2(1), 46–61 (2010).
2. Daliborka Blazheska, Meri Nickova, *International Journal of Academic Research in Accounting, Finance and Management Sciences*, 6(4), 177–184 (2016)
3. Tom Atkin, Damien Wilson, Liz Thach, Janeen Olsen, *Wine Economics and Policy*, 6 (2), 155-164 (2017)
4. Heber Rodrigues, Julien Rolaz, Ernesto Franco Luesma, María Pilar Sáenz-Navajas, Jorge Behrens, Dominique Valentin, Nicolas Depetris-Chauvin, *Food Research International*, 137, (2020)
5. Giuseppe Festa, Maria Teresa Cuomo, Gerardino Metallo, Antonio Festa, *Journal of Business Research*, 69, 1550-1555 (2016)
6. Lucia Irene Bailetti, Cristina Santini, Stefania Supino, *Case Studies in the Wine Industry*, 75-85 (2019)
7. Armand Gilinsky Jr., Sandra K. Newton, Rosana Fuentes Vega, *Agriculture and Agricultural Science Procedia*, 8, 37-49 (2016)
8. Nebojša Deni, Dalibor Petković, Vuk Vujović, Boban Spasić, Igor Vujičić, *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 506, 718-727 (2018)
9. Marco Platania, Silvia Platania, Giuseppe Santisi, *Wine Economics and Policy*, 5 (2), 87-95 (2016)
10. Armando Maria Corsi, Hervé Remaud, *Current Opinion in Food Science*, 33, 78-84 (2020)
11. Daniele Vergamini, Fabio Bartolini, Paolo Prospero, Gianluca Brunori, *Journal of Rural Studies*, 72, 136-152 (2019)
12. Woo-Hyuk Kim, Jeong-Lan Cho, Kyung-Sook Kim, *Journal of Hospitality and Tourism Management*, 39, 212-218 (2019)
13. Charles Spence, *Food Quality and Preference*, 71, 106-116 (2019)
14. Larry Lockshin, Armando Maria Corsi, *Wine Economics and Policy*, 1(1), 2-23 (2012)
15. Eugenio Pomarici, Marco Lerro, Polymeros Chrysochou, Riccardo Vecchio, Athanasios Krystallis, *Wine Economics and Policy*, 6 (2), 98-106 (2017) <https://doi.org/10.1016/j.wep.2017.09.001>
16. Cristina Calvo-Porra, Jean-Pierre Lévy-Mangin, Agustín Ruiz-Vega, *Food Quality and Preference*, 79, (2020)
17. Wang Huiru, Shen Jinhui, Feng Jianying, Feng Huiru, Zhou Zhijian, Mu Weisong, *IFAC-PapersOnLine*, 51(17), 843-848 (2018)

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 33.012.23

ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСА ТРУДА С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОЙ ЭКОНОМИКИ

Петренко Т. В.¹, Ракута Н. В.²

¹*Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация*

²*Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Российская Федерация*

E-mail: t.petrenko@tmei.ru

В условиях инновационного развития, повсеместного распространения основ цифровой экономики актуализируются вопросы повышения эффективности трудовой деятельности, изменения качественных характеристик труда и механизмов его стимулирования, исходя из потребностей современной экономической системы. Подобные изменения формируют новые вызовы, определяющие тенденции развития трудовой сферы, в том числе кризис труда, который можно определить как фундаментальное противоречие в экономике, связанное с отсутствием детерминированной связи между процессом труда, его результатом и уровнем удовлетворенности работников. Результатом является невосприимчивость к новациям, психологический дискомфорт межличностного общения, повсеместно способствующие низкому уровню производительности труда. Технологическое совершенствование хозяйственной деятельности, влияя на универсум и сопровождаясь трансформациями функциональных особенностей содержания конкретных видов труда, формирует запрос на исследования реакций акторов, сохраняющихся у них в сознании и выстраивающих новые стереотипы трудового поведения. Паттерны в области реализации трудовых функций должны соответствовать потребностям современного развития, создавая новую среду – поощрения творчества, компетентностного роста, образовательного уровня и его расширения на основе адекватных общественным запросам нарративов. Однако достичь этого без преодоления системных ограничений практически невозможно, что требует исследования трансформации самой социально-экономической системы. Системная экономическая теория предоставляет достаточный научный арсенал, на основе которого можно выявить и оценить проблему кризиса труда, сформировать соответствующие методы и приемы его преодоления. Визуализация причинно-следственных взаимосвязей национальной экономики и кризиса труда с помощью тетрады позволяет установить значимость проблемы и сориентировать на выработку соответствующих механизмов ее системного разрешения.

Ключевые слова: кризис труда, цифровая экономика, системная экономика, тетрада, производительные силы, инновации.

ВВЕДЕНИЕ

Кризис труда – явление экономической жизни, связанное с реакциями наемных работников на совокупность существующих и применяемых мотивационных импульсов, которые в какой-то момент перестают приносить ожидаемый результат. Распространение кризиса труда обусловлено набором детерминированных факторов, вызывающих определенные мутации в процессе качественных изменений производительных сил и сопряженных с этим изменением условий организации хозяйства, социальной структуры и инфраструктуры, а также системы управления всех уровней социально-экономической иерархии на различных эволюционных этапах. Речь идет о следующих факторах, появление которых вызывает обострение кризиса труда:

– расширение новаций в области развития производительных сил, приводящее к их качественной трансформации;

- нарушение эволюционно сложившихся пропорций в соотношении различных социально-экономических сфер, трансформирующих организационную систему;
- отложенные реакции социокультурной сферы на изменения и рост институционального сопротивления.

Несоответствие уровня развития производительных сил, обладающих динамично развивающимися энергетическими ресурсами и институциональной среды, которой эти ресурсы практически не присущи, выступает фундаментальной проблемой эволюции экономики, исследованию которой уделяли внимание различные авторы. Она нашла отражение, прежде всего, в теории общественно-экономических формаций К. Маркса и Ф. Энгельса [7], исследовалась в эволюционной экономической теории Й. Шумпетером [12], а также Р. Нельсона и С. Уинтера [8] и многих других ученых.

Кризис труда, не имея наглядного воплощения, не может быть описан на основе расчета конкретных экономических показателей. Разноуровневость и сложность процессов, вызывающих изменения системы, не позволяют очертить свойства всех изменений, силы и направлений их влияния и, как следствие, выявить и все возможные их последствия. Кризис труда, создавая условия сопротивления происходящим изменениям, фактически сам приобретает системные свойства, выявить которые и дать им развернутое обоснование позволяет применение пространственно-системной методологии [3; 5].

Исходя из представления Г. Б. Клейнера и основываясь на нем в формировании системного подхода к исследованию кризиса труда, можно говорить о том, что: «локальные экономические системы целесообразно рассматривать как клетки соответствующего экономического организма, а тетрады – как структурно-функциональные модели таких клеток. В процессе функционирования такой локальной системы \sum ее подсистемы обмениваются разнообразными экономическими благами – продуктами, услугами, работами, виды которых зависят от характера и назначения данной системы. В этих условиях возникает и поддерживается межподсистемный баланс экономических благ, обеспечивающий устойчивую работу данной системы \sum » [3, с.106].

Вместе с тем, авторами доказано, что с позиций системного подхода при возникновении кризиса наблюдается увеличение неравенства доходов среди населения, и правительствам многих стран разрабатываются и применяются широкомасштабные меры по защите занятости и поддержке секторов экономики, наиболее подверженных влиянию негативных факторов, однако такие меры недостаточно эффективны, после чего наблюдается усиление кризиса труда [4, С. 137–138].

Н. А. Симченко, Н. Ю. Анисимова провели исследование развития экосистемы производственно-трудовых отношений в условиях цифровой экономики и общества, авторы формулируют свою точку зрения, исходя из концептуальных положений теории фракталов, системного, холистического и кластерного подходов, бизнес-моделирования; раскрывают состав экономического понятия экосистемы, ее сущность и структуру в сфере цифровых производственно-трудовых отношений [11, С. 61–66].

ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСА ТРУДА С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОЙ...

Заслуживает внимания научное исследование П. В. Савченко, в котором автор рассматривает феномен системы как модели исследования исторического этапа развития российской цивилизации от экономического детерминизма к социальному детерминизму, а также исследует развитие интегрированной модели социально-трудовых отношений в России [10, с. 9–12].

В исследовании консалтинговой компании PricewaterhouseCoopers (PwC) выявлено влияние цифровых технологий и искусственного интеллекта на рынок труда, отмечено, что развивающиеся страны будут сталкиваться с серьезными вызовами, на борьбу с которыми необходимы внушительные капиталовложения и совершенствование экономической системы [1, с. 5].

Авторами Bussolo Maurizio, Kotia Ananya, Sharma Siddharth исследовался кризис на рынке труда в период пандемии. Вывод авторов свидетельствует о неравном распределении влияния кризиса на занятость и доходы определенных уровней населения, и в системном аспекте кризис труда отразился в основном на производительных силах неквалифицированного класса, однако также быстро они адаптировались к новым условиям [13].

Определение взаимосвязей подсистем национальной экономики в пространственно-временном континууме, их характеристика с точки зрения обладания энергетическими ресурсами, а также обмен избыточными ресурсами в тетраде, позволяют проследить причинно-следственные связи в зарождении и эволюции кризиса труда, его системного влияния на различных уровнях экономики.

Целью работы является исследование кризиса труда на основе системной экономической науки. К основным задачам можно отнести описание национальной экономики на основе выделения основных четырех систем, входящих в нее, и описание их взаимосвязи на основе тетрады, а также построение теоретической модели кризиса труда на уровне национальной экономики и выявление основных закономерностей, свойственных кризису труда в цифровой экономике, и формулировка подходов к его преодолению на основе системной экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Структурные преобразования, наблюдаемые в экономической сфере, обусловлены во многом изменениями технологических или функциональных особенностей содержания конкретных видов труда под влиянием инновационной компоненты развития. Функциональное содержание труда связывается сейчас с потенциалом творческих способностей и возможностей их реализации на конкретном рабочем месте, мотивирование которых требует и новых подходов к совокупности применяемых стимулов. Отсутствие ясного представления и системного подхода к этим процессам способствует повсеместному распространению кризиса труда.

Кризис труда представляется реакцией социума на происходящие процессы модернизации, имеет воспроизводящийся характер и связан с противоречиями, возникающими в переходные периоды на конкретных национальных площадках, имея при этом онтологические основания. Свойством любых развивающихся социально-экономических систем выступает необходимое соответствие

материальных условий создания благ и комплекса разнообразных отношений, складывающихся в обществе. Если гармоничное сочетание этих компонент нарушается на определенном этапе общественной жизни, очевидным проявлением этого будет кризис труда, средой распространения которого выступает двойная мораль, построенная на несоответствии сложившихся социальных и т. п. норм (достаточно консервативных) и объективных процессов, выходящих за их рамки или даже вступающих с ними в противоречие. Подобная среда, влияющая на отношение каждого конкретного человека к труду и его статусности, требует системной перестройки всей совокупности отношений, может вызывать различные негативные реакции социума, включая, к примеру, широкое распространение люмпенизации и т. п. Основные факторы, вызывающие обострение кризиса труда, его признаки и потенциальные методы преодоления продемонстрированы на рисунке 1.

Рисунок 1. Факторы, признаки и методы преодоления кризиса труда

Технологическое совершенствование хозяйственной деятельности, влияя на универсум и сопровождаясь трансформациями функциональных особенностей содержания конкретных видов труда, формирует запрос на исследования реакций акторов, сохраняющихся у них в сознании и выстраивающих новые стереотипы трудового поведения. Паттерны в области реализации трудовых функций должны соответствовать потребностям современного развития, создавая новую среду – поощрения творчества, компетентностного роста, образовательного уровня и его расширения на основе адекватных общественным запросам нарративов. Однако достичь этого без преодоления системных

ограничений практически невозможно, что требует исследования трансформации самой социально-экономической системы, построения соответствующих моделей трудового поведения, исходя из ее реалий и изменяющейся под влиянием совокупности подобных воздействий структуры личности.

Теоретическая модель национальной экономики представляется в виде системы, построенной на взаимообуславливающей зависимости четырех подсистем – производительных сил, институциональной среды, процесса производства и инновационной деятельности. Производительные силы на уровне национальной экономики формируют ресурсный, технологический, производственный потенциал, подвергающийся модернизации в процессе эволюции знаний, опыта, квалификаций, внедрения инноваций, расширения применения в хозяйственных актах достижений науки, что способствует, в конечном итоге, переходу количественных изменений в новое качество. Однако изменение производительных сил требует новой институциональной организации, а если посмотреть шире – речь может идти о необходимости существенной трансформации институциональной среды в целом [9]. Здесь кроются и определенные ограничения, обусловленные тем, что средовая система практически не обладает собственными энергетическими ресурсами интенсивности и активности и не может быстро адаптироваться к тем изменениям, которые происходят в объектной системе на уровне модернизации производительных сил общества [3]. Это противоречие и формирует, в конечном счете, предпосылки для широкого распространения кризиса труда, который переориентирует собственной логике процессы движения ресурсов, взаимодействий между всеми подсистемами, создавая ее новое качество, существенно отличающееся от желаемого или эталонного, к которому общество стремится в процессе преобразований. Фактически кризис труда, внося новые черты в процесс системного взаимодействия, маршрутизирует развитие системы, способствуя широкому распространению признаков, соответствующих ему в каждой подсистеме, повсеместно снижая их потенциал.

Определение взаимосвязей этих подсистем в пространственно-временном континууме, их характеристика с точки зрения обладания энергетическими ресурсами, а также обмен избыточными ресурсами в тетраде [3], позволяют проследить причинно-следственные связи в зарождении и эволюции кризиса труда, его системного влияния на различных уровнях экономики.

Таким образом, исследовать системные черты кризиса труда можно, описав взаимосвязь производительных сил, институциональной среды, трудовой деятельности и процесса производства. Представление их в виде тетрады позволяет выявить существенные черты и характеристики основных подсистем, в которых кризис труда зарождается, развивается и в жизнедеятельности которых кроются механизмы его преодоления на уровне национальной экономики.

Кризис труда, присутствуя в каждой подсистеме и транслируясь через обмен ресурсами, способствует снижению их потенциала, так как генерирует ограничения, прежде всего, в применении энергетических ресурсов. Речь идет о том, что кризис труда переориентирует все системные взаимосвязи собственной логике, порождающей внутреннюю модернизацию каждой подсистемы. Структура тетрады,

объединяющей основные подсистемы национальной экономики и построенная на системном подходе к исследованию Г. Б. Клейнера [3, с. 74], представляет генетическую взаимосвязь, выстраиваемую на основе перераспределения и использования внутри тетрады основных экономических ресурсов – пространственно-временных и энергетических (рис. 2).

Рисунок 2. Структура и функции тетрады системного представления национальной экономики

T – ресурс времени; S – ресурс пространства; A – ресурс использования времени; I – ресурс использования пространства

Системное представление о взаимосвязанных подсистемах кризиса труда, их органическом единстве, представляет научный инструментарий для выявления причин кризиса как общих, определяемых фундаментальными законами эволюции, так и отличительных в конкретных исторических условиях и на различных иерархических уровнях экономической структуры. Это может позволить дать глубокую и всестороннюю интерпретацию кризиса труда, выработать действенные инструменты его преодоления. Так, производительные силы общества как объектная система, определяющая характеристики кризиса труда на уровне национальной экономики, обладают соответствующими системными характеристиками. Они как совокупность материальных факторов производства (средств и предметов труда), технологически взаимосвязанных и применяемых для создания благ на основе использования трудового ресурса определенного профессионально-квалификационного уровня, имеют ограничения в пространстве, при этом не ограничены во времени. Развитие, количественное накопление и качественное преобразование производительных сил во времени представляется основой эволюции экономической системы,

ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСА ТРУДА С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОЙ...

позволяющей создавать условия для поступательного изменения социально-экономического потенциала, его совершенствования для обеспечения восходящей тенденции долгосрочного тренда в общей экономической динамике. Производительные силы можно охарактеризовать также, исходя из присутствия в них ресурсов интенсивности, проявляющихся при согласовании в конкретных хозяйственных актах и технологических взаимосвязях имеющихся средств и предметов труда, позволяющих обеспечить воспроизводственный процесс, построенный на интенсификации используемого пространства. Отсутствие ресурса активности у производительных сил требует их взаимодействия с другими подсистемами, прежде всего проектной, где этот ресурс представлен в неограниченном масштабе, и его применение в организации процесса производства выступает основой для активизации применения и модернизации производительных сил. В силу того, что производительные силы обладают в неограниченном масштабе двумя видами первичных экономических ресурсов – пространственными ресурсами и ресурсами интенсивности, появляется потребность во взаимодействии с системами разных типов. Межсистемный обмен должен обеспечить каждую систему в каждый момент времени всеми четырьмя видами ресурсов, что и позволяет говорить об устойчивости системы в целом. Согласованное развитие производительных сил и инновационной деятельности эволюционно способствует формированию нового качества самих производительных сил, их поступательной модернизации.

Институциональная среда национальной экономической системы, обладающая неограниченным пространственно-временным ресурсом, создает условия для функционирования всех систем тетрады, а также обеспечивает ее взаимосвязь и взаимодействие с внешним контуром системы национальной экономики. Отсутствие у нее собственных энергетических ресурсов интенсивности и активности фактически закладывает условия стабильности среды, ее институциональной организации. Это обеспечивает такую маршрутизацию воспроизводственного процесса на всех его этапах – производства, распределения, обмена и потребления, при котором институциональные формы организации выступают условием стабильности, прозрачности взаимосвязей и точности прогнозов, гарантирующих минимизацию рисков. Речь идет о нормативно-правовых актах, системе государственного управления, а также правилах, инструкциях, регламентах и устоявшихся представлениях, институционально и информационно формализованных и подкрепленных государственной властью. Однако институциональная среда, не ограниченная в пространственно-временных ресурсах, предполагает ее генетическую взаимосвязь с эволюцией общества, его культурой, самобытностью, закрепленных в нормах и установках морально-этического плана, широко внедряемых в сознание различными нарративами. Подобные нормы как результат эволюции традиционных укладов, могут быть связаны с ментальными характеристиками социально-экономического генотипа [6], культурными особенностями отдельных народов, этнических групп или других социальных образований. Существующая институциональная среда, являющаяся наиболее консервативной подсистемой тетрады, обеспечивает устойчивость всей системы, основываясь на формах организации жизни, эволюционно выверенных и укоренившихся в сознании,

принимаемых априори в качестве логичных и целесообразных. При этом изменения, происходящие в области развития производительных сил, основанные на действии диалектического закона перехода количества в качество, сталкиваясь с низкой средовой мобильностью, определяют формирование кризиса труда.

Эволюцию взаимодействия производительных сил и институциональной среды с учетом их пространственно-временного и энергетического ресурсного потенциала можно охарактеризовать, исходя из бифуркационного характера развития системы, отражающего системное накопление изменений и последующего перехода количества в качество. Точке бифуркации – смены состояния системы – присущи разнообразные кризисные состояния, которые закладывают основы широкого распространения кризиса труда, глубоко и полномасштабно проникающего во все формы социально-экономической организации жизни, и, прежде всего, в процесс производства и трудовую деятельность. Именно процесс труда, который сопровождается активным использованием физических возможностей работников в сочетании с их нервной энергией и профессиональной подготовкой, квалификационными возможностями и внутренней потребностью к их реализации, предполагает целесообразную деятельность по воздействию на предмет труда с целью получения результата – производства товара, работы или услуги. Эволюционное изменение предметов труда характеризует уровень развития производительных сил, формирующих потребность и в соответствующем содержательном наполнении трудовой деятельности, которое представляется через призму ее институциональной организации и генетически связана с институциональной средой.

Процесс производства в системном представлении имеет временные ограничения, и у него нет внутреннего ресурса интенсивности, который закладывается организацией. При этом труд как целесообразный процесс практически не ограничен в пространстве, и ресурс его активности создает условия существования самой системы, освоения ею пространства и того совокупного потенциала, которым система обладает. Таким образом, процесс производства, соединяющий все факторы производства, опосредовано через использование труда как основного двигателя в производстве благ вне зависимости от его общественной формы и организации выступает основой существования всей системы. Трудовая деятельность встраивается в контекст объективных условий развития системы, находясь во взаимообусловленной связи с условиями среды ее функционирования и получая во взаимодействии с ней недостающий временной ресурс. Институциональная среда ориентирует процесс производства в контексте уже имеющихся и эволюционно развивающихся форм институциональной организации как формальных, так и неформальных, которые во многом определяют паттерны трудового поведения, влияя на принятие решений в самых разнообразных ситуациях и уровнях, соответствующих социально-экономической иерархии общества. Укоренение стереотипов поведения и оценки альтернатив выбора в пользу

ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСА ТРУДА С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОЙ...

профессиональной и социальной мобильности или консерватизма в процессе тех или иных преобразований, потенциальное снижение эффективности производственного процесса при отсутствии у него ресурса интенсивности, институционально закрепляемой средой, которая сама практически не обладает энергетическими ресурсами, способствует повсеместному распространению кризиса труда (рис. 3).

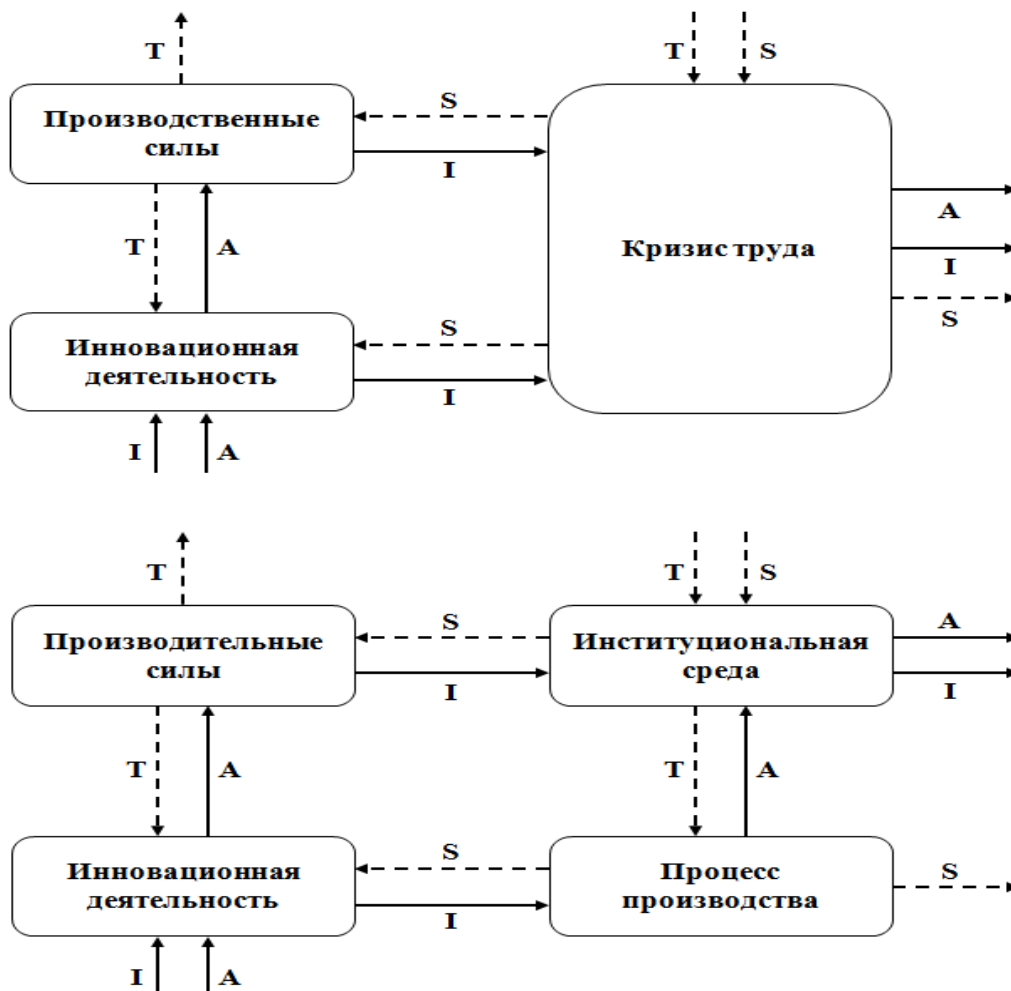

Рисунок 3. Модель кризиса труда национальной экономики

Кризис труда, существовавший на всех эволюционных ступенях общественной жизни, массовый характер всегда приобретает в периоды социально-экономических трансформаций. Связано это преимущественно с кардинальными преобразованиями, обеспечивающими материально-технологические процессы развития и определяющими потребность в модернизации норм и правил, социальных стереотипов и, как следствие, наиболее распространенных паттернов, устанавливающих ограничения для реализации институциональных изменений [9]. Кризис труда, насыщая систему новыми причинно-следственными связями, в

которых основные его признаки – девальвация ценности самого труда, потеря его смыслообразующей функции и превращение из образа жизни в средство выживания – оказываются приоритетными при выстраивании институциональных взаимосвязей на условиях и принципах двойной морали, искажающих любые импульсы, связанные с пространственно-временными и энергетическими ресурсами общества.

В этих условиях любые преобразования в предметах и средствах труда, требующие изменения содержания трудовой деятельности, через призму кризиса труда воспринимаются как энергетически излишне затратные вследствие повышения интенсивности трудового процесса относительно сложившихся и привычных форм его организации, а также более растянутые во времени, требующими дополнительных усилий по адаптации к изменениям. Это закладывает основы институционального сопротивления изменениям в процессе реализации трудовой деятельности, вызывая потерю смыслообразующей функции труда как неразрывной части трудового процесса. Таким образом, основные признаки кризиса труда находят свое воплощение в трудовой деятельности, формируя установки на снижение ее эффективности, целесообразности и заинтересованности в результатах, делают рабочую силу практически невосприимчивой к стимулирующим импульсам. Причем в рамках самой трудовой сферы и ее институциональной организации не содержится энергетического ресурса интенсификации трудового процесса, который бы позволил преодолеть проблему и ее последствия.

Кризис труда, заполняя и переориентируя под свои ценностные установки пространство средовой системы и подчиняя паттерны трудового поведения соответствующим правилам и нормам, способствует их активному и повсеместному внедрению в процесс производства, а также устанавливает трансляционные каналы распространения кризиса за пределы контура системы. Глубина и фундаментальность проблемы кризиса труда на различных исторических этапах общественной жизни обусловлена масштабностью вызывающих кризис преобразований и уровня институционального сопротивления, формирующегося в средовой системе. Исторически эта проблема разрешалась эволюционно, за счет применения ресурса интенсивности в процессе проектирования механизмов внедрения инноваций, внедрения новых форм организации производительных сил. Интенсивное изменение и активное распространение в процессе взаимодействия со средой технологических решений, соответствующих реалиям повсеместно внедряемых инноваций, предполагала поступательную адаптацию во времени институциональной среды к этим изменениям. Подобные процессы происходили, начиная с периода становления человеческого общества. Находят они свое воплощение и в современном мире.

Однако мир сегодняшний, находящийся в стадии становления и развития цифровой экономики, сформировал такой инновационный потенциал, который фундаментально преобразует содержание и формы организации хозяйственных и технологических процессов, с одной стороны, при этом способствует распространению новых угроз, масштабность которых требуют их четкого осознания и действенного противостояния. Таким образом, кризис труда для современного общества, расширяя зоны неопределенности в действиях различных его членов,

ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСА ТРУДА С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОЙ...

представляется одной из основополагающих проблем нынешнего этапа социально-экономического развития. Любой специалист, задействованный в актах трудовой деятельности, подверженный влиянию кризиса труда, снижая планку своей ответственности за результат этих действий, фактически снижает общую безопасность. Новые технологии, их масштабность и охват влияния сейчас гораздо выше, чем в каком бы то ни было историческом срезе. В этих условиях требуются системные меры влияния на социальное сознание и процессы принятия решений, их маршрутизации исходя из корректировок, которые вносят современные технологические преобразования и их адаптация к процессу производства.

Организация инновационной деятельности в системном представлении национальной экономики выступает экономической системой проектного типа, которая за счет обеспеченности неограниченными энергетическими ресурсами – интенсивности и активности, должна способствовать преодолению их ограниченности в процессе производства. При этом инновационная деятельность имеет существенные ограничения доступа к пространственно-временным ресурсам, обусловленные особенностями организации взаимодействия элементов производительных сил так, чтобы сам воспроизводственный процесс был комплементарен в части эффективного использования всех его производственных элементов, отличающихся по уровню развития, но сосуществующих в конкретных пространственно-временных рамках. Таким образом, инновационная деятельность, построенная на применении имеющихся ресурсов, требует их технологической гармонизации, а также наличия соответствующих условий и стимулов, обеспечивающих результативность применения всех энергетических ресурсов. Получая временной ресурс благодаря взаимодействию с производительными силами, инновационная деятельность адаптирует технологические преобразования к логике конкретной производственной деятельности, либо совершенствуя ее, либо способствуя ее полной трансформации по результатам конкурентного отбора видов и форм хозяйственной жизни. Это требует дополнительного пространственного ресурса, расширение которого возможно за счет активизации процесса производства, способствующего расширению экономического пространства, делегируя возможности по его наполнению и использованию в инновационной деятельности и гармонизируя при этом уровень развития производительных сил, условий, которые находят воплощение в организационных формах процесса производства и организации труда.

При этом сам процесс производства, получая ресурс интенсивности в использовании пространства на основе инновационной деятельности, должен сориентироваться на возможность его адаптации, а также той институциональной организации, которая ему свойственна. В случаях, когда новые формы развития производительных сил и их пространственное наполнение требуют и новых форм организации процесса производства, несогласованность во времени формирует устойчивую тенденцию к распространению двойной морали. Это проявление средового вакуума, возникающего в процессной системе из-за ее ограниченности во времени и получения этого ресурса из средовой системы, для которой актуальные формы институциональной организации не свойственны из-за ее консерватизма. Их

изменение происходит в результате эволюции или целенаправленного реформирования. Точка бифуркации, связанная с распространением кризиса труда, воплощается в широком распространении на всех иерархических уровнях национальной экономики противоречий относительно применяемых трудовых стимулов и их результативности. Речь идет о необходимости активизации использования трудовых ресурсов во времени в сочетании с интенсификацией применения новых средств и предметов труда и формирования трудовых реакций, направленных на целостное привлечение всех энергетических ресурсов, гармоничное сочетание которых в трудовой деятельности и может привести к устойчивому развитию национальной экономики. Однако проявление в процессе труда двойной морали, то есть отсутствие внутренних и средовых оснований для расширения интенсивности труда, способствует сокращению и его активности при широком декларировании обратного. Ситуация, при которой реально происходящие процессы существенно расходятся с установленными ориентирами, предполагает, что пространственный ресурс, генерируемый в процессе производства и подчиненный логике двойной морали, видоизменяет и саму систему, связанную с инновационной деятельностью.

ВЫВОДЫ

Структурные изменения производительных сил предполагают повсеместное расширение уровня интенсификации труда и соответствующее повышение трудовой активности, что создает новые условия производства, к которым необходимо адаптироваться. В случае, когда гармонизация трудовых ожиданий и стимулов не наступает, декларируемые в обществе ориентиры, ценности и действия будут существенно расходиться с реальной практикой их реализации. Более того, активизация традиционных способов мотивации, подчиняясь логике двойной морали, действенных результатов не принесет, однако может стимулировать снижение активности, расширение теневых функций. Кризис труда приобретает здесь реальное воплощение, определяя повсеместную девальвацию трудовых ценностей. Таким образом, не отказываясь от получения дополнительных стимулов, повсеместно на уровне нарратива закрепляется сопротивление изменениям. Нежелание преодолевать общую инертность, потерять социальное окружение, вызывает соответствующую корректировку трудовых действий в производственном процессе, ограничивающую комплементарность всех его элементов.

Приведенные рассуждения демонстрируют очевидную потребность в развитии трудового потенциала и интенсификации его использования, достижение которых возможно при системном проектировании производственного процесса с учетом новых требований к трудовой деятельности. Интенсификация и совершенствование производительных сил во времени должны основываться на координации стимулирующих импульсов с средовыми условиями и проектируемыми направлениями их модернизации в контексте изменений процесса производства. Ограничение его доступа к пространственно-временным ресурсам делает его невосприимчивым к тем эволюционным формам и их разнообразию, которые

ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСА ТРУДА С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОЙ...

выходят за рамки самого процесса. Однако проектируя производственный процесс на основе инновационной деятельности, интенсифицируя его и адаптируя к уровню развития производительных сил, необходимо учитывать потребность в наращивании активности труда, вовлекаемого в процесс интенсификации на основе новых ориентиров, стимулирующих импульсов, не отторгающих уже сложившихся, а их переосмысливающих и видоизменяющих в соответствии с новыми запросами.

В сложившихся условиях эволюционно и поступательно в экономической системе происходят изменения в институциональной среде, которые должны впитать в себя, и генетически преобразовав, сформировать соответствующие средовые условия. Наблюдаемое обострение противоречий как на уровне национальных экономик, так и мирового сообщества, актуализирует вопрос о необходимости формирования соответствующих механизмов, направленных на преодоление противоречий, порождаемых кризисом труда, выработке методических подходов к организации системы мотивирования труда с учетом специфика национальных менталитетов, а также структуры и особенностей конкретной экономической системы.

Исследование характера и особенностей кризиса труда через определение структуры и функции тетрады национальной экономики позволяет наглядно аргументировать фундаментальность причин, лежащих в основе подобного явления, а также те последствия, которые оно приносит. В условиях цифровой экономики, ускоряющей трансформацию материальных и информационных форм организации жизни, обострение противоречий вследствие снижения адаптации к институциональным и социальным атрибутам современного мира, несет в себе риски, предотвращение которых требует системного представления о причинах, их вызывающих и подходов к их минимизации в целях достижения устойчивого развития.

Список литературы

1. Будущее рынка труда: противоборство тенденций, которые будут формировать рабочую среду в 2030 году // PricewaterhouseCoopers. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/workforce-of-the-future-rus.pdf>
2. Вольчик В. В., Кот В. В. Институциональные изменения в контексте модернизации хозяйственных порядков // Journal of Institutional Studies. 2013. Т. 5. № 4. С. 36–57.
3. Клейнер Г. Б. Системная экономика: шаги развития: монография. М.: Издательский дом «Научная библиотека». 2021. 746 с.
4. Куликова Н. В. Пандемия COVID–19: социально-экономические вызовы и ответные меры в странах Центрально-Восточной Европы в условиях европейской интеграции: монография. М.: ИЭ РАН, 2021. 352 с
5. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–22.
6. Майминас Е. З. Социально-экономический генотип общества // Постигение. М.: Прогресс. 1989. С. 93–113.
7. Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е издание. Т. 3. М.: Политическая литература. 1955. 650 с.
8. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М. 2000. 472 с.
9. Петренко Т. В., Щербакова Т. А. Кризис труда и роль социальных институтов в его преодолении // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 53–57.
10. Савченко П. В. Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития. Москва: ИНФРА-М, 2021. 446 с.

11. Симченко Н. А., Анисимова Н. Ю. Экосистема цифровых производственно-трудовых отношений: теоретико-методологическое обоснование // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5 (159). С. 61–66.

12. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Директмедиа Паблишинг. 2008. 137 с.

13. Bussolo Maurizio, Kotia Ananya, Sharma Siddharth. Workers at Risk: Panel Data Evidence on the COVID-19 Labor Market Crisis in India. Policy Research Working Paper; No. 9584. World Bank, 2021. Washington, DC. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35292>

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 334.021

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Приходько И. И., Ванюшкин А. С., Барсегян А. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: economist.cfu@mail.ru

В статье исследован опыт реализации модели тройной спирали в Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии, определена роль использования данной модели в инновационном развитии этих стран, проанализирована критика модели. Выявлены основные перспективы развития модели тройной спирали, в том числе за счет включения четвертого элемента – гражданского общества. Сформулированы рекомендации по использованию опыта стран Северной Европы в целях ускорения инновационного развития РФ.

Ключевые слова: инновационная политика, инновационная инфраструктура, модель тройной спирали, коммерциализация инноваций.

ВВЕДЕНИЕ

После перехода в 1980–х гг. развитых стран на уровень постиндустриального общества, существующие на то время концепции инновационного развития исчерпали свой потенциал. Возникла необходимость в создании новой системы сотрудничества экономических субъектов, которая дала бы большой синергетический эффект. Одной из таких систем является модель «тройной спирали», которая сочетает в себе инновационный и инвестиционный потенциал науки и бизнеса, и за счёт формирования устойчивых сетевых (кластерных) связей между ними даёт дополнительный экономический эффект.

Цель настоящей работы – проанализировать опыт функционирования модели «тройной спирали» на примере стран Северной Европы.

Модель «тройной спирали» была исследована в работах таких ученых, как Г. Ицковиц [1, 2], Л. Лейдесдорф [3], П. Вестхед, Д. Джонс–Эванс, А. Локит, Д. Андерсон [4], А. Линк, Д. Мауэр, М. Райт, Д. Сигел, Л. Уолдман. Они сделали значительный вклад в анализ горизонтальных связей между университетами, бизнесом и государством. Инновационное развитие стран Северной Европы было подробно исследовано в работах ряда отечественных учёных, таких как Н. М. Антюшина [5–7], Ю. С. Дерябин [7], И. В. Такмашева [8], Д. А. Талагаева [9], М. Унгер [10]. В 2008 году Институтом Европы РАН была выпущена монография «Северная Европа – регион нового развития», которая посвящена вопросам инновационного и социально-экономического развития стран Северной Европы [7].

Идеологами модели «тройной спирали» являются Г. Ицковиц и Л. Лейдесдорф, в чьих трудах подробно изложена концепция и механизм её реализации [1–3]. Развитие данной теории еще не закончено. В последнее время эта модель получила развитие: так, она дополнена четвертой спиралью [11]. Также появилась и критика, опирающаяся на исторический экскурс [4]. В то же время практически отсутствуют научные работы, в

которых бы проводился анализ инновационных систем наиболее успешных развитых стран мира.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В условиях экономики знаний наличие двойных спиралей (взаимодействий) между государством и рынком, наукой и бизнесом недостаточно из-за того, что основные участники системы (университеты, бизнес, государство) кроме своих традиционных функций начинают выполнять новые, присущие другим участникам. Эта многофункциональность является ключевой предпосылкой возникновения концепции «тройной спирали». Университеты и научно-исследовательские учреждения все чаще выполняют отдельные функции бизнеса, создавая на своей территории специальные центры по коммерциализации инноваций и малые венчурные предприятия. Таким образом, образовательные и научные учреждения с миссией продуцирования и распространения знаний выполняют отдельные функции бизнеса, что, в свою очередь, способствовало появлению и развитию концепции предпринимательского университета. В то же время в развитых странах государство теряет доминирующее влияние на развитие инновационных процессов, уступая его бизнесу, прежде всего, ТНК. Так, доля частного капитала в финансировании НИОКР в странах ОЭСР составляет в среднем 68 %, в том числе: в Японии – 75 %, США – 65 %, странах ЕС – 54 % [3].

Развитие экономики ведущих стран мира обеспечивается путем интеграции составляющих «тройной спирали». Функции государства в инновационной системе трансформируются в содействие формированию сетевых (кластерных) и других гибридных структур, в рамках которых активно взаимодействуют университеты, государственные и частные научно-исследовательские учреждения, крупные компании, малые инновационные предприятия, венчурные инвесторы и другие участники. Именно такой подход начал превалировать в развитых странах мира при разработке инновационной политики в 1990–х годах. Это дало дополнительный толчок развитию научных исследований по теме взаимоотношений основных участников инновационных систем.

В данной статье рассмотрены различные точки зрения на опыт реализации модели «тройной спирали» в Северной Европе. Выбор данного региона не случаен. Швеция, Дания и Финляндия являются лидерами инноваций (второе, третье и четвертое места в европейском рейтинге), а Норвегия признана «сильным инноватором» (девятое место в европейском рейтинге). Самая высокая доля расходов на НИОКР в ВВП наблюдается в Швеции (3,34 %), Дании (3,06 %) и в Финляндии (2,77 %), что выше среднего показателя по ЕС (2,18 %) [6, 7]. Согласно отчету Европейской системы оценки инноваций за 2020 г., самая низкая среди стран Северной Европы доля расходов на НИОКР в ВВП наблюдается в Норвегии (2,07 %). Данные факты указывают на успешность опыта осуществления инновационной политики в странах Северной Европы, что обуславливает необходимость его изучения.

Модель «тройной спирали» формирует основу финской инновационной политики. В Финляндии разработаны инновационные стратегии на национальном и

региональном уровнях. Национальная стратегия утверждает: «спрос и инновации должны быть ориентированы на пользователя» [12, р. 8]. При разработке данной стратегии учитывались мнения 300 специалистов и экспертов. Основными направлениями данной стратегии являются [12, р. 8]:

1. Повышение международной привлекательности научных исследований и экспертных знаний;
2. Укрепление научно-образовательных кластеров и создание общих платформ развития;
3. Осуществление реформ и инноваций в государственной службе;
4. Государственная поддержка инновационной деятельности.

С целью содействия инновационным инициативам в регионах страны правительство Норвегии в 2006 году ввело программу поддержки инноваций VRI, основанную на модели «тройной спирали». В каждом регионе страны были сформулированы свои приоритетные направления инноваций, отражающие сформировавшиеся сильные кластеры. Целью VRI в Норвегии является: «развитие экономики знаний ... в целях интенсификации инновационных процессов в регионах и продвижения научно-обоснованных инноваций в норвежской экономике» [12, р. 9]. Это должно быть достигнуто путем более тесного сотрудничества между университетами и научно-исследовательскими институтами, местными органами власти, венчурными фирмами и крупным бизнесом.

В программе VRI было определено несколько этапов: VRI I (2007–2010), VRI II (2011–2013) и VRI III (2014–2017). Задачи программы VRI заключаются в улучшении взаимодействия между участниками инновационных сетей, повышении качества образовательной среды и обмене опытом с другими региональными научно-исследовательскими и инновационными проектами. Другие задачи VRI включают в себя стимулирование инноваций на основе НИОКР в кластерах и сетях за счет усиления взаимодействия между фирмами, а также между фирмами и научно-исследовательскими институтами. Программа VRI включает в себя шесть основных направлений: информационно-коммуникационные технологии, возобновляемые источники энергии, морская промышленность, морские науки о жизни, сектор здравоохранения и медицинской техники [12].

В Швеции кластерный подход к инновационному развитию имеет давнюю традицию. При этом инновации рассматриваются в комплексе с другими инструментами достижения экономического роста в регионах, например, стимулированием развития предпринимательства. Для развития предпринимательства в стране внедрено несколько проектов, таких как «Предприниматель Стокгольм» и «Предпринимательский университет» [12, р. 11]. Проект «Предприниматель Стокгольм» объединяет 22 консалтинговые компании, предоставляющие консультационную помощь женщинам – предпринимателям, стартапам и венчурным инновационным проектам. Проект «Предпринимательский университет» – это проект развития предпринимательства в академической среде и поддержки сотрудничества профессорско-преподавательского состава ведущих университетов страны с представителями промышленного бизнеса.

Характерным примером реализации модели «тройной спирали» является функционирование координационного центра «Robotdalen» в Швеции. Центр «Robotdalen» призван углублять сотрудничество между университетами, крупным бизнесом, МСП, региональными и местными органами власти. «Robotdalen» финансируется Шведским государственным агентством инновационных систем (VINNOVA), Фондом регионального развития ЕС, муниципалитетами, округами и представителями промышленности. Основная цель «Robotdalen» – обеспечить коммерческий успех инноваций в сфере робототехники и технических решений для промышленности, сферы услуг и здравоохранения. Программа «Robotdalen» нацелена на достижение страной мирового лидерства в сфере промышленной роботизации с акцентом на три ключевые области: (1) мобильные роботы в сфере услуг, (2) инновационная автоматизация для промышленности, (3) технологии для независимой жизни. Эти три области были выбраны потому, что они являются наиболее перспективными, с одной стороны, и по причине наличия научно-технического потенциала для их развития в регионе, с другой стороны [11, p. 529–530].

Так, мобильных роботов в сфере автономного погрузочного и горного оборудования могут производить две глобальные компании в регионе: «Volvo Construction equipment» в Эскильстуне и «Atlas Copco» в Эребру. Инновационная автоматизация для промышленности – это сформировавшееся направление с давними традициями в регионе. В «Robotdalen» эта сфера представлена промышленными роботами, выпускаемыми компанией «ABB». Программа «Robotdalen» позволяет улучшить координацию между краткосрочными и долгосрочными результатами инновационной деятельности в данной сфере. Технология для независимой жизни включает в себя различные типы роботов в здравоохранении и уходе за пожилыми людьми. Это относительно новая область робототехники, и ожидается, что в ближайшем будущем она будет стремительно развиваться. На момент запуска программы «Robotdalen» в регионе не было ни одной ТНК, выпускающей такую продукцию. Тем не менее в рамках программы «Robotdalen» удалось привлечь компании для реализации этой части программы. Так, компания «Giraff Technologies» перенесла свой офис из Кремниевой долины США в Швецию, чтобы участвовать в программе «Robotdalen».

Также несомненным успехом центра «Robotdalen» является привлечение таких новых партнеров, как крупная строительная компания «Skanska», которая нуждалась в автоматизации строительства мостов. Поскольку не было готового решения этой проблемы, проект передали в центр «Robotdalen». Более того, компания «Skanska» хотела, чтобы фирма «ABB» создала для них этот инновационный продукт. Но из-за необходимости дорогостоящих НИОКР было решено, что для снижения рисков лучше реализовать этот проект в рамках программы «Robotdalen». При этом фирме «ABB» была оставлена роль головного исполнителя в проекте [11, p. 531–532].

В рамках программы «Robotdalen» свои возможности реализовали и университеты. Так, в рамках программы «Robotdalen» была создана платформа для сотрудничества академических кругов и МСП. Студенты помогали представителям МСП узнать о возможностях робототехники и, таким образом, применяли полученные в вузах знания на практике. Субъекты МСП смогли решить задачи инновационного

развития своего бизнеса. Крупные компании, например, «ABB», получили возможность продавать роботизированные решения субъектам МСП. В итоге программа «Robotdalen» обеспечила возможности развития для всех участников модели «тройной спирали» [11, pp. 533–534]. Помимо координации взаимодействия в сфере образования и науки «Robotdalen» также взял на себя роль центра коммерциализации результатов научных исследований.

Результаты практической реализации модели «тройной спирали» находят и своих критиков. Так, учёные Д. Андерсон и Э. Андерсон пришли к выводу об отсутствии достаточных доказательств того, что усилия стран Северной Европы по формированию «тройной спирали» в части создания научных парков дали ярко выраженный экономический эффект [4, p. 247]. Проведенное этими учеными эконометрическое моделирование показало, что количественные различия в патентовании и товарных инновациях между фирмами, работающими в научных парках, и компаниями, не являющимися резидентами этих структур, статистически незначимы. Упомянутые исследования также показали недостаточно высокий уровень взаимодействия между университетами и фирмами–резидентами технопарков. Статистический анализ деятельности шведских фирм не выявил существенных различий в доходах или занятости между компаниями–резидентами научных парков и нерезидентами. Основным позитивным эффектом деятельности правительства страны было признано повышение продуктивности использования университетских земель путем стимулирования стартапов и расширения возможностей трудоустройства выпускников университетов в сфере высоких технологий [4].

При этом главная линия критики модели «тройной спирали» проистекает из конфликта краткосрочных и долгосрочных целей инновационного развития.

Основной проблемой для исследовательских университетов как участников модели «тройной спирали» является отсутствие заинтересованности бизнес–структур в финансировании долгосрочных научных исследований. Так, шведская телекоммуникационная компания «Ericsson» в 2012–2017 гг. ежегодно тратила на НИОКР 3,6 млрд долл., что было сопоставимо со всеми расходами на НИОКР университетов в Швеции за тот же период [4, p. 247]. Согласно данным ОЭСР, на университеты приходится около 25 % общих расходов на НИОКР в регионе [3]. Эти данные показывают, что интерес к фундаментальной науке среди промышленного бизнеса минимален. Как показала практика, финансирование научных исследований со стороны правительственных фондов в рамках национальных или региональных стратегий «тройной спирали» не приводит к ожидаемому эффекту в виде роста частных инвестиций в НИОКР со стороны крупного бизнеса.

Основная научная деятельность университетов традиционно находит свое отражение в виде научных статей, книг (монографий), где публикуются результаты, прежде всего, фундаментальных исследований. Однако растущее в последние годы вовлечение университетов в реализацию модели «тройной спирали», где приоритет имеют прикладные исследования, внесло серьезные коррективы в сложившуюся традицию деятельности университетов. Об этом свидетельствует относительно небольшая доля средств, выделяемых на университетские исследования в большинстве стран мира, причём наиболее показательным примером в этом плане

является Китай [4, pp. 248–249]. Чтобы профинансировать свои фундаментальные исследования, многие университеты участвуют в прикладных промышленных исследованиях в рамках технопарков, уделяя меньше времени фундаментальной науке с её долгосрочными перспективами. Ещё одним маркером смещения акцента с долгосрочных на краткосрочные научные цели университетов является рост доли финансирования, выделяемого на управленческую деятельность в сфере маркетинга.

ВЫВОДЫ

Приведенная критика может дать толчок к исправлению указанных выше недостатков и улучшению модели «тройной спирали». В этих целях к стандартному набору участников из (1) академических кругов университетов, (2) правительства и (3) промышленного бизнеса может быть добавлен четвертый элемент – гражданское общество. Большинство исследователей склонны рассматривать «четверную спираль» с точки зрения конечного пользователя [3, 11]. Этот подход дополняется общим мнением специалистов о важности сотрудничества в рамках модели «четверной спирали».

Институциональным выражением такого сотрудничества могут быть не только научные парки и инкубаторы, но также центры коммерциализации результатов НИОКР типа «Robotdalen». Уникальной особенностью подобных организаций является их автономность, т. е. отсутствие контроля со стороны участников модели «тройной спирали» (в отличие, например, от университетских инкубаторов). По сути, модель «четверной спирали» уже частично реализуется на примере «Robotdalen», поскольку этот центр учитывает также интересы потребителей (например, пожилых людей) в Швеции, которые пользуются новейшими медицинскими роботами, созданными в рамках сотрудничества всех участников программы.

В целях обеспечения развития инновационной инфраструктуры РФ с учётом рассмотренного выше опыта стран Северной Европы по внедрению модели «тройной спирали» нами сформулированы следующие рекомендации:

– участие государства в модели «тройной спирали» должно ограничиваться созданием максимально благоприятных условий для улучшения взаимодействия бизнеса и университетов, а также для формирования симбиотических структур типа инновационных МСП (венчурных предприятий и т. п.);

– при регулировании отношений участников в рамках «тройной/четверной спирали» необходимо делать акцент на подписании рамочных соглашений, создании координационных органов, а не делать упор на доминировании государственных контрольно-надзорных функций [13]; это совпадает с выводами в наших предыдущих публикациях, посвященных тематике инноваций [14, 15];

– необходимо обеспечить максимальную автономность университетов, участвующих в модели «тройной спирали», что даст им возможность эмпирически находить оптимальный баланс выполнения как своих «классических» функций, так и коммерческих, в рамках сотрудничества с бизнесом. Это позволит успешно апробировать и внедрять модель «тройной/четверной спирали» без оглядки на бюрократические и административные формальности.

Также установлению оптимального баланса выполнения «классических» и коммерческих функций университетами будет способствовать отход от традиционной практики, где основная исследовательская нагрузка возлагается на университеты. Вузы должны выполнять, в первую очередь, свои «классические» функции, а государство должно восстанавливать и развивать сеть научно-исследовательских институтов, в основном утерянную за период после развала СССР. В будущем, следуя принципам специализации и разделения труда, в модели «тройной/четверной спирали» необходимо решить проблему оптимального распределения ролей и функций между университетами и научно-исследовательскими институтами.

Список литературы

1. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix – University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development // *EASST Review*. 1995. Vol. 14, № 1. pp. 14–19.
2. Etzkowitz H., Leydesdorff L. Emergence of a Triple Helix of university-industry – government relations // *Science and Public Policy*. 1996. Volume 23, Issue 5. pp. 279–286.
3. Leydesdorff, L. Synergy in Knowledge-Based Innovation Systems at National and Regional Levels: The Triple-Helix Model and the Fourth Industrial Revolution // *Open Innov. Technol. Mark. Complex*. 2018. Vol. 4, № 16. pp. 1–13
4. Anderson D. E., Andersson Å. E. The Impossibility of the Triple Helix // *Prometheus*. 2020. Volume 36, no. 3. pp. 235–252.
5. Антюшина Н. М. Взаимосвязь между социальными стандартами качества жизни и инновациями (на примере Швеции) // *Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы*. М: ФГБУ науки Институт Европы Российской академии наук. 2016. С. 89–97.
6. Антюшина, Н. М. Глава 4. Особенности инновационного развития в странах Северной Европы // *Инновационное развитие в ЕС: некоторые аспекты* / Институт Европы РАН. Москва: ФГБУ науки Институт Европы Российской академии наук, 2016. С. 57–68.
7. Северная Европа. Регион нового развития / под. ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. М.: Изд-во «Весь Мир», 2008. 512 с.
8. Такмашева И. В., Тяглов С. Г. Инновационное развитие предпринимательского сектора: опыт скандинавских стран // *Современная Европа*. 2019. № 4 (90). С. 60–73.
9. Талагаева Д. А. Скандинавские страны: научная политика как баланс национальных приоритетов и задач общеевропейского развития. // *Вестник Брянского государственного университета*. 2018. № 2 (36). С. 203–216.
10. Унгер М., Полт В. «Треугольник знаний» между сферами науки, образования и инноваций: концептуальная дискуссия // *Форсайт*. 2017. Т. 11. № 2. С. 10–26.
11. Hasche N., Höglund L., Linton G. Quadruple helix as a network of Relations: creating value within a Swedish regional innovation system // *Journal of Small Business & Entrepreneurship*. 2020. Volume 32, Issue 6. P. 523–544.
12. Solesvik M. Z. The triple helix model for regional development and innovation: context of Nordic countries // *Forum Scientiae Oeconomia*. 2017. Issue year 5, Issue 4. pp. 5–21;
13. Vélez–Rolón A. M., Méndez–Pinzón M., Acevedo O. L. Open Innovation Community for University-Industry Knowledge Transfer: A Colombian Case // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. Vol. 6, № 4. P. 181.
14. Ванюшкин А. С., Приходько И. И. Анализ перспектив международного научно-технического сотрудничества России и Евросоюза // *Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Экономика и управление*. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 17–30.
15. Ванюшкин А. С., Приходько И. И. Научно-технические приоритеты в контексте формирования единого инновационного пространства Российской Федерации и Республики Беларусь // *Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Экономика и управление*. 2020. Т. 6 № 3. С. 104–111.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 339.92

**ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОДУКЦИЕЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ С
ОТДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Рудницкий А. О., Устименко Е. Р., Мираньков Д. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: rud_andreas@mail.ru

В статье рассмотрены особенности и перспективы внешнеторгового сотрудничества Российской Федерации с отдельными странами Центральной и Восточной Европы, в частности торговли продукцией машиностроения на современном этапе. Товарообмен продукцией высокотехнологических отраслей с высокой долей добавочной стоимости рассматривается как основа для устойчивого развития национальной экономики в целом. Рынки стран Центральной и Восточной Европы потенциально могут выступать в качестве «точки доступа» отечественной продукции на европейские рынки. Вместе с тем, объективные экономические интересы, основанные на взаимовыгодном сотрудничестве и участии в международном разделении труда, в настоящее время приносятся в жертву конъюнктурным политическим интересам.

На основе анализа обширного массива статистических данных представлена динамика изменений основных показателей внешней торговли машинами и оборудованием РФ со странами ЦВЕ в 2016–2020 гг. Подробно рассмотрена внешняя торговля машинами и оборудованием РФ с главными партнерами из Центрально-Восточного региона. Описаны потенциальные возможности и угрозы развитию внешнеторгового сотрудничества. Особое внимание в статье уделено расчету показателей интенсивности внешней торговли, а именно индексам интенсивности и взаимодополняемости, а также коэффициенту предпочтения. Выявлены перспективы сотрудничества между странами.

Ключевые слова: Россия, Центральная и Восточная Европа, внешняя торговля, машины и оборудование, индекс интенсивности, коэффициент предпочтения, индекс взаимодополняемости.

ВВЕДЕНИЕ

Международные торговые отношения являются одной из важнейших составляющих процессов глобализации, основой международного разделения труда, обеспечивающей обмен и перераспределение товарами, услугами, капиталом. Наиболее крупным партнером России на внешнем рынке является Евросоюз, на долю которого приходится большая часть экспортной выручки РФ. Вместе с тем, Российский экспорт в ЕС не диверсифицирован, узкоспециализирован, Россия поставляет в ЕС главным образом энергоресурсы. Однако текущая ситуация, связанная с ухудшением политических отношений с ЕС, резким ухудшением конъюнктуры мировых рынках сырья, делает все более актуальной задачу поиска несырьевой альтернативы, расширения экспорта готовой промышленной продукции с высокой долей добавочной стоимости, в особенности машин и оборудования.

Страны Центральной и Восточной Европы могут выступать своеобразной транзитной зоной при взаимоотношениях с ЕС, поэтому отношения России со странами Центральной и Восточной Европы приобретают особую актуальность на ближайшую перспективу как с точки зрения двусторонних отношений, так и в общеевропейском контексте.

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ...

Вопросами развития внешней торговли России со странами Центральной и Восточной Европы как специфической формы обмена между странами посвящены научные исследования и публикации многих отечественных ученых. Теоретические и практические исследования проблемных аспектов развития внешней торговли нашли отражение в работах Шиленко С. И., Мешечкиной Р. П., Антоновой Ю. А. [1], Лисовской Е. Г., Рожанской Е. А. [2], Куликовой Н. В., Сенициной И. С. [3], Каштыковой Э., Жатко М., Баринковой Н. [8] и др.

В работах отечественных ученых достаточно полно описана система внешнеторговых связей между ЕС и РФ, вместе с тем недостаточное внимание уделяется перспективам рынков стран Центральной и Восточной Европы как перспективному направлению продвижения высокотехнологической отечественной продукции на рынки ЕС.

Цель статьи заключается в анализе динамики внешней торговли машинами и оборудованием между РФ и странами Центральной и Восточной Европы и определении перспектив дальнейшего сотрудничества.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Политические события конца XX века привели к ряду системных преобразований как в России, так и в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Среди основных преобразований можно выделить отказ от плановой экономики и переход к системе рыночных отношений. При этом трансформационные процессы сопровождались сменой внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации стран ЦВЕ. Постсоциалистические государства стали ориентироваться на максимальное участие в международном разделении труда, мирохозяйственных связях и международной интеграции, их внешнеполитическим приоритетом стало вступление в ЕС и НАТО, а также развитие отношений, прежде всего, с западноевропейскими партнерами и США.

В результате смены внешнеэкономических приоритетов стран Центральной и Восточной Европы доля России во внешней торговле этих государств снизилась с дореформенных 40 % до 6,7 % в 2020 г. Вместе с тем, Россия и страны Центральной и Восточной Европы остаются друг для друга важными внешнеэкономическими партнерами, однако в настоящий момент эти отношения нельзя назвать нормальными и конструктивными. На развитие экономических связей оказывают сильное влияние глобальные политические процессы, связанные с противостоянием РФ и США.

Страны Центральной и Восточной Европы являются географически близкими соседями и значимыми торговыми партнерами России. Экономические отношения России со странами Центральной и Восточной Европы в основном сведены к товарообменным операциям.

Динамика внешнеторговых отношений России со странами Центральной и Восточной Европы в разрезе основных показателей за период 2016–2020 гг. характеризуется трендами увеличения с 2016 г. по 2018 г., затем, с 2019 г. наблюдается постепенное ослабление позиций в торговле (таблица 1). Максимальное значение доли стран ЦВЕ по основным показателям во внешней торговле России

зафиксировано: экспорт 2018 г. –8,4 % (в абсолютном выражении – 37,6 млрд долл. США), импорт 2018 г. 7,0 % (в абсолютном выражении 16,7 млрд долл. США), внешнеторговый оборот 2018 г. –7,9 % (в абсолютном выражении – 54,3 млрд долл. США). В 2020 г. наблюдалось снижение объемов торговли России со странами ЦВЕ в сравнении с 2018 г.: стоимостный объем экспорта уменьшился на 14,7 млрд долл. США и составил 22,9 млрд долл. США, объем импорта на 1,4 млрд долл. США и составил 15,3 млрд долл. США, внешнеторговый оборот на 16,1 млрд долл. США и составил 38,3 млрд долл. США. Падение объемов взаимной торговли в 2020 г. в основном связано с мировым экономическим кризисом.

Таблица 1

Страны Центральной и Восточной Европы во внешней торговле России,
2016–2020 гг.

Годы	Экспорт		Импорт		Внешнеторговый оборот	
	Млрд долл. США	Доля в структуре экспорта РФ	Млрд долл. США	Доля в структуре импорта РФ	Млрд долл. США	Доля в структуре внешнеторгового оборота РФ
2016	21,8	7,6 %	12,8	7,0 %	34,6	7,4 %
2017	28,2	7,9 %	15,8	6,9 %	44,0	7,5 %
2018	37,6	8,4 %	16,7	7,0 %	54,3	7,9 %
2019	33,2	7,9 %	16,4	6,4 %	49,6	7,3 %
2020	22,9	6,9 %	15,3	6,4 %	38,2	6,7 %

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

Российский экспорт в 2016–2020 гг. оставался определяющим фактором развития торговли РФ с восточноевропейскими странами. Его основу составляли поставки нефти и природного газа. В отличие от российского экспорта поставки из этих стран в Россию диверсифицированы и имеют тенденцию к повышению доли машиностроительных товаров.

Смягчить стоимостный и структурный дисбаланс не позволяет пока слабое присутствие продукции несырьевых отраслей в торговле РФ со странами ЦВЕ. Конкурентоспособности российских готовых промышленных изделий противостоят, во-первых, качественные характеристики российских товаров, во-вторых, полная открытость рынков новых стран-членов ЕС для европейских товаров. Машиностроение является базовой отраслью экономики, а также технологическим ядром мировой промышленности. По общему валовому выпуску продукции машиностроения ЕС остается пока крупнейшим мировым игроком.

Таблица 2.

Основные показатели внешней торговли Российской Федерации машинами и оборудованием в целом и со странами Центральной и Восточной Европы в 2016–2020 гг., млрд долл. США

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темп прироста (%)			
						17/16	18/17	19/18	20/19
Экспорт:									
Всего	10,8	12,8	14,1	14,6	12,6	118,5	110,2	103,5	86,3
в т. ч. в ЦВЕ	0,7	1,0	0,8	0,7	0,8	142,9	80,0	87,5	114,3
Импорт:									
Всего	56,9	72,0	73,6	73,0	73,3	126,5	102,2	99,2	100,4
в т. ч. из ЦВЕ	4,2	5,3	5,6	5,2	5,5	126,2	105,7	92,9	105,8
Внешнеторговый оборот:									
Всего	67,7	84,8	87,7	87,6	85,9	125,6	103,4	99,9	98,1
в т. ч. с ЦВЕ	4,9	6,3	6,4	5,9	6,3	128,6	101,6	92,2	106,8
Сальдо торгового баланса:									
Всего	-46,1	-59,2	-59,5	-58,4	-60,7	-	-	-	-
в т. ч. с ЦВЕ	-3,5	-4,3	-4,9	-4,5	-4,7	-	-	-	-

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

По данным таблицы 2, в период 2016–2019 гг. прослеживается динамичный рост экспорта машин и оборудования России со всем миром (в абсолютном выражении объемы экспорта машин и оборудования России увеличились на 3,8 млрд долл. США в 2019 г. в сравнении с 2016 г., а темп прироста показателя составил 135,2 % соответственно), частично такой рост объясняется господдержкой, направленной крупным предприятиям в различных областях, и, прежде всего, крупным предприятиям в машиностроении. В 2020 г. экспорт России машин и оборудования сократился на 13,7 % в относительном выражении, что объясняется главным образом сжатием спроса из-за пандемии. Импорт машин и оборудования России в целом, в 2020 г. составил 73,3 млрд долл. США.

Экспорт России машин и оборудования в страны ЦВЕ имеет иную динамику: с 2016 по 2017 гг. прослеживается рост показателя (на 0,3 млрд долл. США), с 2018 по 2019 гг. – спад (на 0,1 млрд долл. США), с 2019 г. снова рост – на 0,1 млрд долл. США и в 2020 г. объем экспорта составил 0,8 млрд долл. США. Важным фактором для развития зарубежных поставок стали запуск и реализация комплекса мер господдержки, среди которых большую роль играют программа субсидирования транспортировки промышленной продукции.

В период с 2016 по 2018 гг. стоимостные объемы импорта машин и оборудования России из стран ЦВЕ показывали положительную тенденцию – в 2017 г. +26,2 % (1,1 млрд долл. США), в 2018 г. +5,7 % (0,3 млрд долл. США). С 2019 г. объем упал на 7,1 % (0,4 млрд долл. США), но в 2020 г. снова возрос на 5,8 % (0,3 млрд долл. США) и составил 5,5 млрд долл. США. Данное увеличение объема импорта России из стран ЦВЕ объясняется продолжением роста инвестиционного спроса [7].

Динамика внешнеторгового оборота России в целом в торговле машинами и оборудованием нестабильна. По итогу в 2020 г. внешнеторговый оборот России машинами и оборудованием в целом составил 85,9 млрд долл. США, что на 18,2 млрд

долл. США (на 28,8 % в относительном выражении) больше показателя неблагоприятного 2016 г.

Динамика внешнеторгового оборота машинами и оборудованием со странами ЦВЕ также не отличалась стабильностью: в 2016–2018 гг. рост внешнеторгового оборота (на 1,4 млрд долл. США в 2017 г., на 0,1 млрд долл. США в 2018 г.), с 2019 г. – понижение (на 0,5 млрд долл. США), с 2020 г. повышение (на 0,4 млрд долл. США). По итогу в 2020 г. внешнеторговый оборот машинами и оборудованием со странами ЦВЕ составил 6,3 млрд долл. США.

Сальдо торгового баланса как в торговле России машинами и оборудованием в целом, так и со странами ЦВЕ на протяжении всего периода остается отрицательным, из чего можно сделать вывод, что Россия сильно зависит от импортных технологий. В 2020 г. сальдо в торговле машинами и оборудованием России в целом увеличилось на 14,6 млрд долл. США по сравнению с 2016 г. и составило –60,7 млрд долл. США, а сальдо в торговле со странами Центральной и Восточной Европы – на 1,2 млрд долл. США и составило –4,7 млрд долл. США в сравнении с 2016 г.

С экономической точки зрения, очевидно, что Россия является важным торговым партнером для ЦВЕ как страна с большим и растущим рынком, который был традиционным местом для экспорта из многих стран–членов ЕС, включая Центрально-Восточный регион.

Характерной особенностью торговли со странами Центральной и Восточной Европы за период 2016–2020 гг. является различие в темпах роста объемов внешнеторгового оборота (рисунок 1).

Наиболее крупными внешнеторговыми партнерами России в ЦВЕ в торговле машинами и оборудованием на протяжении всего периода являются такие страны, как Чехия, Польша, Венгрия и Словакия. Безусловным лидером по объему товарооборота является Чехия с удельным весом в товарообороте по состоянию на 2020 г. 30,2 %. По данным ЮНКТАД [4], российско-чешский товарооборот машинами и оборудованием характеризуется тенденцией к росту, исключая лишь показатель внешнеторгового оборота в 2019 г. – 1805,5 млн долл. США (падение объема товарооборота России и Чехии в данный период связано, в первую очередь, с падением объема импорта машин и оборудования из Чехии).

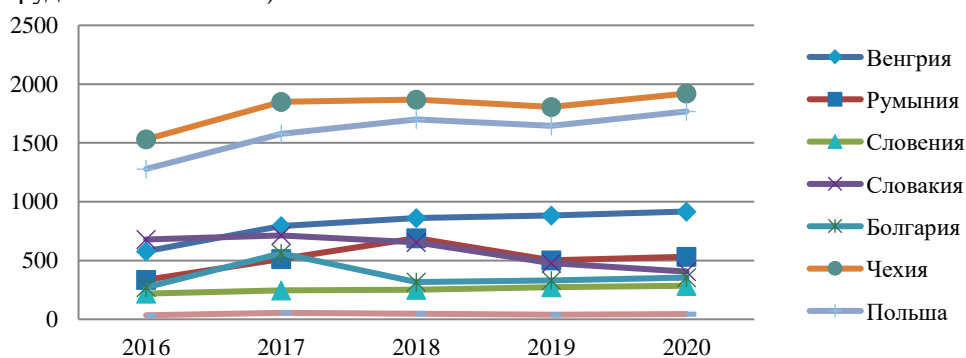

Рисунок 1. Динамика товарооборота машинами и оборудованием России со странами ЦВЕ в 2016–2020 гг., млн долл. США

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ...

Вторым по значимости торговым партнером России является Польша (удельный вес 28,6 % в 2020 г.). Динамика изменения товарооборота между Россией и Польшей – это чередование роста (2016–2018 гг., 2020 г.) и сокращения его объемов (2019 г.). При этом для Польши Россия остается одним из основных внешнеторговых партнеров. 2020 г. стал самым рентабельным в польско-российских экономических отношениях с момента введения европейской санкций, внешнеторговый оборот машинами и оборудованием увеличился на 7,5 % и составил 1768 млн долл. США.

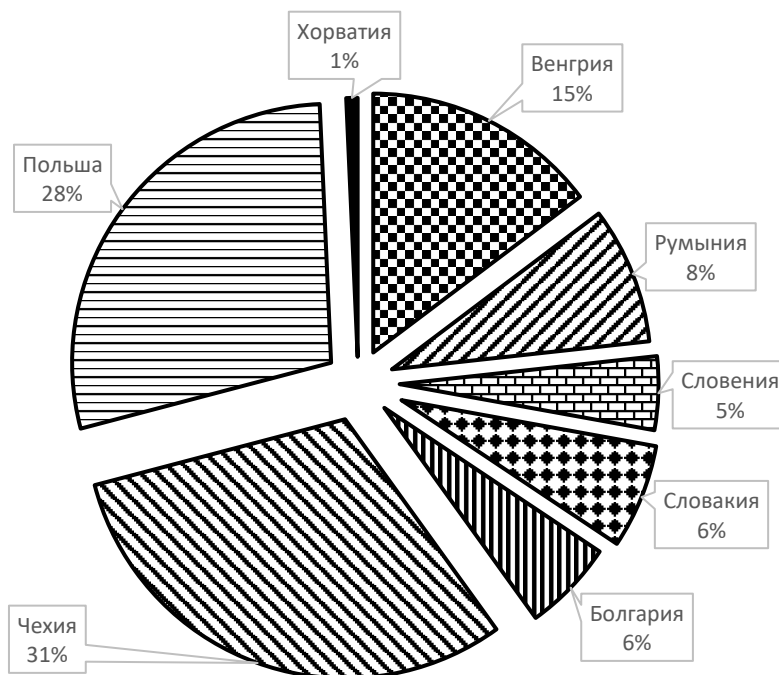

Рисунок 2. Структура товарооборота машинами и оборудованием России со странами ЦВЕ в 2020 г.

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

С Венгрией и Словенией, следующими торговыми партнерами из Центральной и Восточной Европы, у России была исключительно положительная тенденция внешнеторгового оборота на протяжении пяти исследуемых лет. В основном данная тенденция связана с тем, что Венгрия и Словения ежегодно наращивают объемы производства электротехнических изделий.

Рассмотрим более подробно динамику экспортных и импортных потоков Российской Федерации в торговле машинами и оборудованием с основными странами-партнерами из ЦВЕ – Чехией, Польшей, Венгрией и Словакией, так как удельный вес данных четырех стран занимает значительную долю в экспорте и импорте машин и оборудования России с регионом (рис. 2, табл. 3).

Таблица 3

Экспорт и импорт машин и оборудования России с основными партнерами из Центральной и Восточной Европы в 2016–2020 гг., млн долл. США

Годы	Чехия		Польша		Венгрия		Словакия	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Млн долл. США								
2016	226,6	1303,8	107,1	1171,7	82,8	496,0	119,9	560,1
2017	216,2	1634,8	132,3	1443,9	147,2	645,7	77,6	635,7
2018	184,3	1685,7	126,1	1574,6	98,3	762,3	120,9	533,0
2019	200,0	1605,5	118,8	1526,1	93,9	789,7	81,3	397,6
2020	201,4	1719,3	115,5	1652,5	102,8	814,1	69,6	336,1

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

За последние три года наблюдается положительная динамика экспорта России с Чехией в стоимостном и относительном выражении. В абсолютном выражении с 2018 г. объем экспорта России в Чехию вырос на 17,1 млн долл. США и составил 201,4 млн долл. США в 2020 г., а доля участия страны в общих показателях соответственно выросла на 0,02 % и составила 0,06 %. Такое небольшое наращивание объема экспорта связано во многом с проведением заседаний Межправительственной комиссии по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству между РФ и Чехией, проходившем в 2019 г., в результате которых был взят курс на модернизацию и строительство заводов по производству изделий машиностроения и станко-инструментальной продукции в России. Динамика объема импорта России из Чехии имела положительную тенденцию в 2016–2018 гг. и в 2019–2020 гг., доля участия Чехии в общих показателях оставалась стабильной на протяжении всего периода, кроме 2019 г., когда доля сократилась на 0,1 % и составила 0,6 %. Связано такое падение объема импорта частично с началом производства некоторых видов оборудования в России по программе импортозамещения (в частности, судовых деррик-кранов), которые ранее закупались за рубежом.

В 2020 г. зафиксирован рост экспорта России машин и оборудования в Венгрию – на 8,9 млн долл. США по сравнению с 2019 г. Такой рост показателя экспорта главным образом был обусловлен официальным одобрением Еврокомиссии строительства новых блоков АЭС «Пакш» с реакторами по российской технологии [6]. Показатели объемов импорта имели тенденцию к росту на протяжении всего изучаемого периода – в 2020 г. объем импорта составил 814,1 млн долл. США, это на 318 млн долл. США больше, чем на начало периода в 2016 г. Такие положительные тенденции во внешней торговле Венгрии с Россией сложились из-за улучшений политических отношений стран (Венгрия не выступает с антироссийскими инициативами и не поддерживает проводимую политику Европейского союза в отношении России).

Незначительно снизились поставки машин и оборудования в Польшу и Словакию в 2020 г. (в Польшу на 3,3 млн долл. США и составили 115,5 млн долл. США, в Словакию на 11,7 млн долл. США и составили 69,6 млн долл. США).

С 2016 г. по 2020 г. на страны ЦВЕ в среднем приходится 0,2 % экспорта машин и оборудования России, доля стран в импорте составляет 2,3 %. За представленный

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ...

период доля участия торговых партнеров во внешней торговле России среди стран Центральной и Восточной Европы в процентном соотношении нестабильная и распределена неравномерно.

Значение сальдо внешней торговли машинами и оборудованием России со всеми странами Центральной и Восточной Европы в 2016–2020 гг. традиционно отрицательное (таблица 4).

Сальдо торгового баланса внешней торговли машинами и оборудованием России с Чехией и Польшей имело одинаковую динамику: в 2016–2018 гг. – увеличение показателя, в 2019 г. – падение и в 2020 г. снова повышение. Рост стоимостного показателя сальдо с Чехией и Польшей обеспечивается сокращением экспортных операций и одновременным повышением импортных операций России. Сальдо торгового баланса с Венгрией в 2016–2020 гг. исключительно увеличивалось в связи с ростом импорта машин и оборудования России из Венгрии. Со Словакией сальдо торгового баланса на протяжении периода 2017–2020 гг. постепенно уменьшалось (сокращение импортных операций России и Словакии). В 2020 г. в разрезе с основными странами–партнерами из Центральной и Восточной Европы сальдо внешней торговли России машинами и оборудованием составило: Чехия – 1517,9 млн долл. США, Польша – 1537,0 млн долл. США, Венгрия и Словакия – 711,3 млн долл. США и 266,5 млн долл. США соответственно.

Значение коэффициентов покрытия импорта экспортом не превышают 100 %, Россия выступает нетто-импортером во внешней торговле машинами и оборудованием со странами Центральной и Восточной Европы.

Таблица 4

Показатели состояния торгового баланса России во внешней торговле товарами с основными странами-партнерами ЦВЕ машинами и оборудованием, 2016-2020 гг.

Годы	Чехия		Польша		Венгрия		Словакия	
	Сальдо, млн долл. США	Э/И, %	Сальдо, млн долл. США	Э/И, %	Сальдо, млн долл. США	Э/И, %	Сальдо, млн долл. США	Э/И, %
2016	-1077,2	17,4 %	-1064,6	9,1 %	-413,2	16,7 %	-440,2	21,4 %
2017	-1418,6	13,2 %	-1311,6	9,2 %	-498,5	22,8 %	-558,1	12,2 %
2018	-1501,4	10,9 %	-1448,5	8,0 %	-664,0	12,9 %	-412,1	22,7 %
2019	-1405,5	12,5 %	-1407,3	7,8 %	-695,8	11,9 %	-316,3	20,4 %
2020	-1517,9	11,7 %	-1537,0	7,0 %	-711,3	12,6 %	-266,5	20,7 %

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

Оценить прочность экономических связей России со странами Центральной и Восточной Европы в торговле машинами и оборудованием можно на основе расчета показателей интенсивности внешней торговли (таблица 5)

Таблица 5

Показатели интенсивности внешней торговли

Название показателя	Формула	Примечание
Индекс интенсивности торговли (ТИ)	$T_{ij} = \frac{x_{ij}}{\frac{x_{it}}{x_{wt}}}$ <p>где, x_{ij} - стоимость экспорта из страны i в страну j; x_{it} - суммарный экспорт страны i; x_{wj} - мировой экспорт в страну j; x_{wt} - суммарный мировой экспорт.</p>	Индекс принимает значения в промежутке от 0 до $+\infty$. Показывает, как соотносится экспорт данной страны (региона) в другую страну (регион) с совокупным экспортом остального мира в эту страну (регион). Значения индекса, превышающие 1, свидетельствуют об интенсивности торговых связей.
Индекс взаимодополняемости торговли (ТСИ)	$c^{ij} = 100 \left[1 - \sum \frac{ m_k^i - x_k^j }{2} \right]$ <p>где x_k^i - доля продукта k в общем экспорте страны j, а m_k^i - доля продукта k в общем импорте страны i.</p>	Индекс показывает, в какой степени товарная структура экспортера соответствует и дополняет товарную структуру импорта партнера Диапазон значений: от 0 до 100. Если: $c^{ij} = 100$ - страны идеальные торговые партнеры; $c^{ij} = 0$ - страны идеальные конкуренты.
Коэффициент предпочтения	$K_1 = T_i / T_w$ <p>где T_i - доля торгового партнера в торговле с каким-либо государством; T_w - удельный вес страны партнера в международной внешней торговле.</p>	Коэффициент отражает уровень реальной интеграции товарных рынков национальных экономик

Согласно полученным результатам расчетов (таблица 6), для России и стран Центральной и Восточной Европы характерен средний уровень интенсивности торговли машинами и оборудованием на фоне сравнительно низких показателей участия стран региона в мировой торговле (самая высокая доля в мировом экспорте машин и оборудования у Чехии – в среднем 1,5 % за 2016–2019 гг., в то время как доля России в среднем – 0,3 %). Индексы интенсивности товарооборота между странами ЦВЕ и Россией незначительно ниже, чем между Россией со странами ЦВЕ. В двусторонних отношениях Россия выступает более заинтересованной стороной.

На протяжении всего анализируемого периода значение индекса интенсивности торговли машинами и оборудованием России с такими странами Центральной и Восточной Европы, как Словакия и Болгария больше 1, это означает, что торговые потоки выше, чем можно было бы ожидать, учитывая положение страны в мировой экономике, т. е. Россия экспортирует машины и оборудование в данные страны больше в соотношении с целым миром. Индекс интенсивности России и Чехии близок к 1, что тоже говорит о том, что внешняя торговля достаточно интенсивна. Интенсивность развития внешней торговли России с Румынией имеет положительную тенденцию. Индекс ТИ РФ–Румыния с 2016 г. увеличился в 2 раза, что свидетельствует о дальнейшем потенциале развития интенсивности.

Высокие показатели интенсивности взаимной торговли России и стран ЦВЕ могут свидетельствовать о сохранении потенциала развития экономических отношений в рамках взаимодействия в сфере модернизации, в частности сотрудничество в области ядерной энергетики, энергоэффективности и промышленности. В 2017 г. зафиксирован максимальный разрыв значений индексов интенсивности взаимной торговли стран. В 2018 г. индекс РФ–ЦВЕ вырос в годовом

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ...

исчислении на 15,06 пункта по сравнению с 2017 г. Однако, с 2018 г. индекс постепенно сокращался и в 2019 г. составил оценку 12,38 (сокращение на 1,23 пункта), что свидетельствует о значительном снижении интенсивности экспорта России в страны ЦВЕ. Тем не менее, взаимный товарооборот остается интенсивным, так как оценка российского индекса в течение рассматриваемого периода не снизилась менее 1.

Таблица 6

Индекс интенсивности взаимной торговли машинами и оборудованием России и стран Центральной и Восточной Европы

Страна	ТП РФ-ЦВЕ				ТП ЦВЕ-РФ			
	2016	2017	2018	2019	2016	2017	2018	2019
Венгрия	0,90	1,37	0,83	0,72	0,89	0,94	1,08	1,11
Румыния	0,60	0,92	1,25	1,20	1,15	1,45	1,76	1,22
Словения	0,14	0,04	0,20	0,25	2,52	2,16	2,10	2,28
Словакия	1,88	1,03	1,41	1,57	1,60	1,46	1,25	0,97
Болгария	8,03	21,1	6,8	6,65	2,3	2,04	1,86	1,89
Чехия	1,74	1,32	0,97	0,99	1,65	1,57	1,50	1,41
Польша	0,87	0,90	0,70	0,68	1,77	1,73	1,70	1,71
Хорватия	0,28	0,23	0,25	0,32	0,95	1,19	1,05	0,85
Всего, ЦВЕ	16,45	28,67	13,61	12,38	12,83	12,54	12,3	11,43

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

Показатели ТП ЦВЕ–РФ имеют несколько иную тенденцию. На протяжении 2016–2019 гг. индекс интенсивности, который был больше 1, фиксировался у следующих стран: Румыния, Словения, Словакия (кроме 2019 г.), Болгария, Чехия и Польша. Индекс интенсивности Венгрии и России имеет тенденцию роста, что может демонстрировать потенциал развития интенсивности торговли в дальнейшие годы. Торговля с Хорватией была интенсивна лишь в 2017–2018 гг.

В анализируемый период величина показателя интенсивности взаимной торговли между странами ЦВЕ и Россией также достигла значения больше 1, но этот показатель был ниже, чем значение индекса между Россией и странами ЦВЕ. В исследуемый период индекс ТП ЦВЕ–РФ имел отрицательную тенденцию. Исходя из этого можно сделать вывод, что центральноевропейские государства достаточно сильно вовлечены во внешнюю торговлю с РФ. На основе результатов, полученных при анализе интенсивности взаимной внешней торговли между ЦВЕ и РФ можно сделать выводы, что взаимная внешняя торговля интенсивна, поскольку индексы интенсивности ТП РФ–ЦВЕ и ТП ЦВЕ–РФ достигли в наблюдаемый период значения у большинства стран больше 1. По результатам общих индексов интенсивности торговли видно, что интенсивность внешней торговли ЦВЕ с Россией ниже, чем интенсивность торговли России с ЦВЕ. В связи с введением двухсторонних санкций между ЕС и Россией и некоторых других глобальных изменений во внешней торговле оба общих индекса интенсивности с 2017 г. имели тенденцию к снижению.

Анализ товарной структуры внешней торговли между Россией и Центральной и Восточной Европой дает представление о товарных группах машин и оборудования,

которые являются основными для рассматриваемых стран. Экспорт ЦВЕ в Россию отличается большей диверсификацией, чем импорт из России. Рассматривая направление двусторонней торговли, важно отметить, в какой степени спрос и предложение в исследуемых странах пересекаются. Такое представление дает индекс взаимодополняемости торговли (рис. 3).

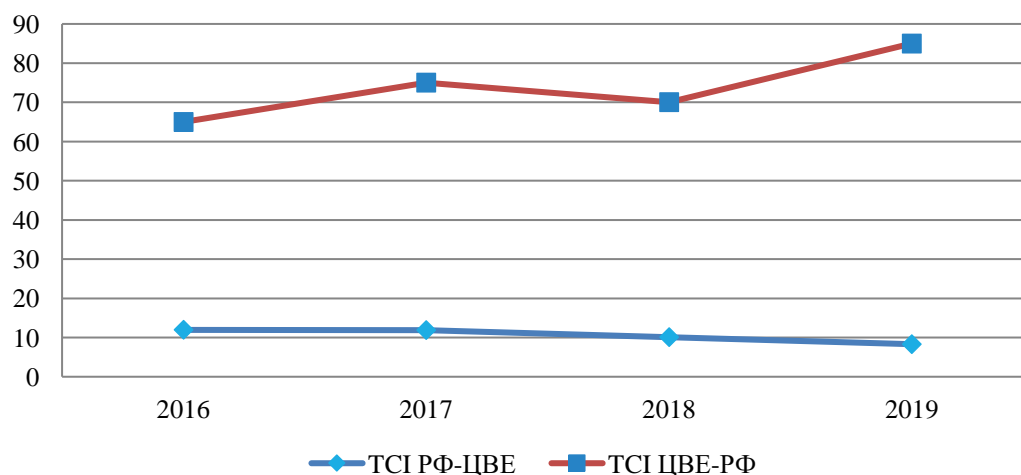

Рисунок 3. Динамика взаимодополняемости торговли между ЦВЕ и Россией в 2016–2019 гг. на основе ТСИ

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

Расчет индекса взаимодополняемости торговли охватывает период с 2016 по 2019 гг. На основании рассчитанных значений можно сделать вывод, что ЦВЕ является очень важным рынком для России. Предложение ЦВЕ перекрывается спросом в России в гораздо большей степени, чем предложение России в спросе ЦВЕ. В связи с этим ТСИ долгое время был высоким, колеблясь между 65 и 85. Причиной этому является повышенный спрос со стороны России на сложную продукцию европейских компаний, в частности на машины и оборудование. Независимо от результатов ТСИ это также подтверждается показателями структуры экспорта ЦВЕ в Россию. Торговая комплементарность импорта в Россию и экспорта из ЦВЕ колеблется около 75, показывая постепенную тенденцию к повышению.

ТСИ для России в спросе ЦВЕ колеблется между 8 и 12. Взаимодополняемость российского экспорта и импорта в ЦВЕ относительно низкая и постепенно понижается – достигла 8,3 к 2019 году, что говорит о снижении потенциала взаимного товарооборота. Основная причина такой ситуации заключается в том, что в то время как Россия экспортирует в ЕС в основном ТВЭЛы и механические устройства, спрос стран ЦВЕ ориентирован, в первую очередь, на более сложное производство.

Индексы взаимодополняемости торговли и интенсивности торговли показали, что экспорт ЦВЕ более важен для России. Результаты индексов указывают на то, что наблюдаемые страны могут рассматриваться как важные торговые партнеры. Вместе с тем, внешняя торговля между Россией и странами Центральной и Восточной

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ...

Европы в значительной степени зависит от политических отношений, что в настоящее время не способствует благоприятной конъюнктуре рынков.

В ходе исследования были рассчитаны коэффициенты предпочтения для всех 8 стран ЦВЕ. Показатель рассчитывается путем соотношения доли торгового партнера в торговле России и удельного веса страны-партнера в международной внешней торговле (таблица 7).

Таблица 7

Коэффициенты предпочтения для России, 2016–2019 гг.

Страны-партнеры	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Венгрия	1,1	1,0	1,1	1,0
Румыния	0,6	1,0	1,4	1,0
Словения	3,0	2,0	3,0	3,0
Словакия	1,7	1,3	1,3	1,0
Болгария	4,0	7,0	3,0	3,0
Чехия	2,0	1,8	1,7	1,6
Польша	1,7	1,7	1,6	1,6
Хорватия	0,4	0,7	0,7	0,6

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных [5]

Рассмотренные коэффициенты предпочтения для России в торговле машинами и оборудованием свидетельствуют, что наиболее высокий уровень интеграции торговых рынков характерен в торговле с Болгарией, Словенией и Чехией. В период с 2016 г. по 2019 г. наблюдаются стабильные значения коэффициента предпочтения с торговыми партнерами. Фиксировалось лишь небольшое отрицательное отклонение с 2016 по 2019 гг. у Словакии, Чехии и Польши, что связано с увеличением удельного веса данных стран ЦВЕ в мировой торговле, негативными колебаниями во взаимной торговле стран, а также с изменениями в ориентирах внешнеэкономической политики России.

Только у Хорватии на протяжении периода коэффициент предпочтения ниже 1, но прослеживается тенденция повышения его значения, что означает усиление торгового интереса и свидетельствует об укреплении связей.

ВЫВОДЫ

Сравнительно небольшой объём товарооборота машинами и оборудованием России с государствами ЦВЕ во многом связан с произошедшей в конце прошлого века переориентацией их внешнеторговых потоков на страны ЕС. Поскольку сегодня страны ЦВЕ глубоко интегрированы в глобальные производственно-сбытовые цепочки, структура их внешней торговли в значительной степени определяется стратегиями ТНК.

В течение трансформационного периода страны Центральной и Восточной Европы добились в целом весьма впечатляющих успехов в деле формирования рыночной экономики. Темпы развития отдельных экономик, безусловно, отличаются, вместе с тем, общая динамика положительная.

С 2019 г. Россия стала больше закупать машин и оборудования у Центрально-

Восточных стран, так как данные государства диверсифицировали производственные комплексы в период системной трансформации и укрепили свои конкурентные позиции на рынках ЕС и третьих стран. Развитию товарного экспорта стран ЦВЕ также способствовали меры государственной политики, включая разнообразные инструменты поддержки и страхования экспортных операций.

Снижает перспективы развития внешней торговли резкое усиление роли Китая. В период с 2000 г. по 2017 г. поставки китайских производителей возросли в 19 раз, это позволило им занять значительную часть рынка стран ЦВЕ.

Растущие потребности России в импорте средне- и высокотехнологичной продукции открывают для стран ЦВЕ возможность расширения поставок на российский рынок в кратко- и среднесрочной перспективе.

Приоритетным направлением взаимодействия является сотрудничество в атомной энергетике. Участие российских фирм в модернизации старых АЭС и проектировании новых объектов в странах Восточной Европы позволит не только закрепиться на важном высокотехнологичном сегменте рынка, но и даст новый импульс развития отечественной промышленности и усилит конкурентные позиции России в мире в целом.

Кризис уменьшил объемы торговли, но вместе с тем выявил необходимость модернизации структуры экономических связей за счет развития кооперации, инвестиционного и инновационного сотрудничества.

В настоящее время в странах Восточной Европы наблюдается очевидный рост понимания необходимости сотрудничества с Россией, однако уровень этого понимания различается в отдельных государствах.

Перспективные направления дальнейшего торгово-экономического сотрудничества между Россией и странами ЦВЕ в будущем будут определяться комплексом факторов, среди которых важное место занимают достигнутые масштабы и структура товарооборота, осуществление ряда крупных проектов, согласованные вопросы перспективного развития двусторонних связей, особенности взаимодействия на уровне Россия–Евросоюз, текущие изменения мировой экономической и политической конъюнктуры.

Развитие торговли между Россией и странами ЦВЕ опирается на общность исторического развития, взаимовыгодное разделение труда, сложившуюся систему конкурентных преимуществ каждой из сторон, территориальную близость и соответствующие низкие транспортные издержки. Все это, несомненно, должно способствовать росту взаимной торговли машинами и оборудованием. Объективные преимущества взаимной торговли, инвестиционного сотрудничества в перспективе склонят стороны к компромиссу и восстановлению нормальных добрососедских отношений.

Список литературы

1. Шиленко С. И., Мешечкина Р. П., Антонов А. Ю. Внешнеторговая деятельность: теоретический аспект // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2017. № 4 (65). С.75–85.
2. Лисовская Е. Г., Рожанская Е. А. Перспективы двустороннего российско-чешского экономического сотрудничества // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2015. № 4 (32). [Электронный

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ...

ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-dvustoronnego-rossiysko-cheshskogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva>

3. Куликова Н. В., Сеницина И. С. Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2019. № 3 (88). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovye-otnosheniya-rossii-so-stranami-tsentralno-vostochnoy-evropy>

4. Statistics of the UNCTAD / UNCTAD сайт [Электронный ресурс] URL: <https://unctad.org/statistics>

5. Агентство по техническому сотрудничеству Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию и Всемирной торговой организации [Электронный ресурс] URL: <https://www.intracen.org/>

6. Еврокомиссия одобрила строительство новых блоков на АЭС «Пакш». [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4073732>

7. Информационно-аналитический комментарий / Банк России: сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cbr.ru/DKP/>

8. Каштыкова Э., Жатко М., Баринкова Н. Перспективы текущего состояния внешней торговли между ЕС и Центральной Азией в период геоэкономических изменений // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 45–56.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 330.101.8

**ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРИКЛАДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ДИСЦИПЛИН**

Ситихова Т. Е., Кумаритова З. А.

*Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова,
Владикавказ, Российская Федерация
e-mail: t_sitihova@mail.ru*

В статье показано, что определение предмета экономической теории и предметов прикладных экономических дисциплин – весьма актуальная проблема. Проанализированы вопросы становления предмета и методологии экономических исследований. Доказано, что перспективы методологических изменений в современной экономической теории связаны с расширением возможностей категориального анализа предмета науки. Обосновывается вывод о необходимости формирования обновлённой методологии экономической теории как ответ на острые вызовы развития экономики и общества. Подчеркнуто, что междисциплинарные исследования позволят максимально приблизить экономическую теорию к решению прикладных задач, а экономические модели, определяющие и объясняющие проблемы экономики, должны сопровождаться связью с практическими задачами, а сам курс должен содержать рекомендательную часть. Рассмотрены проблемы разобщенности подходов к содержанию курса экономической теории и предложены варианты их решения.

Ключевые слова: экономическая теория, предмет экономической теории, методология, междисциплинарный подход, прикладные экономические дисциплины.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап функционирования глобализированной экономической системы отличается чрезвычайной подвижностью всех элементов её архитектуры, стремительными качественными изменениями институциональных форм, мотивационных основ и характера экономических, социальных, политических, цивилизационных отношений между отдельными странами, бизнесами, субъектами экономической жизни на национальном и межнациональном уровнях. Поэтому крайне актуализируется формирование качественно нового теоретического взгляда на природу социально-экономических процессов, необходимость системного исследования тенденций, закономерностей, что находит своё проявление в усложнении предмета экономической теории, её методологических подходов, обогащении категориального аппарата, определении принципов и целей экономического развития.

В построении новой модели развития общества важная роль принадлежит взаимодействию экономической науки и экономического образования. Долгосрочные потребности сопряжённой трансформации образования и рынка труда требуют формирования адаптационных компетенций, важнейшей содержательной составляющей которых является экономическое мышление. В современном мире развернулась широкая дискуссия по методологическим и методическим вопросам преподавания экономической теории. Это связано с усложнением процессов экономического развития общества, ростом форм проявления вызовов и

противоречий, возросшими требованиями к уровню знаний, навыков и компетентности, предъявляемым к выпускникам, получающим образование в области экономической теории и практики. Развитие экономической теории не происходит обособленно от других процессов жизни человека. «Усложнение экономики как предмета экономической науки не означает безграничности предметной области экономической теории» [1]. Предметная область политической экономии совпадает с предметной областью экономической теории, однако отдельные школы сосредоточились лишь на определенных частях предмета экономической теории, что обусловило не только особые названия (неоклассика, кейнсианство и др.), но и соответствующую методологическую базу и методику.

Политическая экономия составляет уровень познания глубинных сущностей экономических явлений и наиболее важных объективных закономерностей, действующих в экономической сфере. Следует также учитывать, что каждая экономическая дисциплина должна иметь свои специфические, присущие ей вопросы, которые или не охватываются другими дисциплинами, или изучаются ими в других специфических для них аспектах. Следовательно, необходимо, в первую очередь, разобраться в особенностях аспектов изучения одних и тех же общих для всех дисциплин проблем, а также в том, каким образом распределены различные проблемы сложного комплекса между экономической теорией и прикладными экономическими дисциплинами.

Теоретические и методологические проблемы экономической теории исследуют в своих работах такие зарубежные учёные, как Э. Бейнхокер [2], Д. Макклоски, К. Поланьи, Д. Росс [3], М. Фридман [4], К. Шваб, Н. Дэвис [5], Й. Шумпетер [6] и др.

Основные положения, связанные с определением предмета, перспективными методологическими вопросами экономической теории изложены в работах отечественных экономистов: Князева Ю. К. [7], Чекмарева В. В., Тамбовцева В. Л. [8, 9], Нуреева Р. М. [10] и других ученых.

Однако дискуссионными остается вопрос, как изменятся объект исследования, предметное пространство и методологический инструментарий экономической теории. Здесь возможны разночтения, связанные с различием концептуальных подходов, порождающих не только неоклассическую экономическую теорию, но и политическую экономию, новую институциональную экономическую теорию и т. д. Сегодня еще нельзя говорить о консенсусе во взглядах экономистов на проблему современного наполнения экономической теории, поскольку среди профессионалов дискуссия продолжается.

Целью статьи является исследование современных методологических подходов в экономической теории, определение ее предмета, а также места и роли в понимании новых экономических реалий.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Необходимость теоретического обоснования практических действий в сфере экономики не вызывает сомнений. Тем не менее, успешность их взаимодействия во

многим определяется состоянием самой экономической теории. В последние десятилетия неоднократно звучат заявления о кризисе экономической науки, что не позволяет ей эффективно обслуживать хозяйственную практику а, следовательно, логично её не изучать. С этим можно согласиться только отчасти. Кризисные моменты, которые испытывает наука – не разрушительный потенциал, а поисковый, стимулирующий её к развитию, методологическому обновлению. И это является дополнительным аргументом её изучения. Студенты вместе с преподавателем погружаются в интеллектуальную лабораторию поиска нового знания, объясняющего происходящие сложные, противоречивые, динамичные процессы. Именно таким путём можно и нужно усилить практическую составляющую и снизить дистанцию между образованием и реальностью.

Кризисы в экономической теории возникают не впервые. Они проявляются, когда господствующая парадигма оказывалась не в состоянии адекватно реагировать на изменения экономической ситуации. В результате происходит смена парадигм путём, по Т. Куну, научных революций. Таковыми были маржиналистская, кейнсианская революции, возрождение неолиберальной доктрины. Современное кризисное состояние отличается тем, что очевидные провалы неолиберального мейнстрима не привели к обновлению теории и появлению принципиально новой доктрины. Отсутствие целостной концепции ведёт к тому, что научные исследования сосредотачиваются на внешних, поверхностных связях и отношениях, не затрагивая глубинных и сущностных.

В мировой экономической литературе термин «экономическая теория» нередко используют как синоним термина «экономический анализ». Иначе говоря, экономическую теорию рассматривают как метод и инструмент исследования, который использует количественные методы – экономико-математические методы и модели. По мнению ученых, вклад экономической теории можно определить так: насколько экономическая теория как инструмент или метод исследования способна обосновать проведение эффективной экономической политики. В отечественной экономической литературе до сих пор существует противоречивое толкование термина «экономическая теория». Экономисты неодинаково отвечают на вопрос, как соотносятся термины «экономическая теория» и «политическая экономия»? Каково место макро- и микроэкономики в системе фундаментального экономического знания? Является ли экономическая теория аналогом английского термина «Economics» и ряда других. Эта терминологическая неопределённость и нечёткость ещё в большей степени обесценивает термин «экономическая теория» как название области экономического знания и университетскую дисциплину.

Эти тенденции были восприняты и в сфере экономического образования. Даже на экономических специальностях экономическая теория вытесняется прикладными дисциплинами, что делает выпускников совершенно беззащитными при резкой смене экономической ситуации, когда набор приёмов и методов решения задач, которому их обучали, становится невостребованным. В таких условиях нужно готовить специалистов, способных достойно отвечать на новые вызовы, их необходимо вооружить всем комплексом знаний, которые выработаны в этой области, что невозможно без теоретико-методологического подхода.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ...

В экономической теории, как и в других общественных науках, основное внимание уделяется исследованию объективных, то есть не зависящих от воли людей предметов, событий, процессов. В научном дискурсе сталкиваются разные подходы к пониманию экономической теории, которые часто противопоставляют себя друг другу и претендуют на исключительную истинность, создавая впечатление невозможности достижения консенсуса, следовательно, и бесполезности стремления к единой для всех, общей теоретической концепции экономики. На самом же деле экономическая наука, как и любая другая, не может не быть единой, гомогенной, так как она является осмыслением одного и того же объекта – экономики, а различные теоретические направления и школы лишь по-разному, со своих аспектов, объясняют ее сущность и конкретные проявления [7].

Высшей, самой развитой формой организации научного знания является теория, которая даёт целостное представление об объекте и предмете науки. Экономическая теория в своём движении достоверного обоснования результатов и выводов исследования собственного предмета в методологическом плане реализует себя как через логику развития категорий, так и на основе научного «погружения» в глубину системы экономических отношений. Тем самым достигается аналитическое движение теоретической мысли от первичных абстракций к целостным принципам понимания сущности экономических систем.

При анализе процесса трансформации структуры предмета экономических исследований во времени и пространстве оказывается, что уже на этапе своего становления политическая экономия определяет и сохраняет в дальнейшем определенные элементы архитектоники предмета, которые присущи как современному этапу ее развития во всех ее проявлениях, направлениях и формах, так и тем направлениям экономической теории, которые отошли от принципов политэкономического анализа экономического развития. Среди таких составляющих предмета экономической теории можно выделить: государство, его экономическую политику (меркантилизм); производственную деятельность и характер экономических отношений, складывающийся между субъектами этой деятельности (физиократы); труд, экономическую свободу, условия экономической свободы индивида, его экономические интересы (классическая политическая экономия); характер отношений между основными субъектами экономической деятельности, природу и характер социальных противоречий в этих отношениях, формы и способы их разрешения (марксистская политическая экономия); поведение экономического человека в хозяйственных отношениях, субъективные факторы, определяющие рациональность такого поведения (маржинализм); побуждающие мотивы, влияющие на поведение экономического человека в сфере хозяйственной деятельности, анализ принципов рыночного ценообразования, взаимодействие спроса и предложения, факторы его регулирования (неоклассицизм); факторы экономического роста и макрорегулирования экономики, роста роли и функций государства по восстановлению нарушенного равновесия (кейнсианство); допустимые пределы и формы вмешательства государства в процессы регулирования количества денег в обращении (монетаризм); условия и факторы обеспечения оптимального соотношения стихийных сил рынка и государственного регулирования с позиций

поддержки эффективного действия рыночных стимулов (неоклассический синтез) и т. д.

Преобладающая сегодня экономическая теория, охарактеризовав свой предмет как изучение процессов распределения и использования ограниченных ресурсов в обществе, в течение долгого времени практически не интересовалась субъектами, которые осуществляли эти процессы. В то же время логика научного исследования, как известно, такова, что, решая одну проблему, ученый «автоматически» затрагивает и причины ее возникновения, а проанализировав последние, движется далее по цепочке, углубляясь в предмет в стремлении обнаружить «конечную причину» исходной задачи. Эти подходы в совокупности дали основания отметить начало «когнитивного поворота» в институциональном анализе и таких активно развивающихся в настоящее время направлений, как новая институциональная экономическая теория и поведенческая экономика [8]. В то же время следует отметить, что в работах многих представителей нового институционализма проблемы экономических отношений, их проявление в системе интересов остаются за пределами исследовательского внимания. Но как бы не относились институционалисты к проблемам экономических отношений, само понятие «институт» в реальности неразрывно связано с этими отношениями, ведь институты воплощают в себе общее в поведении людей (формирование правил и норм), и в то же время сами воплощаются в этом поведении (подчинение правилам и нормам), то есть образуют социальный каркас общества, в рамках которого и происходит деятельность людей.

За последнее столетие заметно эволюционировал предмет политической экономии. Политическая экономия как отрасль экономического знания, как известно, существует уже несколько столетий. Анализ современных экономических и социальных процессов позволяет более предметно очертить принципы экономического поведения индивида в рамках предмета новой политической экономии, обусловленного мотивами, ценностной ориентацией и ограничениями, которые формируются институциональной средой, созданной людьми. По мнению Чекмарева В. В., предметом можно назвать «экономическое поведение человека во взаимодействии с системой социально-экономических институтов, в результате которой формируется социально-экономический статус индивида, его ролевые функции в этой системе, реализуется личный творческий потенциал индивида и удовлетворяются его потребности» [9]. Нуреев Р. М. подчеркивает, «если в центре внимания старой политэкономии находилось производство материального богатства, то в центре новой – богатства нематериального. Если старая изучала, прежде всего, экономические процессы, то новая – политические» [10]. Как видим, предмет новой политической экономии включает более широкий круг субъектов экономических отношений, а также факторы экономического развития, порожденные в условиях перехода общества к постиндустриальному, информационному.

Экономические отношения XXI века расширяют возможности метафизических исследований предмета экономической теории. При этом речь идёт, во-первых, о модификации существующих сущностных отношений; во-вторых, о появлении новых экономических форм, которые выражаются через новые категории.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ...

Категориальный анализ движения научного познания в рамках предмета исследования можно считать метафизическим аспектом проблемы содержания этого предмета. Отражая ту или иную сторону объекта в логических категориях, метафизика движется в познании научно обоснованного категориального ряда экономической теории. Метафизика при этом как классифицирует и систематизирует категории, так и формирует с их помощью новые теоретические конструкции, применяя их для конкретных исследований. На метафизической основе можно реально охватить весь предмет исследования, основываясь на системе определённых теоретических связей и взаимозависимостей.

В периоды кардинальных социально-экономических трансформаций на первый план закономерно выдвигается проблема методологии. Современная экономическая наука использует достаточно широкий методологический инструментарий для исследования составляющих элементов своего предмета, а часть дисциплин настолько углубили собственную методологию, что могут в ближайшее время претендовать на статус самостоятельной отрасли научного знания. Это касается тех дисциплин, предмет которых объединяет чисто экономические факты общественной жизни с гуманитарными, социальными и другими его аспектами. Экономическая методология является важным направлением в исследованиях, изучающих фундаментальный, высокий уровень экономического знания, принципы его выводов и доказательства разнообразных экономических положений и теорий. Это общий подход к изучению экономических явлений, систем и методов анализа определенного философского подхода: субъективного, эмпирического, рационалистического, синергетического и других.

Все вышесказанное характеризует методологические взаимосвязи современной матрицы системы научных исследований в экономике, однако, когда речь заходит о системе высшего экономического образования, возникают важные вопросы: что и по какой логической структуре следует преподавать студентам? Ответ на эти вопросы является достаточно сложным и зависит от множества детерминант субъективного характера. Прежде всего, отметим, что трактовка теоретического и содержательного аспектов в экономической литературе отличается неоднозначностью и многочисленными дискуссиями. Так, широко распространены различные варианты перевода термина «economics»: экономика; политическая экономия; экономическая теория; экономическая наука; теоретическая экономика; экономический анализ. Однако этот недостаток присущ в основном экономической литературе постсоветского пространства, когда склоняются к переводу английского термина «economics» как экономика. В английском языке каждый из приведенных выше терминов имеет адекватное однозначное выражение, это соответственно: ecomomy; political ecomomy; economic theory; economic science; theoretical ecomomy; economic analysis. Также несовершенство перевода economics как экономика обусловлена в современных условиях многозначностью употребления термина «экономика». Различные значения его таковы: а) народное хозяйство (страны, региона, мира) или его часть, куда входят отрасли – промышленности, сельского хозяйства и др.; б) совокупность производственных отношений (способа производства, экономической системы); в) научная дисциплина или совокупность экономических наук. Вместе с

тем ученые справедливо подчеркивают: в предмет экономической теории независимо от ее конкретного названия должны входить субъекты экономики – люди, их объединения [11].

В отличие от прикладных экономических наук императивным атрибутом экономической теории является поиск и получение нового и истинного экономического знания ради него самого, а не ради иных, в том числе меркантильных целей. Для прикладного знания, ориентированного на решение конкретных прагматических задач, критериями значимости являются конструктивность, технологичность, конкурентоспособность, экономическая целесообразность и полезность. На первый взгляд, такая направленность знания вполне логична и рациональна. Не следует, однако, забывать, что в водовороте современной конкуренции и динамизма потребительских предпочтений экономическая эффективность сугубо прагматического знания является краткосрочной и нестабильной. Качественно же новое и конкурентоспособное прикладное знание не может быть получено вне фундаментальных разработок, которые только на первый взгляд никак не влияют на конкретные экономические результаты. Для длительного и устойчивого экономического успеха нужна архитектурная гармония эмпирического, теоретического и прикладного экономического знания, динамическое соответствие и самоорганизация эмпирических, теоретических и прикладных моделей. По сути, этим и определяется содержание экономической теории – быть надёжным фундаментом и творческим источником конкретных экономических наук и различных прикладных разработок.

По мнению Дж. Стиглера, приблизительно до последней трети XIX века развитие экономической науки испытывало решающее воздействие со стороны социально-экономического развития, а после – находится под определяющим влиянием внутренних изменений в самой науке [12]. Вследствие этих факторов рассмотрение вопроса о соотношении понятий экономических наук с чисто теоретической плоскости все больше сместилось в плоскость практическую. В последнее время появляется все больше оснований для того, чтобы говорить о начале так называемого «эмпирического поворота» в экономической теории, благодаря которому «экономисты все чаще обращаются к данным из реального мира с целью дополнения и проверки теоретических моделей» [13].

Устойчивость социально-экономических систем, по мнению ученых, в периоды спадов и локальных подъёмов будет зависеть от эффективности практических действий, основанных на комплексных научных достижениях в сфере экономики. Экономическая теория сосредоточилась на «догоняющем» способе объяснения, когда решение проблемы предлагается уже в результате наступивших неблагоприятных последствий, но предлагаемые объяснения, в свою очередь, сталкиваются с проблемой прогнозирования. С необходимостью преодоления оторванности экономической теории от реальности связана актуальность междисциплинарных исследований. Процессы интеграции научных знаний привели к формированию фундаментальных мегадисциплин, элементы которых объединены по принципу единства предметной проблематики и имеют, как правило, однородные методы исследования. В методологическом аспекте данная проблема включает

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ...

достаточно большое число вопросов: типология формирования, факторы выделения новых дисциплин, междисциплинарные связи, особенности объединения учебных и научных дисциплин. В процессе применения междисциплинарного подхода наблюдается сочетание и комбинирование экономического знания с другими видами социологического, психологического, философского, исторического, политологического, экологического знания и т. д. Такие междисциплинарные исследования дадут возможность обобщить лучшие наработки теорий глобального и национального управления, максимально учитывая плюрализм, альтернативность, гетеродоксальность палитры инновационных идей.

Перманентные изменения образовательных программ, реформирование интеллектуального наполнения устоявшейся дисциплины, видоизменения ее проблематики эффективны лишь в том случае, если в результате дисциплина повысит уровень научных знаний без ограничений собственного предмета. Представляется, что в данных условиях требуется повышение системности в преподавании экономических дисциплин, усиление междисциплинарных связей и больший учет возможностей экономической теории в повышении качества подготовки экономистов и успешном решении ими прикладных задач. Для этого необходимо, по мнению ученых, обратить внимание преподавателей конкретных экономических дисциплин на следующие важнейшие моменты. Во-первых, начинать анализ с обращения к сущности экономического явления или процесса. Во-вторых, проводить рассмотрение экономических явлений и процессов с учетом экономических интересов хозяйствующих субъектов как одного из базовых понятий в экономике. Известно, что произошел постепенный переход от классической экономической теории, занимавшейся изучением сущности экономических процессов, к учениям, которые сосредотачивают свое внимание на проблемах внешних форм и их взаимосвязях. Широкое использование современных концепций и моделей в экономике объясняют тем, что они направлены на решение краткосрочных задач, например, выбора более оптимального решения и т. д. В этом смысле данные учения более применимы с точки зрения практики, хотя оказываются малопригодными для объяснения сущности экономических явлений. Для более глубокого понимания студентами происходящих экономических явлений и процессов, возможности их оценки, выработки самостоятельных решений необходимо понимание сущности экономических явлений, владение соответствующим методологическим инструментарием, что невозможно без знания законов экономической теории и овладения методами экономического мышления [14].

Идентификация предмета в преподавании экономической теории и прикладных экономических дисциплин, несомненно, является сложнейшим в методологическом и методическом аспектах вопросом. Обусловлено это, в первую очередь, тем, что преподавание экономической теории для студентов экономических направлений должно вестись на другом, более глубоком методологическом уровне, чем для студентов других факультетов. Если для последних (неэкономических направлений) экономическая теория или курс «Экономика» являются дисциплинами, формирующими в большинстве случаев универсальную компетенцию 9/10, то для экономических направлений экономическая теория участвует в формировании

общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Она должна дать студентам фундаментальную экономическую подготовку и призвана участвовать в формировании творческой личности. Опираясь на фундаментальные экономические знания, которые дает экономическая теория, студенты будут изучать другие экономические дисциплины как конкретизацию и восхождение к прикладному уровню тех абстрактных, концептуальных положений, которые раскрываются экономической теорией. В данном случае будущий специалист как творческая личность может проявлять самостоятельность в понимании сущности и взаимосвязей экономических явлений, в первую очередь, благодаря именно своим фундаментальным экономическим знаниям. Экономические факультеты призваны готовить аналитиков–экономистов, которые умеют активно влиять на экономические процессы на различных уровнях хозяйственной жизни общества. Между тем, дело ограничивается в основном выпуском менеджеров, бухгалтеров, маркетологов, которые должны быть готовы по заданию руководителей выполнять рутинные работы, связанные с составлением отчетности, обработкой небольшого объема данных и т. д. При всей важности этих работ они могут выполняться и выпускниками учреждений среднего профессионального образования. Ближайшее рассмотрение федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования, а также профессиональных стандартов позволяет сделать именно такой вывод.

Кроме того, двухуровневая система подготовки специалистов (бакалавриат – магистратура) требует при разработке программы курса экономической теории учитывать необходимость их выстраивания по единой линии преподавания. Здесь возникают проблемы, связанные с содержательным наполнением программ курсов, их взаимосвязи с прикладными дисциплинами образовательных программ. Также следует учитывать, что магистерский курс экономической теории (микроэкономика, макроэкономика) по своей тематике и/или наполненности должен отличаться от бакалаврского. Он должен быть более сложным, здесь должны более глубоко с применением математического инструментария изучаться отдельные разделы теории, включая проблемы применимости разработанных западной экономической наукой моделей к российской действительности. При разработке программы курса «Экономическая теория» необходимо учитывать наличие в образовательной программе таких дисциплин, как «Микроэкономика», «Макроэкономика», «Институциональная экономика» и т. д. Если такое имеет место, то преподавание экономической теории в большей мере должно быть сосредоточено на изучении концептуальных теоретических положений с такой степенью конкретизации проблем, чтобы студенту становилось понятным прикладное значение этих положений. Следует также отметить, что новые федеральные государственные образовательные стандарты бакалавриата по экономическим направлениям ограничивают возможности углубления в рамках образовательного процесса в вопросы теории экономики, подталкивая преподавателя ограничиваться лишь поверхностным рассмотрением сути сугубо теоретических положений и концепций. Профессиональный аспект преподавания экономической теории для «экономистов» и «менеджеров» не заключается в том, чтобы пропустить какие-то разделы теории и

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ...

сосредоточить внимание на тех аспектах, которые имеют особое значение для студентов данного направления. Например, для обучающихся по профилю «Бухгалтерский учет» акцент при разработке курса сделать на теории фирмы, издержек и прибыли и т. д., для профиля «Финансы и кредит» – на таких разделах курса, как денежная система и денежный рынок, банковско-кредитная системы и т. д. Необходимо, чтобы преподаватель планировал распределение бюджета учебного времени, отводимого в целом на курс экономической теории, по темам с таким расчетом, чтобы особое внимание было уделено изучению проблем, имеющих особое значение для фундаментальной подготовки студентов по данному направлению (профилю). При серьезном продумывании данного вопроса кафедра может и должна определить для них ключевые темы, на которые следовало бы выделить около 30 % запланированного бюджета учебного времени.

Но тут неизбежно возникает проблема целостности структуры учебного курса экономической теории. Сложность данного вопроса определяется специфической историей самой экономической теории. Сказанное выражается в ряде обстоятельств. В первую очередь, в том, что произошел постепенный переход от классической экономической теории, занимавшейся изучением экономических процессов и искавшей ответы на главный вопрос «В чем сущность данного явления?», к учениям, которые сосредотачивают свое внимание на проблемах внешних форм экономических процессов и их взаимосвязях. Однако в экономических процессах содержатся различные соотношения сущности, содержания и форм. Нужно иметь в виду, что классические теории выявляли, прежде всего, сущность экономических процессов, тогда как более поздние экономические школы акцент делают на исследования более поверхностного уровня этих процессов. Они анализируют явления в тех формах, в которых последние происходят на практике. Но дело в том, что явления и конкретные формы, как правило, не совпадают с их сущностью. Они богаче, сложнее, чем последние, ибо на них наряду с их сущностью оказывают влияние многие другие факторы. Мы убеждены в том, что учение о превращенных формах имеет универсальное методологическое значение. Оно применимо к любым экономическим процессам и объясняет любые экономические явления.

Наверное, именно на этой методологической основе и возможно создание системного научного курса экономической теории. Экономические школы, занимавшиеся исследованием, как уже было отмечено, более поверхностных слоев экономики, в частности, рыночной системы, рассматривались в советское время как антинаучные, преследующие классовые интересы. И, наоборот, современные курсы экономической теории в большинстве своем построены таким образом, что полностью игнорируют существование школы классической политической экономии. В связи с этим возникает серьезная и сложная проблема, связанная с необходимостью создания действительно системного учебного курса экономической теории, который смог бы органично соединить в себе все основные направления развития экономической мысли, основываясь на положениях классической политической экономии, марксизма, маржинализма, кейнсианства, институционализма, монетаризма и др. Такую задачу, разумеется, возможно

выполнить только путем объединения коллективных усилий большого числа исследователей.

Отметим, что в большинстве современных учебников экономические процессы изучаются лишь на уровне явлений и взаимосвязей этих явлений, хотя они и содержат интересные обобщения. Однако, как сказал классик, «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» [15, с. 384]. Придание экономистами системности излагаемым учениям с помощью введения таких понятий, как редкость, предельная полезность (которыми, якобы, в конечном счете, определяется цена) создает лишь видимость системности. Сами эти понятия в научном смысле уязвимы, а, следовательно, не могут быть надежными исходными для научной системы. Вряд ли можно допускать мысль и о том, что сегодня наиболее важным является изучение экономической практики и изменений в ней, что прагматизм должен превалировать над теоретическими подходами, ибо практические изменения сами по себе не могут раскрыть сущности глубинных истоков этих изменений. Как уже неоднократно отмечалось, взяв за основу курса экономической теории преподавание «Экономикс», мы сталкиваемся еще и с тем, что будучи написанным применительно к развитой рыночной системе, в частности, на примере экономики США, этот учебник зачастую трудно наложить на реалии российской экономики.

Нужно ли мириться с таким отрывом теории от запросов нашей жизни? Думаем, нет. Например, в настоящее время экономика столкнулась с глобальным вызовом – пандемией COVID–19. Вряд ли в «Экономикс» найдутся ответы на вопросы, возникающие сегодня у экономистов в связи с этой и другими глобальными проблемами. Поэтому в некоторые учебные пособия их авторы наряду с темами, взятыми из «Экономикс», включают темы, например, из экономического учения К. Маркса: о капитале, прибавочной стоимости и путях ее увеличения, прибыли и ее норме и некоторые другие. Создается поверхностное ощущение большого охвата экономической теорией достижений науки. Однако, по сути, это ничто иное, как механическое соседствование в одном курсе проблем, методологические основы которых противоположны и несовместимы. Темы о капитале и его возрастании основаны на теории трудовой стоимости товара, а темы из «Экономикс» – на отказе от этой теории. Кроме того, зачастую в отдельных учебных пособиях обнаруживается стремление их авторов включить в содержание курса широкий круг проблем, которые примерно в тех же аспектах излагаются в профильных дисциплинах образовательной программы.

Все это приводит к тому, что у обучающихся создается расплывчатое представление о предмете экономической теории, актуализируется проблема его разграничения от предметов других дисциплин. Экономическая теория тем самым все более превращается из фундаментальной для экономических направлений общепрофессиональной науки в дисциплину общеобразовательную. И все же следует отметить, что увлечение поверхностным толкованием экономических явлений и процессов отходит на второй план в среде ученых–экономистов, а осознание необходимости создания новой иной структуры учебного курса экономической теории становится все более массовым.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ...

Что же касается преподавания экономической теории на неэкономических факультетах, то стоит отметить, что главной целью курса должен стать достаточный уровень экономической подготовки, позволяющий выпускникам свободно ориентироваться не только в экономической жизни страны, но и грамотно управлять личными финансами, что обусловлено содержанием универсальной компетенции 9/10 в федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения. При этом следует учитывать, что наибольший акцент при построении рабочих программ дисциплин следует сделать на те области экономической теории, которые в наибольшей степени отвечают специфике потребностей каждого направления подготовки.

ВЫВОДЫ

Сегодня остро стоит задача освоения новейших методологических норм, теоретических стандартов, способов концептуализации и методов исследования. Именно такое системное изменение методологии позволит связать теоретические перспективы с прикладной логикой экономических научных исследований. Речь идёт об органической связи уровней философской методологии, методологии экономической теории и прикладной методологии, реализуемых в конкретных исследованиях. Таким образом, попытки выделить «чистую» экономическую теорию, игнорирование того, что она, давая методологические основания развёртыванию прикладных исследований, вместе с тем черпает ресурсы для собственного развития по теориям, обобщающим бизнес–практику, препятствует её собственному развитию. Выход из этого круга лежит в обеспечении активного единства экономической теории и практики. Не отказ от экономической теории в пользу чисто эмпирических подходов (эта тенденция сейчас является доминирующей), а активное развитие теории, которая опирается на изучение новых реалий, и приведение в соответствие теории и практики.

Говоря о профессиональной направленности преподавания экономической теории, следует заметить, что экономика едина, ее проблемы должны изучаться и экономической теорией, и другими экономическими дисциплинами. Эти проблемы невозможно разделить между дисциплинами условно на «свои» и «чужие». Задачей отраслевых прикладных экономических наук является изучение особенных для данной отрасли форм (а стало быть, показателей) проявления общих экономических категорий, а также поиск специфических путей экономии ресурсов, повышения эффективности производства и т. д. Однако важно понимать, что экономическая теория излагает проблемы концептуально, то есть должна показывать, какие концепции описывают проблему и ее решение в настоящее время и какие еще, возможно, будут разрабатываться. Прикладные же экономические дисциплины, каждая в своей области, должны конкретизировать эти концепции, показывать специфику практической реализации соответствующих концептуальных положений. Конкретизация положений соответственно будет их обогащать и делать точнее на основе изучения материалов практики. Преподаватели экономической теории могут доводить объяснение вопросов до такой степени конкретизации и придавать им такой

прикладной характер, чтобы студент мог понять, что экономическая теория не оторвана от реальной жизни. Однако представление о том, что предмет экономической теории тот же, что и прикладной дисциплины, и разница лишь в том, что теоретик объясняет проблемы, будучи оторванным от анализа сложных конкретных экономических процессов, а значит, на более низком качественном уровне, является ошибочным. Конкретизация концепций на основе обобщения практических материалов, должна быть подчинена в первую очередь обоснованию и иллюстрации концепции. Обобщение конкретного фактического материала само по себе имеет здесь практическое значение не столько как что-то архиважное, сколько как один из способов подтверждения или опровержения тех или иных концепций, обнаружения новых. Но при всем этом недопустимо смешение предмета экономической теории как фундаментальной науки с предметом каких-либо прикладных экономических дисциплин.

Процесс вытеснения фундаментальных экономических дисциплин по бакалаврским и магистерским учебным программам негативно влияет на качество подготовки студентов всех экономических специальностей, формирование их компетенций и результаты обучения. Подобное отношение высшего образования к фундаментальной экономической подготовке студентов выливается в узость экономического мышления будущих экономистов, финансистов и менеджеров, непонимание ими сущности экономических явлений и феноменов, следовательно, и глубинных противоречий современной экономики. В этих условиях формирование фундаментальных навыков критического, системного осмысления реальности, адаптации к непрогнозируемым изменениям среды становится ключевым направлением преобразований системы высшего образования с учётом растущей конкуренции в образовательном пространстве.

Список литературы

1. Корчагина З. А. Экономическая теория: вопросы методологии исследования и методика преподавания // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2006. № 6. С. 74–102.
2. Beinhocker E. Reflexivity, complexity and the nature of social science. *Journal of Economic Methodology*. 2013. Vol. 20. № 2. P. 330–342.
3. Ross Dm. *Philosophy of economics*. New York: Palgrave Macmillan. 2014, 341 p.
4. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 4. С. 20–52.
5. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвёртой промышленной революции. Москва: Эксмо. 2018, 320 с.
6. Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб: Экономическая школа, 2001.
7. Князев Ю. К. Объективные и субъективные факторы в современной экономике // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 1. С. 127–140. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.9>
8. Тамбовцев В. Л. Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 1–26
9. Тамбовцев В. Л. Теория институциональных изменений. М.: ИНФРА–М, 2009. 324 с.
10. Нуреев Р. М. Новая политическая экономия: становление и развитие // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. 2011. Выпуск 40. С. 5–15. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20789616_12630898.pdf
11. Кравченко Л. А., Сильченко Ю. О. Междисциплинарный синтез в современных экономических исследованиях // Становление и развитие новой парадигмы инновационной науки в

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ...

условиях современного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, Саратов, 29 апреля 2018 года. Саратов: ООО «Омега Сайнс», 2018. С. 71–74.

12. Стиглер Дж. Развитие и достижения экономики // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков* / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. М.: Мысль, 2005. 463 с.

13. Мальцев Ал. А., Ковалев А. В. Теоретико-методологические взгляды экономистов России и Беларуси: эффект колеи? // *Журнал экономической теории*. 2020. Т. 17. № 3. С. 560–573

14. Козлова Т. М. Использование возможностей экономической теории в преподавании прикладных дисциплин // *Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление»*. 2018. № 1, С. 225–227

15. Маркс К., Энгельс Ф. *Капитал: Критика политической экономии*. Том 3-й, Ч. 2. Гл. XXIX-LII. Соч. 2-е изд. Т. 25, Ч. II. М.: Политиздат, 1962. 558 с.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

УДК 332.1

**ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК
ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
СТАРОПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ)**

Фролов Д. П.¹, Дмитриев А. С.^{1,2}, Волков С. К.¹, Акимова О. Е.¹

*Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Российская Федерация
Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области, Волгоград, Российская Федерация
E-mail: basement.dmitriev@gmail.com*

Волгоградская область, некогда бывшая одним из лидеров промышленного производства в России, сегодня переживает стагнацию. Отсутствие видимого экономического роста побуждает жителей региона его покидать, а предприятия и организации массово уходят с отраслевых рынков ввиду нехватки инвестиционных ресурсов и нисходящей динамики спроса на их продукцию и услуги со стороны хозяйствующих субъектов и физических лиц. В этой связи представляется необходимым рассмотрение динамики основных социально-экономических показателей региона, а также выработка мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности Волгоградской области. Методология исследования, проведенного в статье, включает структурный и статистический анализ, группировку, классификацию и синтез полученных результатов. По итогам работы делается вывод о том, что нехватка инвестиционных ресурсов есть первопричина упадка региональной промышленности, а потому приоритетным направлением стабилизации социально-экономического положения области является повышение ее инвестиционной привлекательности, в том числе посредством государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: региональная экономика, устойчивое развитие, промышленность, старопромышленный регион, инвестиционная привлекательность, инвестиции в основной капитал, статистика

ВВЕДЕНИЕ

Волгоградская область исторически – промышленный регион. Быстрое становление региональной промышленности началось после Октябрьской революции, когда приоритетным в рамках процесса развития области стало привлечение новых жителей в областной центр. Однако и до революции на территории города располагалось несколько крупных промышленных предприятий, в т. ч. мельница братьев Гергардтов, выходцев из Сарепты. С переходом нефтедобычи в активную фазу на рубеже XIX и XX вв., в рамках которой разведывались преимущественно бакинские месторождения, область стала важным транспортным хабом на пути к конечным пунктам доставки сырья. В постреволюционный период внимание также оказалось сосредоточенным на развитии промышленных производств. Причиной тому во многом послужило удобное географическое расположение региона. В советское время Волгоградская (Сталинградская) область была одним из стратегических центров промышленности СССР. Деятельность осуществлялась в рамках множества отраслей народного хозяйства – машиностроения, главным оплотом которого был Сталинградский

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

тракторный завод, нефтедобычи и нефтепереработки, черной и цветной металлургии, легкой промышленности и многих других.

После перехода к рыночной экономике в ходе реформ конца 1980–х – начала 1990–х гг. региональная промышленность постепенно стала приходить в упадок. Виной тому зачастую были многочисленные непрозрачные сделки по приватизации государственных организаций, приводившие к тому, что последние оказывались в руках собственников, не заинтересованных в развитии предприятий. Другой проблемой стал недостаток финансовых ресурсов, вследствие чего основные фонды постепенно изнашивались, а денег на их замену более совершенными не хватало. Рост преступности (в том числе в сфере финансов: в 1990–е в Волгоградской области зародилась масса «финансовых пирамид») и общий упадок народного хозяйства в России не могли не сказаться на состоянии регионального хозяйства.

Профессор И. В. Митрофанова в своих работах характеризует Волгоградскую область как старопромышленный регион. Подобное описание предполагает использование промышленными предприятиями устаревших технологических решений, относящихся к IV и даже III технологическим укладам [10–11]. Разумеется, столь несовершенная по нынешним меркам производственная база крайне негативно сказывается на качестве и ресурсоемкости конечной продукции, следовательно – на ее цене.

В работах Г. С. Мерзликиной [8], Г. А. Мершиевой [9], А. В. Копылова [7], Е. С. Мониной [12] и других содержится масса рекомендательных мер, нацеленных на качественное преобразование региональных производственных структур путем стимулирования инновационного развития, однако за кадром чаще всего остаются данные об эффективности проводимых мероприятий развития, в том числе выводы о целесообразности инвестирования в промышленность области и оценка прироста производительности в условиях растущих объемов инвестиционных вливаний.

Цель настоящей работы состоит в рассмотрении в динамике и статике социально-экономического положения Волгоградской области по сравнению с другими субъектами Южного федерального округа, а также в выявлении направлений повышения инвестиционной привлекательности региона. Методология проведенного исследования включает в себя структурный и статистический анализ, группировку, классификацию, а также синтез полученных результатов.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Перед началом детального рассмотрения социально-экономического положения Волгоградской области сравним ее с другими регионами ЮФО по ряду показателей, характеризующих социально-экономическое и демографическое положение. Возьмем за основу статистические данные за 2019 год (табл. 1). Выбор указанных показателей обуславливается следующими мотивами:

1. ВРП является одним из важнейших показателей экономической активности региона. Использование относительного показателя, т. е. ВРП на душу населения, позволяет добиться большей объективности при оценке результирующего

показателя, поскольку абсолютная величина ВРП сильно варьируется в зависимости от множества показателей, и сравнивать ее по различным регионам некорректно;

2. Темп роста ВРП свидетельствует о характере изменений в уровне экономической активности региона, поэтому его величина очень важна для расчета итогового показателя социально-экономического положения;

3. Индекс промышленного производства отражает изменение уровня активности субъектов промышленной деятельности региона. Она, в свою очередь, является основным компонентом социально-экономического развития, обеспечивая занятость населения и формируя значительную часть ВРП;

4. Доля инвестиций в основной капитал в ВРП является одним из важнейших показателей оценки инвестиционной привлекательности региона. В связи с тем, что абсолютный показатель объема инвестиций в основной капитал не позволяет добиться максимальной объективности при оценке, в работе используется данная относительная величина;

5. Уровень прожиточного минимума лежит в основе множества выплат социального характера, поэтому его значение используется при формировании рейтинговой оценки;

6. Уровень реальных располагаемых доходов граждан отражает действительную динамику уровня благосостояния, поскольку в процессе расчета показателя учитывается уровень инфляции;

7. Изменение числа действующих организаций косвенно указывает на условия ведения предпринимательской деятельности в регионе;

8. Уровень безработицы по методологии МОТ, который в отличие от уровня официально зарегистрированной безработицы, учитывает также граждан, не состоящих на учете в службе занятости;

9. Доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума – ключевой показатель оценки уровня бедности в регионе, применяемый Росстатом.

На основе данных, представленных в таблице 1, определим интегральные показатели социально-экономического положения регионов Южного федерального округа. Предлагаемая авторами методология расчета показателя включает в себя следующие этапы:

1. Сортировка регионов по возрастанию или убыванию тех или иных показателей с последующим присвоением ранга. Показатели 1–7 ранжируются по возрастанию, 8–9 – по убыванию. При совпадении величины показателей у разных регионов им присваивается одинаковый ранг;

2. Баллы суммируются, и определяется совокупный показатель социально-экономического положения региона. Максимальное значение показателя – 72.

3. Показатель уровня социально-экономического положения определяется путем деления полученного балла на максимальный с последующим умножением на 100. Чем ближе итоговый показатель оказывается к 100, тем выше уровень социально-экономического положения региона.

4. Полученные показатели сопоставляются со следующей шкалой:

- до 25 – крайне низкий уровень социально-экономического положения;
- от 25 до 50 – низкий уровень социально-экономического положения;

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

- от 51 до 65 – средний уровень социально-экономического положения;
- от 66 до 80 – достаточный уровень социально-экономического положения;
- выше 80 – высокий уровень социально-экономического положения.

Таблица 1

Сравнительная характеристика регионов Южного федерального округа по ряду социально-экономических показателей в 2019 году

№	Показатель	Волгоградская область	Ростовская область	Краснодарский край	Астраханская область	Республика Адыгея	Республика Калмыкия	Республика Крым	Севастополь
1	ВРП на душу населения, рублей	384677,3	389933,4	453882,0	596388,2	288147,8	327149,3	245411,7	306891,7
2	Темп роста ВРП, в % к прошлому году	99,9	101,8	100,3	101,1	104,4	99,6	103,1	105,9
3	Индекс промышленного производства, в % к прошлому году	100,0	102,8	102,9	103,7	101,6	96,5	112,6	163,6
4	Доля инвестиций в основной капитал в ВРП, %*	13,4	10,3	18,6	10,5	14,7	17,8	47,7	24,4
5	Уровень прожиточного минимума, рублей	9806	9322	10854	10435	9315	9700	10258	10723
6	Уровень реальных располагаемых доходов граждан, в % к прошлому году	100,6	100,4	98,3	100,1	101,8	102,7	99,0	100,3
7	Число организаций, в % к прошлому году*	93,0	95,3	96,1	92,4	98,0	92,7	100,0	95,8
8	Уровень безработицы по методологии МОТ, %*	5,3	4,8	4,8	7,2	8,2	8,6	4,6	3,9
9	Доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума, %	12,9	13,3	10,7	15,5	12,6	23,5	17,2	11,6

Источник: составлено авторами по материалам [1–2; 5–7; 13–16]

* показатели, рассчитанные авторами

Таблица 2

Результаты ранжирования регионов по показателям социально-экономического положения

№	Волгоградская область	Ростовская область	Краснодарский край	Астраханская область	Республика Адыгея	Республика Калмыкия	Республика Крым	Севастополь
1	5	6	7	8	2	4	1	3
2	2	5	3	4	7	1	6	8
3	2	4	5	6	3	1	7	8
4	3	1	6	2	4	5	8	7
5	4	2	8	6	1	3	5	7
6	6	5	1	3	7	8	2	4
7	3	4	6	1	7	2	8	5
8	4	5	5	3	2	1	7	8
9	5	4	8	3	6	1	2	7
Сумма	34	36	49	36	39	26	46	57

Источник: составлено авторами

Значения рангов представлены в таблице 2. Ниже приведены результаты расчетов итогового коэффициента.

$$\text{Волгоградская область} \quad K = \frac{34}{72} * 100 = 47,2 \quad (1)$$

$$\text{Ростовская область} \quad K = \frac{36}{72} * 100 = 50,0 \quad (2)$$

$$\text{Краснодарский край} \quad K = \frac{49}{72} * 100 = 68,1 \quad (3)$$

$$\text{Астраханская область} \quad K = \frac{36}{72} * 100 = 50,0 \quad (4)$$

$$\text{Республика Адыгея} \quad K = \frac{39}{72} * 100 = 54,2 \quad (5)$$

$$\text{Республика Калмыкия} \quad K = \frac{26}{72} * 100 = 36,1 \quad (6)$$

$$\text{Республика Крым} \quad K = \frac{46}{72} * 100 = 63,9 \quad (7)$$

$$\text{Севастополь} \quad K = \frac{57}{72} * 100 = 79,2 \quad (8)$$

На основании расчетных данных классифицируем регионы в составе Южного федерального округа по уровню социально-экономического положения в 2019 году (табл. 3).

Таблица 3

Результаты классификации регионов ЮФО по уровню социально-экономического положения

Признак	Регионы
Крайне низкий уровень социально-экономического положения (до 25)	-
Низкий уровень социально-экономического положения (от 25 до 50)	Республика Калмыкия Волгоградская область Астраханская область Ростовская область
Средний уровень социально-экономического положения (от 51 до 65)	Республика Адыгея Республика Крым
Достаточный уровень социально-экономического положения (от 66 до 80)	Краснодарский край Севастополь
Высокий уровень социально-экономического положения (выше 80)	-

Источник: составлено авторами

Опираясь на данные таблицы 3, следует отметить, что ни один из представленных регионов в 2019 году не соответствовал крайне низкому и высокому уровням социально-экономического положения. Наиболее многочисленными оказались регионы с низким уровнем социально-экономического положения – в данную классификацию попали 4 региона из 8, т. е. половина выборки. Волгоградская область также оказалась в данной группе с показателем социально-экономического положения 47,2. Туда же попали Астраханская и Ростовская область, показатели которых, по сути, были пограничными между двумя классификациями и составляли 50,0. В классификации среднего и достаточного уровней социально-экономического положения попали по 2 региона Южного федерального округа. В первом случае – это республики Крым и Адыгея, во втором – Краснодарский край и город Севастополь.

Рассмотрев в целом уровень экономической социально-экономического положения региона, обратимся к более конкретным данным, позволяющим охарактеризовать динамику социально-экономического положения региона, выявив основные тенденции его изменения.

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

Сегодня главным приоритетом развития Волгоградской области по-прежнему остается промышленность, т. е. реальный сектор экономики, обеспечивающий экономическое благополучие и безопасность субъекта Российской Федерации. Вместе с тем, нельзя не отметить наличие ряда деструктивных тенденций, замедляющих развитие региона. К таковым, в частности, относится нисходящая динамика численности хозяйствующих субъектов, действующих на территории Волгоградской области. Ниже представлена таблица 4, где отражена детальная статистика количества организаций Волгоградской области в период 2017–2021 гг.

Таблица 4

Динамика численности хозяйствующих субъектов Волгоградской области в период 2017–2021 г., на начало года, единиц

	2017	2018	2019	2020	2021	2021 в % к 2017
Число организаций - всего	51222	46631	43364	38344	35512	69,3
по видам деятельности:						
сельское хозяйство	1874	1712	1616	1432	1351	72,1
добыча полезных ископаемых	118	103	96	87	85	72,0
обрабатывающие производства	3373	3119	2948	2591	2400	71,2
обеспечение электроэнергией, газом и паром	285	275	268	247	230	80,7
водоснабжение; водоотведение и др.	1177	983	863	726	626	53,2
строительство	4903	4459	4105	3527	3186	65,0
торговля оптовая и розничная; ремонт АТС и мотоциклов	14483	12463	11020	8961	7872	54,4
транспортировка и хранение	2485	2308	2146	1859	1734	69,8
иные формы	22524	21209	20302	18914	18028	80,0

Источник: составлено авторами по материалам [2; 15]

Из таблицы 4 следует, что значительные отрицательные изменения в численности действующих организаций наблюдаются по всем представленным группам. Этот факт свидетельствует о снижении инвестиционной привлекательности предприятий Волгоградской области, неизбежно ведущей к ухудшению финансового положения. В последнее время в региональных СМИ все чаще поднимаются темы массовых банкротств волгоградских предприятий, обусловленных нехваткой финансовых ресурсов для дальнейшего продолжения деятельности. Однако подобный взгляд представляется авторам слишком узким, поскольку неспособность предприятий удерживать свои позиции на рынке обусловлена большим количеством факторов, в основе которых, в частности, лежит уровень жизни населения.

Показатели уровня жизни, в число которых, как правило, включаются показатели изменения реальных доходов граждан, уровень бедности и т. д., определяют характер экономического поведения населения в рамках конкретной территории. На это также влияет специфика распределения населения по уровню доходов. На рисунке 1, представленном ниже, отражена динамика численности граждан Волгоградской области с доходами ниже прожиточного минимума и их доли в общей численности населения в период 2016–2020 гг.

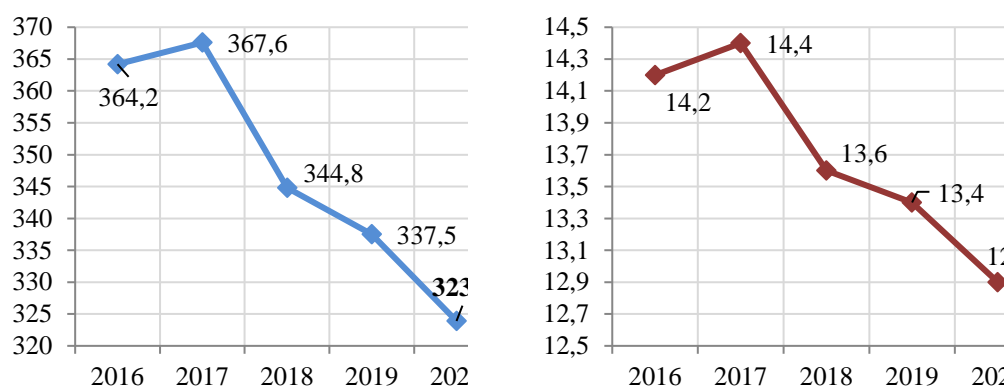

Рисунок 1. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, тыс. человек (слева) и их доля в общей численности населения региона (справа), 2016-2020 г., на начало года

Источник: составлено авторами по материалам [2]

Численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, характеризуется нисходящей динамикой – по крайней мере, такая ситуация сохранялась до начала 2020 года. К началу 2020 года после многолетнего снижения вырос показатель изменения уровня реального дохода граждан, составив 100,6 % к предыдущему периоду. Однако следует отметить, что существующая ситуация по-прежнему остается напряженной, что еще неоднократно будет подтверждено статистическими данными, которым предстоит дать объективную характеристику воздействия на региональную экономику локдауна, спровоцированного пандемией коронавирусной инфекции в 2020 году и последовавшим за ним кризисом на рынке трудовых ресурсов. Рост безработицы выше «естественного» ее уровня всегда оказывает разрушительное воздействие на состояние большинства экономических секторов, поскольку безработные (если не принимать в расчет получение ими пособий) оказываются фактически лишены средств к существованию.

Та небольшая часть населения, что имеет т. н. финансовые подушки безопасности, не спешит расходовать накопленные средства, поскольку, как правило, понимает особенности функционирования регионального рынка труда и неопределенную продолжительность процесса поиска новой работы. Безработные, таким образом, в прямом смысле лишают организации прибыли. Но и на этом негативные последствия для хозяйствующих субъектов не заканчиваются – снижение уровня спроса приводит к простоям оборудования, однако не освобождает работодателей от обязанности выплачивать заработную плату. Когда финансовые обязательства становятся совершенно непосильными, начинаются сокращения. Цифры статистики лишь подтверждают этот факт (рисунок 2).

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

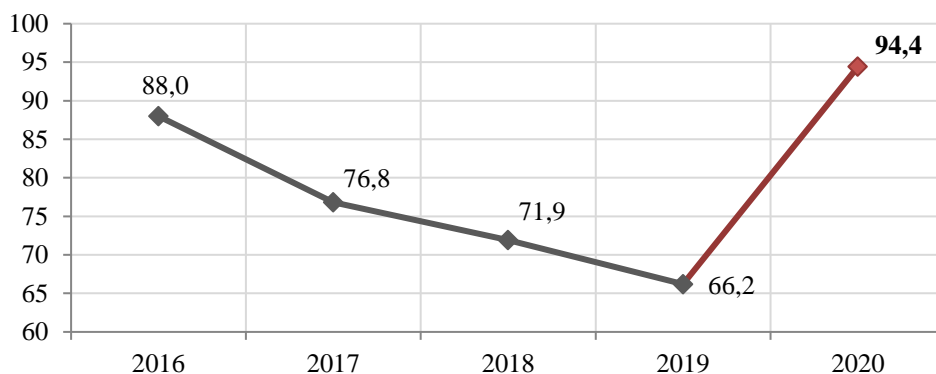

Рисунок 2. Динамика численности жителей региона, не занятых трудовой деятельностью в период 2016–2020 гг., среднегодовое значение, тыс. человек
Источник: составлено авторами по материалам [2]

Среднегодовое значение численности граждан, не занятых трудовой деятельностью, в 2020 году достигло максимума за рассматриваемый период. До этого сопоставимое значение показателя наблюдалось в 2015 году (94,7 тысяч человек) и было спровоцировано экономическим кризисом, начавшимся вследствие введения рядом стран Европы и Запада антироссийских санкций, приведших к резкому возрастанию курса доллара и евро. Относительно большое на тот период число действующих в регионе организаций способствовало постепенному восстановлению уровня занятости. Теперь, в условиях снижения количества функционирующих организаций, возникает еще большая неопределенность относительно будущего экономики Волгоградской области.

Результатом подобной динамики становится снижение индексов производства практически во всех отраслях региональной промышленности. Ниже представлена таблица, где отражены сведения об объеме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг промышленными предприятиями Волгоградской области по видам экономической деятельности (согласно ОКВЭД–2) в период 2017–2020 гг.

Таблица 5

Динамика объемов отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг промышленными предприятиями региона в период 2017–2020* гг., млн рублей

Отрасль	2017	2018	2019	2020	2020 в % к 2017
Добыча полезных ископаемых	47985	63481	58875	34095	71,1
Обрабатывающие производства	724306	882563	905403	780981	107,8
Обеспечение электроэнергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	66847	71872	72771	73019	109,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	14641	16832	20860	23057	157,5

* Данные до 2017 года не используются при рассмотрении динамики из-за использования при их расчете старого ОКВЭД.

Источник: составлено авторами по материалам [2]

Если взять в качестве базисного периода 2017 год, то можно говорить о наличии позитивной динамики производства по трем из четырех видам производств. Снижение наблюдается только в добыче полезных ископаемых, притом снижение существенное – на 28,9 %. Однако, сравнивая показатели 2020 года с 2019, следует сказать о существенном снижении объема производства в обрабатывающих отраслях. Именно обрабатывающая промышленность сегодня является основой реального сектора экономики Волгоградской области, и подобное снижение свидетельствует о надвигающемся промышленном кризисе в случае непринятия экстренных мер поддержки субъектов предпринимательской деятельности.

Уровень производства во многом зависит от объема инвестиционных ресурсов. Обратимся к динамике объема инвестиций в основной капитал промышленных предприятий Волгоградской области, чтобы выявить взаимосвязь между представленными показателями (табл. 6).

Таблица 6

Динамика объемов инвестиций в основной капитал промышленных предприятий Волгоградской области в период 2017–2020 гг., млн рублей

Отрасль	2017	2018	2019	2020	2020 в % к 2017
Всего инвестиций	144153,5	124477,7	128883,2	129153,4	89,6
из них:					
Добыча полезных ископаемых	5122,4	7172,6	8007,4	4432,5	86,5
Обрабатывающие производства	42786,2	46813,0	40000,1	37695,0	88,1
Обеспечение электроэнергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	12952,1	9182,8	15583,6	20517,2	158,4
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	5321,7	2258,0	554,4	1065,3	20,0

Источник: составлено авторами по материалам [6]

Объем инвестиций в основной капитал промышленных предприятий Волгоградской области характеризуется нестабильной динамикой, в особенности это заметно в добывающих и обрабатывающих отраслях. Общая картина свидетельствует о снижении объема инвестиционных ресурсов. Наиболее сильно данное явление выразилось в отраслях, связанных с водоснабжением, водоотведением и др., где объем инвестиций за 2020 год оказался ниже такового в 2017 на 80,0 %.

Однако настоящим двигателем развития реального сектора являются инновации, позволяющие добиваться повышения качества выходной продукции. Формирование инновационной экономики сегодня является одной из стратегических целей развития Российской Федерации. В целом, перестроение ригидной модели промышленного предприятия, т. е., по сути, трансформация институциональной среды, представляет собой небыстрый процесс. В первую очередь, ввиду нехватки финансирования и низкой мотивации специалистов. Говоря о Волгоградской области, следует привести следующие показатели.

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

В 2019 году 55 предприятий различных видов деятельности в Волгоградской области имели в составе научно-исследовательские и опытно-конструкторские подразделения. Это около 0,13 % от общего числа действовавших организаций. Число таких подразделений составляло 162, т. е. одно предприятие могло иметь в составе несколько отделов, ответственных за те или иные направления инновационной и научной деятельности. Среднегодовая численность работников таких подразделений составила 3245 человек. Из 55 подразделений 34 функционировали на предприятиях обрабатывающей промышленности (61,8 %), 10 – на предприятиях, осуществляющих научные исследования и разработки (18,2 %). 31 подразделение из 55 функционировало на территории Волгограда, 14 – Волжского. Затраты на инновации всех видов в 2019 году сложились в объеме 10654,1 млн рублей, ставшим максимальным с 2017 года. Общая динамика объема инновационных затрат в регионе представлена на рисунке 3.

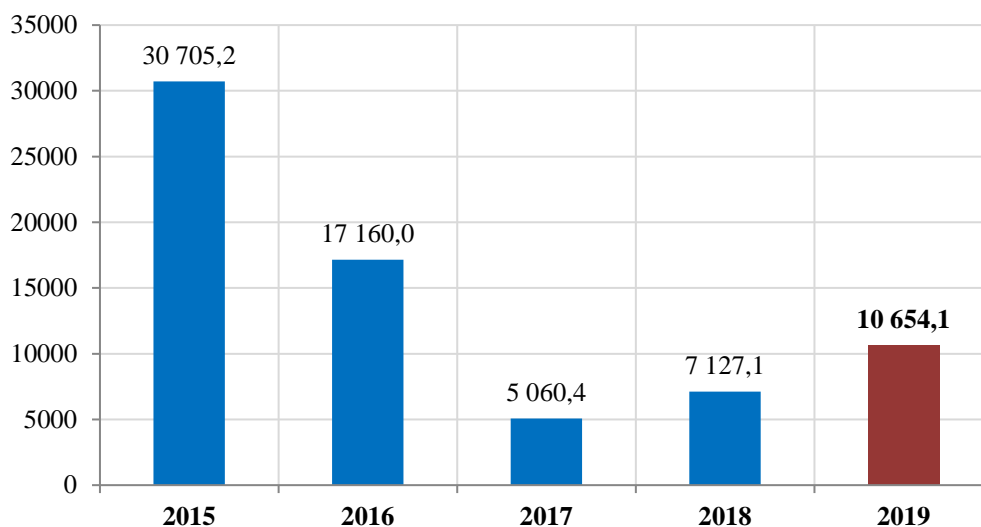

Рисунок 3. Динамика объемов затрат на инновации предприятий Волгоградской области в период 2015–2019 гг., млн рублей

Источник: составлено авторами по материалам [5]

Несмотря на наличие некоторой позитивной динамики, вопрос о достаточности 10,65 млрд рублей в год для формирования инновационного потенциала региона остается открытым, в особенности если сравнивать данную сумму с показателем 2015 года. И сама постановка вопроса о целесообразности активной инновационной деятельности для предприятий в рамках стагнирующего рынка также вызывает сомнения. Схожую реакцию вызывает также динамика финансовых затрат на научную деятельность (рисунок 4).

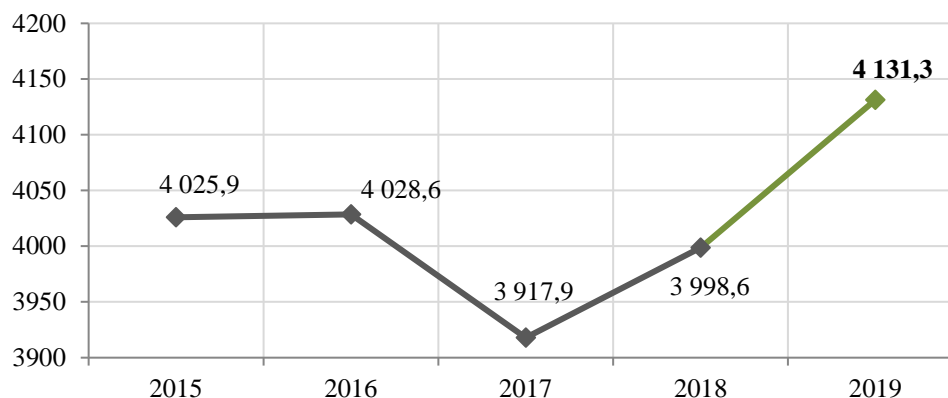

Рисунок 4. Динамика объемов затрат на научные исследования в Волгоградской области в период 2015–2019 гг., млн рублей

Источник: составлено авторами по материалам [5]

Динамика объемов финансирования научных исследований в регионе характеризуется наличием восходящей тенденции. Однако показатель остается сравнительно невысоким, тем более для региона, чьи предприятия, характеризующиеся в значительной своей части применением технологий позапрошлого технологического уклада, нуждаются в инноватизации. Более того, из официальной методологии расчета показателя можно узнать, что в расходы на научную деятельность включаются затраты на оплату труда научных сотрудников. Рассмотрим на примере 2019 года долю расходов на оплату труда в общем их объеме.

Средняя заработная плата, рассчитываемая как частное суммы заработной платы всех работников и их количества, в 2019 году составила 63168 рублей. Среднегодовая численность работников организаций, осуществлявших научные исследования и разработки, составляла 3582 человека (являясь притом результатом четырехлетнего снижения). Таким образом, годовая сумма расходов на оплату труда работников составляет:

$$X = \frac{(63168 * 3582) * 12}{1000000} = 2930,1 \quad (1)$$

Данная величина соответствует 70,9 % общего объема затрат на науку в Волгоградской области 2019 году. Неизвестно, о каком развитии научной деятельности можно говорить с учетом величины остаточной части финансирования, направляемой собственно на проведение исследований и выполнение иных работ.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что регион фактически стагнирует как в экономическом плане, так и в социальном. Рассмотрев основные причины снижения привлекательности региона, обратимся к следствию. На рисунке 5 отражена динамика численности населения Волгоградской области в период 2015–2021 гг.

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

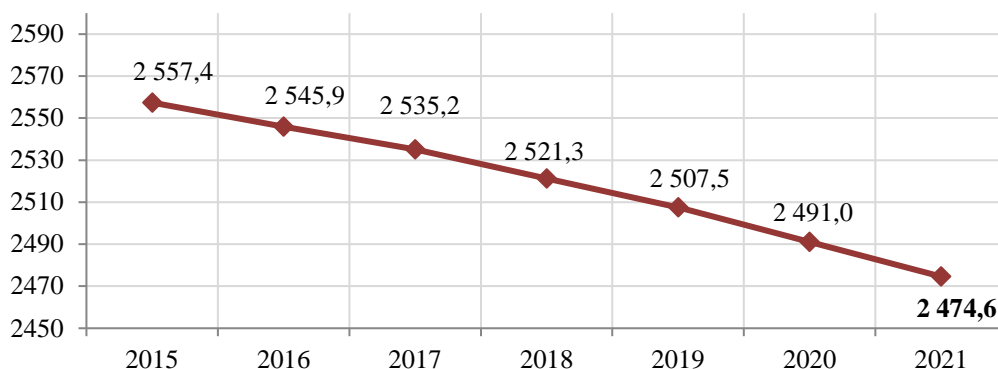

Рисунок 5. Динамика численности населения Волгоградской области в период 2015–2021 гг., на начало года

Источник: составлено авторами по материалам [2]

Очевидна нисходящая тенденция, причем с ускорением. Смертность в регионе в очередной раз повысилась, чему благоприятствовала, в числе прочего, пандемия коронавируса не столько из-за числа жертв, сколько из-за нагрузки на медицинский персонал. Смертность по итогам 2020 года в регионе выросла на 19,1 %, а рождаемость снизилась на 6,8 % относительно уровня 2019 года. Число умерших в 2 раза превысило количество родившихся. При этом миграционное сальдо в 2020 году впервые за долгое время оказалось положительным – превышение числа прибывших над числом выбывших составило 3684 человека.

Обратимся к более детальным статистическим данным и рассчитаем несколько важных демографических показателей, которые отражают скорость старения населения Волгоградской области. Будем использовать показатели, применяемые статистическими ведомствами не только в России, но и за рубежом:

1. Коэффициент демографического старения W_{60} отражает долю граждан в возрасте старше 60 лет в общей численности населения;
2. Коэффициенты демографической нагрузки рассчитываются как отношение числа лиц старше и (или) младше трудоспособного возраста к числу лиц трудоспособного возраста.

Результаты расчетов представлены в таблице 7.

Таблица 7

Демографические коэффициенты для населения Волгоградской области в период 2015–2020 гг., на начало года

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Коэффициент демографического старения W_{60} , %	21,89	22,34	22,77	23,28	23,78	24,36
Коэффициент демографической нагрузки общий	0,74	0,77	0,79	0,81	0,82	0,79
Коэффициент демографической нагрузки людьми пожилого возраста	0,45	0,47	0,48	0,49	0,51	0,48
Коэффициент демографической нагрузки детьми	0,29	0,30	0,31	0,31	0,31	0,31

Источник: составлено авторами по материалам [2]

Демографическая нагрузка детьми остается на примерно одинаковом уровне в течение четырех лет. В условиях снижения численности населения это говорит о нисходящей динамике рождаемости. При этом снижается коэффициент демографической нагрузки стариками как за счет снижения численности граждан в возрасте старше трудоспособного, так и возрастания доли трудоспособных жителей региона. Однако коэффициент демографического старения в условиях общей снижения численности населения Волгоградской области только возрастает.

Таким образом, по ряду важнейших показателей социально-экономического положения Волгоградской области наблюдается отрицательная динамика. Это не может не сказаться на величине важнейшего показателя экономической деятельности в регионе – валового регионального продукта. На первый взгляд, величина ВРП характеризуется значительным абсолютным приростом, однако это ситуация в текущих ценах, т. е. без учета инфляции. Более точным представляется рассмотрение цепной динамики изменения показателя в сопоставимых ценах. Таковая с 2015 года характеризуется нисходящей тенденцией:

1. В 2015 году – 93,8 % к 2014;
2. В 2016 году – 98,6 % к 2015;
3. В 2017 году – 99,9 % к 2016;
4. В 2018 году – 99,2 % к 2017;
5. В 2019 году – 99,9 % к 2018.

Волгоградская область сегодня характеризуется крайне низким качеством коммунальной инфраструктуры практически по всем муниципальным образованиям (на конец 2019 года 53,2 % водопроводных, 40,2 % тепловых и 36,4 % канализационных сетей региона нуждались в замене). Это парадоксально: представляется, что государственно-частное партнерство (в данном случае – в форме концессий) неизбежно должно оказывать положительное влияние на состояние жилищной инфраструктуры, однако этого не происходит. Напротив, доля изношенной коммунальной инфраструктуры стабильно возрастает с каждым годом, а крупные концессионеры то и дело объявляют о банкротстве. Что особенно удивительно, учитывая, что на первый взгляд они обладают большим потенциалом развития, обусловленным обилием источников финансирования, главными из которых являются платежи граждан и средства муниципальных бюджетов. Сегодня в Волгоградской области практически не создано удобных условий для реализации проектов государственно-частного партнерства (хотя в рейтинге субъектов РФ по уровню развития сферы ГЧП от Минэкономразвития от 2019 года область заняла 33 место из 85). Это значительный минус в деле восстановления волгоградской экономики и социальной сферы.

Важным комплексным параметром, определяющим уровень экономической безопасности региона, является внутренняя политическая обстановка. Однако ее тоже нельзя назвать спокойной: первый квартал 2021 года был ознаменован рядом громких коррупционных скандалов, сопряженных с непрозрачностью бюджетных отношений по поводу средств, распорядителями которых являлись отдельные региональные комитеты. Подобная ситуация, помимо самого факта нецелевого

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

расходования бюджетных средств, свидетельствует о наличии внутренних конфликтов в правящей группе.

Возвращаясь к вопросу об исполнении бюджета, следует упомянуть деятельность КСП Волгоградской области, основной задачей функционирования которой является проведение контрольных мероприятий и выявление нарушений в бюджетной сфере. Ниже представлена таблица 8, где приведены сведения о доходах и расходах бюджета региона в период 2015–2019 гг., а также показатели выявленных нарушений.

Таблица 8

Показатели исполнения бюджета и выявленных нарушений в Волгоградской области в 2015–2019 гг., млн рублей

	2015	2016	2017	2018	2019
Доходы бюджета	80 174,5	79 067,7	85 390,1	99 639,9	110 417,3
Расходы бюджета	86 912,9	85 655,6	86 574,4	96 827,2	107 984,3
Дефицит/профицит	-6 738,4	-6 587,9	-1 184,3	+2 812,7	+2 433,0
Нарушения	1 488,2	2 081,8	3 113,8	3 863,4	5 012,6

Источник: составлено авторами по материалам [2]

Суммы выявленных нарушений со временем возрастают, что сопровождается ростом как доходов, так и расходов. Сальдо доходов и расходов с 2018 года становится положительным, что свидетельствует о профиците бюджета. Профицит, равно как и дефицит, характеризовавший результат исполнения бюджета в период 2015–2017 гг., представляет собой негативное явление. При профиците средства не расходуются должным образом, что свидетельствует о низкой эффективности реализации бюджетной политики. Незначительный профицит – это, в целом, хорошо, но только при условии исполнения бюджета по всем расходным статьям, предусмотренным планом. Дефицит, напротив, свидетельствует о невозможности региона обходиться собственными средствами при реализации запланированных мероприятий.

Низкая эффективность деятельности региональных властей во многом является результатом стагнации общественного сектора, т. е. некоммерческих организаций, одна из основных целей деятельности которых состоит в создании и совершенствовании институтов гражданского общества. Гражданское общество – это горизонтальная модель социального контракта, в рамках которой органы государственной власти и местного самоуправления отходят на второй план, а граждане приобретают большую свободу деятельности в области социальной политики, образования, здравоохранения и др. Развитые институты гражданского общества позволяют минимизировать нагрузку на органы власти, особенно в деле реализации социальной политики. Высвобожденные бюджетные средства теоретически могут направляться на поддержку важнейших для региона отраслей экономики, развитие инфраструктуры и многое другое. Однако в Волгоградской области практически не существует институтов общественного контроля эффективности деятельности органов власти и местного самоуправления. Такая ситуация характерна не только для Волгоградской области, она описывает весь некоммерческий сектор отечественной экономики в целом.

Рассмотрим динамику численности НКО, действовавших в регионе в период 2014–2020 гг. (рисунок 6).

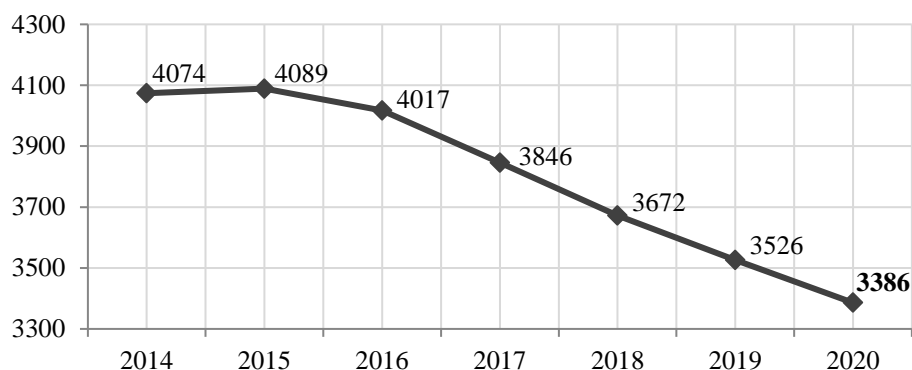

Рисунок 6. Динамика численности некоммерческих организаций Волгоградской области в период 2014–2020 гг., на начало года

Источник: составлено авторами по материалам [2; 15]

Динамика свидетельствует о стагнации некоммерческого сектора, и это с учетом реализации в течение всего указанного периода государственной программы развития, нацеленной на совершенствование условий функционирования НКО. Кроме того, следует понимать, что среди некоммерческих организаций – особенно, в форме учреждений, – большая часть представлена бюджетными образованиями. Из этого можно сделать вывод, что независимых некоммерческих организаций в регионе существенно меньше, чем показано на рисунке 6.

Если отталкиваться от полученных данных, можно сказать, что по уровню социально-экономического положения в 2019 году Волгоградская область находилась на предпоследней позиции в ЮФО. Более низкий показатель был только у Республики Калмыкия. Разумеется, эти данные уже несколько устарели, и показатели 2019 года не могут быть мерилем текущего положения региона. Однако, как было установлено на основании уже имеющихся данных за более поздние периоды, положительной динамики по многим из показателей в 2020 году не наблюдалось.

Подобная ситуация, конечно, имела место и в других регионах – на каждый из них трудности, сопряженные с пандемией, наложили свой отпечаток. При этом для определения приоритетных направлений оптимизации социально-экономического положения Волгоградской области данные, представленные в таблицах 5–7, вполне пригодны. Важным здесь является недопущение т. н. «статистической ошибки выжившего», т. е. предпочтения работы над показателями, значения которых и так являлись приемлемыми. В этой связи в процессе выработки рекомендаций мы не будем рассматривать ситуацию по показателям, ранг региона по которым составлял 5 и выше. В итоге остается 6 проблемных показателей:

1. Темп роста ВРП;
2. Индекс промышленного производства;
3. Доля инвестиций в основной капитал в ВРП;

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

4. Величина прожиточного минимума;
5. Число действующих в регионе организаций;
6. Уровень безработицы.

Данные показатели являются взаимосвязанными, однако в качестве ключевого показателя, являющегося первопричиной изменений остальных, можно рассматривать объем инвестиций в основной капитал региональных организаций, или, как в нашем случае, долю инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте. Объем инвестиций определяет способность предприятия к развитию путем освоения новых способов производства, приобретения материальных и нематериальных активов и общего расширения производств. Объем инвестиций характеризует уровень инвестиционной привлекательности региона. Если таковой высок, предприниматели более охотно начинают свое дело в регионе, если он низок, то степень риска для бизнеса возрастает. Степень развития бизнеса в регионе определяет и уровень занятости.

Одним из основных направлений совершенствования инвестиционной привлекательности региона является интенсификация производств путем внедрения инновационных технологических решений, способных снижать ресурсоемкость получаемых продуктов и повышать их конкурентоспособность как на локальных, так и на федеральных и даже мировых рынках. В особенности это касается обрабатывающей промышленности. При этом наиболее эффективным способом повышения инновационного потенциала хозяйствующих субъектов может стать государственно-частное партнерство. Оно способно привести к кратковременной монополизации ряда региональных рынков продукции в случае, если плановые показатели создания инноваций будут достигнуты. Последняя, в свою очередь, спровоцирует начало нескольких разнонаправленных процессов.

Так, организации, характеризующиеся высоким уровнем финансовой устойчивости и наличием достаточного объема финансовых ресурсов, будут стараться соответствовать уровню конкурентов, производящих инновационную продукцию. Помимо всего прочего, данный процесс будет ознаменован рядом сделок M&A. Общее число действующих в регионе организаций в очередной раз снизится за счет сжатия отдельных отраслевых рынков, однако деятельность оставшихся субъектов будет осуществляться уже на качественно новом уровне. Подобные изменения будут протекать на протяжении нескольких лет, что будет сопровождаться постепенным повышением инвестиционной привлекательности региона и появлением на региональных рынках новых игроков. Рынок трудовых ресурсов, разумеется, также окажется в выигрыше при реализации подобного сценария развития. Таким образом, повышение инвестиционной привлекательности Волгоградской области может рассматриваться как один из наиболее эффективных способов совершенствования уровня социально-экономического положения.

ВЫВОДЫ

Промышленность была и остается приоритетным направлением развития экономики Волгоградской области – эта исторически сложившаяся ситуация

неоднократно подтверждала свою изначальную логичность и целесообразность. В этой связи ее поддержка становится задачей регионального масштаба, которая должна осуществляться путем консолидации усилий государства и представителей частного сектора. В нынешних условиях упор должен быть сделан на интенсивный рост за счет внедрения на имеющихся производствах технологических решений, отвечающих требованиям времени. Основой процесса формирования инноваций служат человеческие знания, причем знания синтетического и конвергентного свойства, основанные на сопоставлении различных категорий и поиске точек их соприкосновения, а значит, другой ключевой задачей является постоянное совершенствование системы образования.

Для полноценного развития промышленности на уровне региона обязательным условием является формирование производственных агломераций на уровне технопарков, кластеров и т. д. вкупе с созданием особых экономических зон, предусматривающих предоставление льгот хозяйствующим субъектам. Это позволит облегчить процесс конвергенции знаний, каковыми обладают отдельные участники агломераций, и добиться максимального синергетического эффекта. Положительный эффект реформ позволит вывести промышленное производство Волгоградской области на качественно новый уровень. Изменения подобного рода, в свою очередь, окажут положительное влияние на целый комплекс социально-экономических показателей. К числу таковых можно отнести величину валового регионального продукта на душу населения и ежегодные темпы прироста ВРП, долю инвестиций в основной капитал в структуре ВРП, а также уровень занятости. Эти показатели, в конечном счете, оказывают непосредственное влияние на социально-экономическое положение Волгоградской области и положение ее среди других субъектов Южного федерального округа.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21–18–00271 в рамках проекта «Логика, институты и стратегии развития «сжимающихся» старопромышленных городов: синтез гетеродоксальных подходов».

Список литературы

1. Астраханьстат [Электронный ресурс] URL: <https://astrastat.gks.ru>
2. Волгоградстат [Электронный ресурс] URL: <https://volgastat.gks.ru/organizations>, свободный
3. Дмитриев А. С. Коммунальная инфраструктура города Волгограда: динамика состояния, объемы финансирования и перспективы // Жилищные стратегии. 2021. Том 8. № 1.
4. Дмитриев А. С., Сташ А. М. Социальные программы в структуре расходов консолидированного бюджета субъекта Федерации // Статистика и экономика. 2020. № 2. С. 63–71.
5. Инновационная активность организаций Волгоградской области в 2019 году: аналитический обзор / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоградской обл. Волгоград: Волгоградстат, 2020. 31 с.
6. Инвестиционная и строительная деятельность в Волгоградской области: стат. обозрение / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. Волгоград: Волгоградстат, 2019. 129 с.
7. Копылов А. В., Цыганкова В. Н. Мониторинг инновационной активности в Волгоградской области и ЮФО // Вопросы инновационной экономики. 2015. Том 4. № 3. С. 36–48.
8. Мерзликина Г. С., Пшеничников И. В., Жеребов Е. Д. Диффузия инновационных процессов как основа жизнеспособности регионального инновационного кластера // Научно-

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК...

технические ведомости Санкт–Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2016. № 6 (256). С. 54–63.

9. Мершиева Г. А., Митрохина С. М., Самсонова М. В., Самсонова Е. В. Исследование инвестиционной привлекательности Волгоградской области с точки зрения развития приоритетных отраслей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2018. № 3. С. 82–87.

10. Митрофанова И. В., Пожилова И. В. Модернизация институтов развития как стратегическое направление совершенствования региональной экономической политики // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7. С. 55–61.

11. Митрофанова И. В., Чернова О. А. Реиндустриализация старопромышленных регионов Юга России: тенденции, потенциал, риски // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. № 1. С. 13–27.

12. Моница Е. С., Мещерякова Я. В., Шаркевич И. В. Эволюционно-структурный анализ межотраслевых пропорций в экономике Астраханской и Волгоградской областей за 1998–2016 гг. // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2018. № 2. С. 37–44.

13. Краснодарстат [Электронный ресурс] URL: <https://krsdstat.gks.ru/>

14. Крымстат [Электронный ресурс] URL: <https://crimea.gks.ru/>

15. КСП Волгоградской области [Электронный ресурс] URL: <https://www.ksp34.ru>

16. Общая характеристика хозяйствующих субъектов Волгоградской области на 1 января 2021 года: стат. обзор / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. Волгоград: Волгоградстат, 2021. 64 с.

17. Ростовстат [Электронный ресурс] URL: <https://rostov.gks.ru/>

18. Рязанов В. Т. Новая технологическая революция: ожидания и варианты будущей модели экономики // Экономическое возрождение России. 2019. № 4 (62). С. 43–51.

19. Сухинин С. А. Структурные особенности экономического пространства Юга России // АНИ: экономика и управление. 2019. № 3 (28). С. 354–359.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

SUMMARIES

INVESTMENT ATTRACTIVENESS AS A FACTOR OF DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Velgosh N. Z., Sivash O. S., Zmiyak S. S.

Investment attractiveness is an important element of the effective development of the region, as it creates the basis for the growth of the volume of attracted investment resources that can be used to develop production technologies, create new and modernize existing enterprises, increase production volumes and improve the quality of products. At the same time, creating the most favorable conditions for investment, increasing the competitiveness of the region as a whole is one of the main tasks of regional economic policy. Studying the factors that form investment attractiveness, as well as affecting its level, makes it possible to choose effective methods of state regulation of investment activities and the development of measures aimed at reducing investment risks and increasing the investment potential of the region.

Key words: investment attractiveness, assessment methodology, regional development, investment activity, investment standard, public-private partnership.

MODERN TRENDS AND GROWTH FACTORS OF HIGH-TECH EXPORT

Voronina T. V., Yatsenko A. B., Kalynychenko M. P.

The article reveals modern trends in the development of the world market for high-tech products: the increase in the volume of high-tech exports in world trade; outstripping the growth rates of high-tech exports in 2020 compared to the growth rates of compared to merchandise export; dominance of the countries of the Asia-Pacific region, primarily China. The hypothesis of the study was to establish a causal relationship between the absolute growth in the volume of high-tech exports in international trade and the factors causing it. Proof of the hypothesis was carried out using a multiple linear regression model. The results of the study made it possible to establish the influence of the most significant factors on high-tech exports: the number of issued patents, the inflow of foreign direct investment, spending on education and R&D, the number of researchers in the field of R&D.

Key words: high-tech exports, exporters, high-tech production, R&D, foreign direct investment.

THE GENESIS OF FINTECH AS A FACTOR IN THE FORMATION OF INNOVATIVE BANKING MODELS

Glushchenko M. E., Fedorov V. M.

Digital technologies have caused radical changes in the banking sector of the economy. Currently, the ways, processes, methods and means of providing banking services are changing, their list is expanding, the speed and security of financial transactions are

increasing many times due to the global transformation of the global financial market, which is the result of the emergence of innovative digital services and technologies.

The purpose of this article is a genetic study of the stages of development of a new global phenomenon of the last few decades – financial innovation. They have changed the perception of traditional financial products and services, and of customer service technologies by credit institutions.

The combination of methods of historical development, analysis, synthesis and generalization made it possible to establish the starting point of the origin of financial innovations and trace the main stages of their further evolution over the past fifty years. The authors used an empirical method of cognition and identified the main directions of development of modern financial technologies.

Fintech, as a subject area of research, originated and received the start of practical application in countries with a stable market economy, which are global leaders in the number of technology startups. In this regard, the authors carried out a broad comprehensive theoretical study of emerging trends and existing problems in the application of technological innovations in the banking sector. In order to achieve the goal, the authors studied the scientific works (monographs, articles, analytical reports) of leading foreign scientists and experts of the global financial market.

The collaboration of traditional banking business processes and the achievements of the fintech-industry ensures the digitalization of the main banking operations - lending, savings, payments, transfers, insurance and brings them to a new level of operating speed, convenience and security.

The article highlights the most important technologies that have ensured the dynamic development of the global financial market and the decisive transformation of the banking business in the direction of its digitalization. The scientific article contains the results of the research of modern models of banking business, which are based on innovative technological platforms and advanced financial designing. The scientific work examines examples of their practical application in the field of digital banking.

The authors assume that their further scientific research will be related to the study of the national strategies of the world's leading states in the use of artificial intelligence as the main element of innovative financial technologies.

Key words: FinTech, innovations, stages of development, banks, services.

JUSTIFICATION OF DIRECTIONS FOR INCREASING THE EFFICIENCY OF IMPLEMENTATION OF REGIONAL PROGRAMS IN THE SPHERE OF ECOLOGY AND PROTECTION OF NATURAL RESOURCES IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Dobrovol'skaya O. P., Fedchenko S. S.

The paper analyzes the theoretical and organizational and methodological aspects of environmental programming; an assessment of the effectiveness of the implementation of environmental programs of the Republic of Crimea was carried out; substantiated the main directions of increasing the efficiency of the implementation of environmental programs of the Republic of Crimea on the basis of optimization of monitoring activities and the creation

of an information and analytical system for assessing regional programs in the field of ecology and protection of natural resources.

Key words: environmental programming, region, regional management, efficiency, monitoring, indicators, SMATR technologies, information and analytical model.

TRANSFORMATION OF METHODOLOGY AND PRACTICE OF STATE REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITY IN THE REAL SECTOR OF RUSSIA

Kamyshova A. B., Rodimenkova M. O.

In the period of post-like economic recovery, the problem of stimulating the economic activity of the private sector of the national economy acquires particular relevance. The most important thing from the point of view of the recovery of economic activity in the private sector of the economy is to provide conditions for the growth of investment activity in the real sector. The article substantiates the need to transform the methodology of monetary regulation in Russia. To ensure the effective implementation of the methodology of monetary regulation proposed by the authors in the process of implementing monetary policy in practice, it is necessary to supplement the positive approach used in the article with the methodology provided for by the regulatory approach.

Key words: government regulation, investment activity, real sector, monetary policy, macroeconomic policy.

UNIVERSITIES IN THE INNOVATIVE INFRASTRUCTURE OF THE REGION

Mashyanova E. E., Nikitina M. G., Reutov V. E.

The article deals with the organization of innovative activities of higher educational institutions in the context of special regimes of park regional territories. The innovative development of the university depends on the influence of a set of conditions and factors on the organization of the innovation process, which includes research and development and experimental design work. The study of the innovative activity of the university implies the relevance of the study of special economic regimes and conditions for the functioning of park areas, within which a higher educational institution will be able to effectively realize its innovative potential.

The state today pays special attention to university innovations. This is reflected in the active support of the state for the development of innovative university complexes and the development of priority national programs. Modern university complexes are a system of innovative and technological units closely related to federal and regional structures. The overall innovative result of the activities of higher educational institutions can only be achieved through the interaction of educational, scientific, technological, organizational,

financial and commercial activities.

To organize the infrastructure of innovation activities of universities, it is advisable to use university complexes as one of the promising forms of improving the quality of education and strengthening its connection with innovative business.

The potential capabilities of higher educational institutions not only improve the quality of the regional industry as a whole, but create conditions for the implementation of innovative industries of individual companies.

Today, the issue related to the economic efficiency of the activities of special economic zones and the possibilities of participation in their economic and legal field of higher educational institutions is becoming relevant.

The main directions of the innovative development of higher education in the country is the creation of an innovative structure that will contribute to obtaining a high-tech product within the framework of organizing its activities in the territories of techno parks.

The main directions of accelerating the development of innovative activities in universities is to ensure the implementation of their research, innovation, and entrepreneurial potential. However, to organize these areas, it is necessary to take into account external factors that can directly affect the effectiveness of the innovative activity of the university. It is the possibilities of activity in special economic regimes that are the factors that can accelerate the innovative development of higher educational institutions and have a positive impact on obtaining an innovative product.

Keywords: innovation activity, innovation system, regional development, technology parks, special economic zones

SALES PATTERNS OF WINERIES ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION WINEMAKERS

Mirgorodskaya E. O., Khan R. S.

Strong competitive pressure from major market players from the wine regions of Russia significantly complicates the activities of regional wine producers in the home market. Today, the efficiency and competitiveness of the wine producer in the market is largely determined by its marketing strategy, including the relevant marketing patterns – the combination of product, price and sales policies of the winery determines the ability to reach and retain the target audience. The sales patterns used by wine producers depend on the products and the brand position, which, in turn, affects the choice of priority price segments. The patterns analyzed depend on the national and sometimes regional specifics of wine consumption. The purpose of this article is to analyze the existing marketing patterns of the Don region wineries in the region as a basis for improving the efficiency of their functioning in a highly competitive market and ensuring their strategic position in the Russian winemaking market.

Keywords: Sales patterns of wineries, sales of wine products, distribution of wine products, marketing in winemaking

STUDY OF THE LABOR CRISIS FROM THE POSITION OF A SYSTEM ECONOMY

Petrenko T. V., Rakuta N. V.

In the context of innovative development, the ubiquitous dissemination of the foundations of the digital economy, the issues of increasing the efficiency of labor activity, changing the qualitative characteristics of labor and mechanisms for stimulating it based on the needs of the modern economic system are being actualized. Such changes create new challenges that determine trends in the development of the labor sphere, one of which is the labor crisis, which can be defined as a fundamental contradiction in the economy associated with the absence of a deterministic relationship between the labor process, its result and the level of employee satisfaction. The result is insensitivity to innovation, the psychological discomfort of interpersonal communication, which everywhere contribute to the low level of labor productivity. The technological improvement of economic activity, influencing the universe and accompanied by transformations of the functional characteristics of the content of specific types of labor, generates a request for studies of the reactions of actors that remain in their minds and build new stereotypes of labor behavior. Patterns in the field of implementation of labor functions should correspond to the needs of modern development, creating a new environment - encouraging creativity, competence growth, educational level and its expansion on the basis of narratives adequate to public needs. However, it is practically impossible to achieve this without overcoming systemic limitations, which requires a study of the transformation of the socio-economic system itself. Systemic economic theory provides a sufficient scientific arsenal, on the basis of which it is possible to identify and systematically evaluate the problem of the labor crisis, to form appropriate methods and techniques for overcoming it. Visualization of the cause-and-effect relationships of the national economy with the labor crisis with the help of a tetrad makes it possible to establish the significance of the problem and focus on the development of appropriate mechanisms for its systemic resolution.

Key words: Labor crisis, digital economy, system economy, tetrad, productive forces, innovation.

THE EXPERIENCE IN IMPLEMENTING THE TRIPLE HELIX MODEL IN THE NORDIC COUNTRIES

Prihodko I. I., Vanyushkin A. S., Barsegyan A. G.

Article examines the experience of implementing the triple helix model in Sweden, Norway, Denmark and Finland, defines the role of using this model in the innovative development of these countries and analyzes the critics of the model. It's shown, that one of the preconditions of implementing the triple helix model is transformation of functions of a state to the side of maintenance for forming net or cluster hybrid structures in frames of an innovation system. Such transformation is aimed at maintenance of an active cooperation among universities, public and private scientific and research institutions, large companies, small innovative firms, venture investors and other participants. Also each type

of the above mentioned participants of an innovation system combines not only its original functions, but some additional ones, which are more typical for other kinds of participants. For instance, commercialization of results of scientific research is the function, more typical for business, than for universities.

Investigation of the successful experience of Nordic countries in implementation of the triple helix model has allowed highlighting the most characteristic features of this process. Firstly, implementation of the triple helix model is considered together with other instruments of achieving economic growth in regions, first of all, stimulating entrepreneurship development. Secondly, within innovation strategies on national and regional level and their further implementation, demand and innovations must be consumer-oriented. Thirdly, each region of a country must formulate its priorities (sectors, etc.) for innovations, which might reflect existing strong clusters. And of course, all of these features must be accompanied with the maintenance of strengthening cooperation among all the types of participants of the triple or, even, the quad helix model.

All the above mentioned features can be discovered in the examples of implementation of the triple helix model, including ones, considered in the article. The centers of commercialization of results of scientific research are autonomous and, therefore, the most flexible structures, which due to the absence of control and the probable domination from the side of participants of the triple helix model can achieve more effective interaction and cooperation among them, than in other cases.

The main prospects for the development of the triple helix model are determined, one of them implies including the fourth element – a civil society. Recommendations for use of the studied experience of implementing the triple helix model for the purposes of acceleration of the innovative development of Russian Federation are formulated. They include the following. The participation of the state in the triple helix model must be restricted in frames of creating the most favorable conditions for improving interaction between business and universities. While regulating relations among the participants of the triple helix model, the emphasis should be made on signing framework agreements, creating coordination structures. The universities, which participate in the triple helix model, should be given the mostly autonomous status. It would give them the possibility of empirical search of the optimal balance of fulfilling as their classical functions, as commercial ones, in frames of interaction and cooperation with business.

Key words: innovation policy, innovation infrastructure, triple helix model, commercialization of innovations.

FEATURES AND PROSPECTS FOREIGN TRADE OF THE RUSSIAN FEDERATION MECHANICAL ENGINEERING PRODUCTS WITH INDIVIDUAL COUNTRIES OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Rudnitskiy A. O., Ustimenko E. R., Mirankov D. B.

In the article considered features and the prospects foreign trade cooperation of the Russian Federation with individual countries Central and Eastern Europe in particular trade mechanical engineering products at the present stage. Exchange of products of high-tech

industries with a high proportion surplus value considered as a basis for sustainable development national economy generally. Central and Eastern European markets potentially can perform as «access point» domestic products to European markets. However, objective economic interests based on mutually beneficial cooperation and participation in the international division of labor at present are sacrificed opportunistic political interests.

Based on the analysis extensive array statistical data the dynamics of changes in the main indicators of foreign trade in machinery and equipment of the Russian Federation with the CEE countries in 2016-2020 is presented. The structure of trade turnover is analyzed. Reviewed in detail foreign trade in machinery and equipment of the Russian federation with the main partners from the Central-Eastern region. Potential opportunities and threats to the development of foreign trade cooperation are described.

Calculation indicators of the intensity of foreign trade, namely the intensity and complementarily indices, as well as the preference coefficient special attention is paid to. Prospects of cooperation between the countries are revealed.

Key words: foreign trade, trade intensity indicators, mechanical engineering, Central and Eastern Europe.

THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF THE SUBJECT IN TEACHING OF ECONOMIC THEORY AND APPLIED ECONOMIC DISCIPLINES

Sitokhova T. E., Kumaritova Z. A.

The article shows that the definition of the subject of economic theory and subjects of applied economic disciplines is a very urgent problem. The problems of the formation of the subject and methodology of economic research are analyzed. It is proved that the prospects of methodological changes in modern economic theory are associated with the expansion of the possibilities of categorical analysis of the subject of science. The conclusion about the need to form an updated methodology of economic theory as a response to the acute challenges of economic and social development is substantiated. It is emphasized that interdisciplinary research will make it possible to bring economic theory as close as possible to solving applied problems, and economic models that define and explain economic problems should be accompanied by a link with practical tasks, and the course itself should contain a recommendation part. The problems of dissociation of approaches to the content of the course of economic theory are considered and their solutions are proposed.

The subject area of political economy coincides with the subject area of economic theory, however, some schools focused only on certain parts of the subject of economic theory, which caused not only special names (neoclassicism, Keynesianism, etc.), but also the corresponding methodological base and methodology.

The task of branch applied economic sciences is to study the forms (and therefore indicators) of the manifestation of general economic categories that are special for this industry, as well as the search for specific ways to save resources, increase production efficiency, etc. However, it is important to understand that economic theory presents

problems conceptually, that is, it should show which concepts describe the problem and its solution at the present time and which ones may still be developed. Applied economic disciplines, each in its own field, should concretize these concepts, show the specifics of the practical implementation of the corresponding conceptual provisions. The specification of the provisions, respectively, will enrich them and make them more precise based on the study of practice materials.

Key words: economic theory, the subject of economic theory, methodology, interdisciplinary approach, applied economic disciplines.

INCREASING INVESTMENT ATTRACTIVENESS AS A FACTOR IN ENSURING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE OLD INDUSTRIAL REGION (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

Frolov D. P., Dmitriev A. S., Volkov S. K., Akimova O. E.

The Volgograd region, once one of the leaders of industrial production in Russia, is currently experiencing stagnation. The lack of visible economic growth encourages residents of the region to leave it, and enterprises and organizations are leaving industry markets en masse due to the lack of investment resources and the downward dynamics of demand for their products and services from business entities and individuals. In this regard, it seems necessary to consider the dynamics of the main socio-economic indicators of the region, as well as the development of measures to increase the investment attractiveness of the Volgograd region. The methodology of the research carried out in the article includes structural and statistical analysis, grouping, classification and synthesis of the results obtained. Based on the results of the work, it is concluded that the lack of investment resources is the root cause of the decline of regional industry, and therefore the priority direction of stabilizing the socio-economic situation of the region is to increase its investment attractiveness, including through public-private partnership.

Key words: regional economy, sustainable development, industry, old industrial region, investment attractiveness, investments in fixed assets, statistics

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова О. Е., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и предпринимательства ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»

Барсегян А. Г., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ванюшкин А. С., доктор технических наук, профессор кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Вельгош Н. З., кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Волков С. К., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и предпринимательства ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»

Воронина Т. В., доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой мировой экономики и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Глущенко М. Е., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и сервиса ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет»

Дмитриев А. С., ведущий специалист—эксперт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области, младший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»

Добровольская О. П., кандидат географических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Змияк С. С., доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Калиниченко М. П., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова»

Камышова А. Б., доктор экономических наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли ФГБОУ ВО «Санкт–Петербургский государственный экономический университет»

Кумаритова З. А., аспирант кафедры экономики ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Машьянова Е. Е., старший преподаватель кафедры финансов и кредита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Мираньков Д. Б., старший преподаватель кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Миргородская Е. О., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Никитина М. Г., доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Петренко Т. В., кандидат философских наук, профессор кафедры экономики и финансов ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»

Приходько И. И., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ракута Н. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Реутов В. Е., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Родименкова М. О., аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли ФГБОУ ВО «Санкт–Петербургский государственный экономический университет»

Рудницкий А. О., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Сиваш О. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ситохова Т. Е., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Устименко Е. Р., магистрант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Федоров В. М., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и сервиса ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет»

Федченко С. С., ведущий специалист кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Фролов Д. П., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»

Хан Р. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и инженерной экономики ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Яценко А. Б., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

СОДЕРЖАНИЕ

Вельгош Н. З., Сиваш О. С., Змяк С. С. Инвестиционная привлекательность как фактор динамичного развития региона	3
Воронина Т. В., Яценко А. Б., Калининко М. П. Современные тенденции и факторы роста высокотехнологичного экспорта	13
Глущенко М. Е., Федоров В. М. Генезис финтеха как фактор становления инновационных моделей банкинга.....	21
Добровольская О. П., Федченко С. С. Обоснование направлений повышения эффективности реализации региональных программ в сфере экологии и охраны природных ресурсов в Республике Крым.....	30
Камышова А. Б., Родименкова М. О. Трансформация методологии и практики государственного регулирования инвестиционной активности реального сектора России	42
Машьянова Е. Е., Никитина М. Г., Реутов В. Е. Вузы в системе инновационной инфраструктуры региона	52
Миргородская Е. О., Хан Р. С. Сбытовые паттерны винодельческих предприятий на примере производителей Ростовской области	68
Петренко Т. В., Ракута Н. В. Исследование кризиса труда с позиций системной экономики.....	79
Приходько И. И., Ванюшкин А. С., Барсегян А. Г. Опыт реализации модели тройной спирали в странах Северной Европы	93
Рудницкий А. О., Устименко Е. Р., Мираньков Д. Б. Особенности и перспективы внешней торговли Российской Федерации продукцией машиностроения с отдельными странами Центральной и Восточной Европы	100
Ситихова Т. Е., Кумаритова З. А. Проблема разграничения предмета в преподавании экономической теории и прикладных экономических дисциплин	114
Фролов Д. П., Дмитриев А. С., Волков С. К., Акимова О. Е. Повышение инвестиционной привлекательности как фактор обеспечения устойчивого развития старопромышленного региона (на примере Волгоградской области)	128
Summaries	146
Сведения об авторах.....	154
Содержание	157
Contents.....	158

CONTENTS

Velgosh N. Z., Sivash O. S., Zmiyak S. S. Investment attractiveness as a factor of dynamic development of the region.....	3
Voronina T. V., Yatsenko A. B., Kalynychenko M. P. Modern trends and growth factors of high-tech export.....	13
Glushchenko M. E., Fedorov V. M. The genesis of fintech as a factor in the formation of innovative banking models	21
Dobrovolskaya O. P., Fedchenko S. S. Justification of directions for increasing the efficiency of implementation of regional programs in the sphere of ecology and protection of natural resources in the Republic of Crimea.....	30
Kamyshova A. B., Rodimenkova M. O. Transformation of methodology and practice of state regulation of investment activity in the real sector of Russia	42
Mashyanova E. E., Nikitina M. G., Reutov V. E. Universities in the innovative infrastructure of the region	52
Mirgorodskaya E. O., Khan R. S. Sales patterns of wineries on the example of the Rostov region winemakers	68
Petrenko T. V., Rakuta N. V. Study of the labor crisis from the position of a system economy	79
Prikhodko I. I., Vanyushkin A. S., Barsegyan A. G. The experience in implementing the triple helix model in the Nordic countries.....	93
Rudnitskiy A. O., Ustimenko E. R., Mirankov D. B. Features and prospects foreign trade of the Russian Federation mechanical engineering products with individual countries of Central and Eastern Europe	100
Sitokhova T. E., Kumaritova Z. A. The problem of differentiation of the subject in teaching of economic theory and applied economic disciplines.....	114
Frolov D. P., Dmitriev A. S., Volkov S. K., Akimova O. E. Increasing investment attractiveness as a factor in ensuring the sustainable development of the old industrial region (on the example of the Volgograd region).....	128
Summaries	146
Authors Data.....	154
Contents	158